

КХ-1

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

АКАДЕМИК
А.С.ОРЛОВ

ЕРОИЧЕСКИЕ ТЕМЫ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1945 · ЛЕНИНГРАД

НЧЗ № 3

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Н73н3

~~Ш61~~

~~Ор 660~~

АКАДЕМИК
А.С.Орлов

8(с/)-91.41

0-66

24А11

Русская

0.66

248264

ПЕРОИЧЕСКИЕ ТЕМЫ
ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЗВІРЕНО 1961 р.

К Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1944 · ДЕНИНГРАД

ВВЕДЕНИЕ

Средневековое русское повествование полно героическими сюжетами в обоих своих руслах — в церковном и светском, такими сюжетами, в которых деяния изображаются как труд и подвиг, направленные к общему благу народа, согласно пониманию его в феодальную эпоху жизни государства.

Специально церковная литература не является предметом настоящего обзора ввиду ее отвлеченности от реальной действительности. Но влияние церковных памятников на все виды европейской литературы средневековья было настолько сильно, что его не приходится игнорировать. В «светской» письменности оно сказывалось, начиная от языка и поэтики и кончая идеологическим осмыслением изображаемого. Это церковное воздействие на светское повествование началось еще в византийской литературе и, благодаря церковному авторитету Византии для Руси, отразилось в нашей «светской» книжности. Впрочем, на Руси наблюдалось и обратное влияние — светской повести на церковную, например «жития святых» иногда писались по манере дружинной княжеской летописи.

Обзор светской повествовательной литературы русского средневековья на героические темы мы ограничиваем временем с XI по XVI век. В эту эпоху повествование определяется однородным в основе стилем, образовавшимся к XI веку и завершившим цикл своего развития в XVI веке, накануне бурной перестройки государственных и культурных отношений.

Пересказывая далее исторические повести указанной эпохи, мы обращаем особое внимание на их стилистическое оформление. Оно настолько плотно прикрывает

историческую сущность рассказа, что без учета этой внешней формы изображения смысл повествования не уясняется. Свойственный средневековой культ условной риторике достигал такого уровня, что иногда весь рассказ составлялся из установившейся в книжности стилистической декорации. Стилистическая оболочка рассказа представляет собой некое «иносказание», которое подлежит разгадыванию. Не следует, однако, считать эту декоративную внешность повествования бессодержательной, она только по-своему, так сказать метафорически, передает смысл и значимость событий, сообщая вызываемое ими настроение.

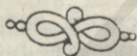
Комплекс стилистических особенностей, усвоенный на Руси светским повествованием в очень раннюю пору и традиционно повторяемый, с особой четкостью выступает в тех случаях, когда у повествователя почему-либо не оказалось реальных деталей происшедшего. В этих случаях рассказ принимал вид „*exemplum fictum*“, слагаясь из «общих мест» (*loci communes*). В пример приведем шаблон боевого столкновения, соединив в нем наиболее стойкие стилистические «общие места». На Русь ополчились иноверные неприятели — «поганые», «сыроядцы». Они выступили «в силе тяжце», «возгордевшись» «пыхая (или дыша) гневом». Войска сошлись, доспехи сияли «яко солнце» или «яко зоря». «И соступишася обои, и бысть сеча зла», «стрелы идяху, аки дождь», «кровь течаше, яко река», мертвые «падаху, яко снопы». Наконец, неприятели, «дав плещи, побегоша».

Но стилистическое оформление русских повестей не было однообразным. В нем намечается по крайней мере два течения: одно выходило из чисто книжной среды, другое течение шло от живого языка и устной поэзии. Первое, собственно «книжное», дошло в наибольшем числе произведений. Второе течение чаще всего лишь прорывалось в «книжную» повесть, независимое же и полное проявление его дошло до нас в немногих памятниках. Устной стихией несомненно запечатлены наиболее ранние сказочные предания Руси, просто и лаконично переданные летописью.

В начальную пору русского феодализма наравне с обычной «книжной» литературой существовала особая «дружинная», теснейшим образом связанная с устной народной поэзией. Замечательным ее образцом является «Слово о полку Игореве». В последующее время вплоть

до XVI века следы устной стихии более редки в повествовании. Рассеянные по «книжной» основе, они выделяются и познаются путем сравнения с элементами чисто национальной устной речи, дожившими до нашего времени в бытовом и поэтическом выражении. К такому сравнению можно привлекать также памятники не литературного назначения, писавшиеся обычно на языке устного обихода, например юридические и хозяйственные тексты, частные письма (не «послания» или «эпистолии», а «грамотки»). В литературную «книжную» речь, полную славяницы, оригинальные русизмы проникали периодически при периодических всплывах интереса к национальной культуре.

ГЛАВА I

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ НАЧАЛЬНОЙ ЛЕТОПИСИ

С самого начала русской литературы рассказу в ней была свойственна художественность. Особенной изобразительностью отличался исторический рассказ. История в древности всегда была беллетристична, и наилучшими произведениями древней русской литературы была именно историческая беллетристика. Самый ранний исторический сборник — Начальная русская летопись, заключающая в себе материал разного объема — от простой заметки до развернутой повести, почти непрерывно художественна. Летописная повесть имеет достаточно моментов для проявления художественности, но и летописная заметка обычно не лишена ее, вследствие образности и пластичности самого языка. Даже перечневые обзоры и чисто деловые известия складываются в картинные группы, свидетельствующие о намерении автора часто оживить предмет рассказа. Даже в простых заметках автор часто подчеркивает свою связь с читателем, следит за верностью его восприятия, делает его как бы зрителем, свидетелем происходящего¹. Такого рассказчика нельзя иначе назвать, как только художником.

Уже из заглавия Начальной летописи («Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжити и откуда Русская земля стала есть») видно, что основной темой ее являются судьбы «Русской земли». Это наименование не только покрывало сеть княжеств, но объединяло в одно целое

---

¹ Это свойство повествователя — признак народности, близости к устной, живой стихии. Такая беседа с читателем «придает старинной речи особенную искренность и наивность разговорного начала» (слова Буслаева по схожему поводу).

многие племена, в нем звучало чувство родины. Самые лучшие произведения древней русской литературы, похвально-ораторские и орааторские, полны любовью к родной земле, сознанием ее величия, достигнутого «пото́м и грудом» народным. Особенно горячее чувство любви вызывала родина, когда ее постигало несчастье, когда, по слову Серапиона Владимирского (XIII в.), «величество наше смирился, красота наша погине». Эту красоту в том же веке иноплеменного ига воспел биограф Александра Невского, начав его биографию таким обращением к Русской земле: «О светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская».

Представление о Русской земле, как о единой, существовало и в эпоху феодальной раздробленности и в эпоху феодальной монархии. Даже в самую глухую пору средневековья признавалась необходимость защищать, охранять всю эту землю как целое, общее. Эта идея держалась крепко, несмотря на попытки ее нарушить, вызывавшиеся противоречиями феодальной системы. Даже в усобицах, когда, казалось, господствовали узко-местные интересы, память об общей родине, представление о ее целостности не исчезало. И династические зачинщики усобиц оправдывали их необходимостью восстановить нарушенное право, нарушенное единство всей династической сети, всего феодального союза областей Русской земли, то есть всей «Русской земли» в целом.

Историческая литература средневековья преимущественно посвящена столкновениям из-за «Русской земли», как с внешним врагом государства, так и между самими русскими областями. Поэтому исторические повести в большинстве были «воинскими». Воинский характер повествования считался наиболее подходящим для исторической литературы, как это явствует, например, из такого рассуждения Кирилла Туровского (XII век): «историци, рекше летописци и песнотворци, прикланяють свои слухи в бывшая межи цесари рати и ополченья, да украсят словеса слышащая и возвеличат крепко мужествовавшая по своем цесари и не давших в брани плещу врагом (т. е. не показавших тыла, не бежавших перед врагами), и тех славяще похвалами венчают». Или вот как почти сто лет спустя галицкий автор характеризует свой исторический труд: «Начнем же сказати бесчисленные рати, и великие труды, и частые войны, и многие крамолы, и частая востания, и многие мятежи. ...Посем

скажем многой мятеж, великие лъсти (коварства), бесчисленные рати».

Такая характеристика исторического изложения относится не только к Галицкой летописи, область которой действительно жила бурной жизнью. Остальная Русь переживала также бури и волнения, необходимо вытекавшие из феодальной системы, разве лишь силы борющихся сторон находились в иных соотношениях. Таким образом, в состав большинства исторических повестей входил повсеместно воинский элемент. Сложный узел событий средневековый историк предпочитал рассекать мечом. Но ореолом воинственности он наделяет не только своих избранников, но и руководимую ими народную массу, которая и вершит дело.

Не все победы и поражения отмечались целыми повестями; от иных остались лишь упоминания. Так, например, Начальная русская летопись заключает в себе кратчайшие заметки, чередующиеся с повестями, тоже разными по объему и по характеру изложения. Не все эти повести одинаково «украшены словесы».

Эта древнейшая из дошедших русская летопись, названная в заглавии «Повестью временных лет», сохранилась в начале летописей вообще, т. е. в массе летописных списков, превышающих две сотни экземпляров. Объем собственно русской истории в этой летописи охватывает период с IX века по первое десятилетие XII века. Дошедший до нас текст Начальной русской летописи испытал много изменений, наслоений и т. п., в результате которых получилась очень сложная постройка, далекая от первоначальной композиции летописного изложения. В дошедшем до нас тексте ощущается творчество многих летописцев, последовательно сменявших друг друга. Но так как эти летописцы, продолжая работу предшественника и местами редактируя ее, все же находились под ее влиянием, получилась некоторая общность их манеры, общность отношения к изображению событий. Однако даже на первый взгляд в дошедшем до нас виде летописи обнаруживаются две половины. В первой половине русская история связывается с мировым историческим процессом, начинаясь с разделения всей земли между сыновьями библейского Ноя после потопа и связываясь синхронистически с историей Византии и славян. Эта часть особенно легендарна, в ней много следов неписанных и писанных сказок, а, может быть, и песен, много сказочных измышлений, много пре-

даний и попыток исторического домысла. Эта первая часть летописи заканчивается, по нашему мнению, где-то в первых десятилетиях XI века, в эпоху княжения Яро-слава Владимировича, когда действительно «Русская земля стала есть», по тогдашнему представлению. Вот этой первой половине летописи, собственно, и принадле-жит название «Повесть временных лет».

Передавая далее содержание повестей Начальной рус-ской летописи, мы не касаемся вопроса о времени вклю-чения их в ту или другую часть летописи, которая до-шла до нас после неоднократной редакции. Для нашей собственно литературной характеристики важно отме-тить то, что эти все повести, возникшие или вставлен-ные в разное время, по тону и принципам стиля соот-ветствуют намечающимся отделам общего летописного повествования.

Если Начальная русская летопись все же сохранила для нас свою редакцию конца XI — начала XII века, то эту наиболее полную обработку, утвержденную призна-нием последующих веков, мы условно и считаем за единую литературную композицию.

Летописец начинает русскую историю с 862 года. «В лето 6360 (от сотворения мира, т. е. в 862 году нашей эры) наченшу Михаилу царствовати (в Византии) нача-ся прозывати Русская земля. О сем бо уведехом, яко при сем цари приходиша Русь на Царьград, яко же пи-шетъ в летописании Греческом. Тем же отселе почнем и числа (т. е. годы событий) положим». Считая от этой даты по крайней мере полтора ста лет, получается период времени, участником и свидетелем которого не был ни-кто из русских летописцев. Да и самая славянская гра-мота была усвоена лишь в самом конце этого периода. Естественно поэтому русская история этого времени могла быть представлена легендами и преданиями и лишь изредка известиями соседей, ранее приобщенных к книжности. Эти легенды и предания были посвящены прославлению первых деятелей Русской земли, трудив-шихся на благо ее государственного бытия. Почти все они поименованы были проповедником первой половины XI века Иларионом, приглашавшим в своем «Слове о законе и благодати» «похвалить» «Владимира, внука старого Игоря, сына славного Святослава, которые были в свое время владыками и, благодаря своему мужеству и храбрости, прослыли в странах многих; и до сих пор вспоминается их непоколебимость и крепость. Не в пло-

хой стране и не в неведомой земле были они владыками, но в Русской, которая ведома и слышима во всех концах земли».

Легендарные рассказы Начальной летописи содержат преимущественно отдельные, наиболее изобразительные эпизоды, обрамленные в виде самостоятельных новелл. Но рассказ о Святославе, первом из князей, носившем славянское имя, представляет целую героическую его биографию, причем факты ее соответствуют действительности. Если в них ощущаются поэтические черты, то их источник коренится в реальном образе Святослава, а не в вымысле. Самая интрига рассказа чрезвычайно эффектна. Бродячий воин, подобный богатырю устных былин, изнывающему от избытка силы, уводит свою дружину воевать в чужую страну, где «вся благая сходятся», оставляя на родине престарелую мать и малых детей. Во время отсутствия этого героя его семью осаждали в столице неведомые дотоле враги. Но одно только имя героя и угроза его близости отогнали их полчища. Вернувшись из чужой, завоеванной им страны, он не остался, однако, на родине, прельщенный своими новыми владениями, несмотря на то, что старуха-мать просила его побыть здесь хотя бы только до ее смерти. Раздав свои области сыновьям, он возвратился в завоеванную страну, где его ждала новая война с неизмеримо более мощным противником. Подавленный массой войск, но непобедимый в прямом бою, герой принужден был отказаться от своих завоеваний и по дороге на родину был коварно убит.

Нельзя не удивляться характерности и бесподобному лаконизму летописного образа этого бродячего воина. Летопись выводит Святослава воином уже с детских лет. Когда Ольга выступила против древлян «стремше-маса обема полкома на скупь, суну копьем Святослав на Деревляны, и копье лете сквозе уши коневи, и удари в ноги коневи, бе бо детеск. И рече Свенелд и Асмолд: князь уже почал; потягнате, дружина, по князе». Позднее такими чертами изображены его подвижность, суровая выносливость и рыцарство: «Князю Святославу възрастишу и возмужавшу, нача вои совкупляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардус (барс) войны многи творяше. Ходя воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли, или говядину, на углех испек ядыше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах; тако

же и прочие вои его вси бяху. И посылаше к странам глаголя: «хочю на вы ити».

Состав этой летописной биографии Святослава сложен по происхождению. Прежде всего обращают на себя внимание речи Святослава, полные величием воинской чести. Например, когда десятитысячный отряд Святослава смутился перед сотысячным войском греков, «рече Святослав: уж нам не камо ся дети, волею и неволею стати противу; да не посраим земле Руские, но ляжем костыми ту, мертвыи бо срама не имам, аще ли побегнем срам имам; ни имам убежати, но станем крепко, аз же пред вами пойду: аще моя глава ляжет, то промыслите собою; и реша вои: идеже глава твоя, ту и свои главы сложим».

При всей строгой простоте и лаконичности, эти речи отличаются высоким ораторским искусством, напоминая высказывания героев античности. Начитанностью в византийской или болгарской литературе отзывается испытание греками наклонностей Святослава. Когда ему принесли в дар от греческого царя «злато и паволокий», он даже не посмотрел на них, зато «мечь и ино оружье... приим, нача хвалити и любити и целовати (благодарить) царя». Этот эпизод напоминает легенду об испытании Ахиллеса. Но, несомненно, русской легенде принадлежит рассказ об осаде печенегами Киева, в котором сидели Ольга и ее внуки: о том, как один юноша, выбравшись из города под предлогом поисков своей лошади, перешел через Днепр к русскому отряду воеводы Претича; как Претич, съехавшись с предводителем печенегов, напугал его вестью, что приближается войско самого Святослава, и как в знак мира и дружбы обменялся с печенегом оружием.

О местной русской основе рассказа говорят детали: пересекая неприятельское окружение, юноша брел уздечкой и, зная по-печенежски, спрашивал, не видал ли кто его коня. Но дружеский обмен оружием, соответствующим национальности противников (печенег дал лук со стрелами, Претич — меч и щит), как будто, опять напоминает античность.

В древнейшей части летописи иные легендарные новеллы повторяют сказочные мотивы, рассеянные по литературам мира.

Так, из воинских мотивов отметим взятие городов воинами, прибывшими в виде купеческого каравана, укрытыми, как товар (под 882 годом — взятие Киева

Олегом); сожжение города посредством птиц с привязанным к ним горючим веществом (под 946 годом — третья месть Ольги древлянам).

Весьма изобразительным, оригинальным в подробностях является славянский по национальной тенденции рассказ о взятии Олегом Константинополя под 907 годом летописи. Когда Олег пришел к «Цесарю-городу» с двумя тысячами «кораблей», греки заперли (цепью) гавань («Суд») и затворили городские ворота. Высадившись, Олег велел воинам вытащить корабли на берег. И войска его произвели сильное опустошение в окрестностях города: «разбиша многи палаты и церкви», пленников «посекаху», «мучаху», «расстреляху», «и ина многу зла творяху Русь греком, еликоже ратнии творят». И велел Олег воинам своим «колеса изделати» и поставить на них корабли. Когда поднялся попутный ветер, паруса надулись, и корабли с поля пошли к городу. Видя это, греки испугались и послали к Олегу со словами: не губи города, мы обяжемся тебе данью, какую захочешь. Олег остановил воинов, и греки вынесли ему съестные припасы (бращьно) и вино; но Олег не принял приношенья, ибо оно было отравлено. Испугались греки и сказали: «Нет, это не Олег, но святой Димитрий, посланный против нас богом. Следует пояснить, что христианский святой Димитрий считался патроном города Солуня, греческого по управлению, но славянского по населению своей области. Взяв с греков дань «на 2000 корабль, по 12 гривне на человек, а в корабли по 40 муж»¹, — Олег велел своим воинам готовиться к отплытию: нашейте для Руси (т. е. для варягов) паруса шелковые, а для словен «кропиньны» (из тонкого полотна). Так и сделали. «И повеси щит свой на вратех, показуя победу, и поиде от Цесаря-града». Когда надулись паруса, — шелковые у Руси и «кропиньные» у словен, — то ветер разодрал их. И сказали словене: возмем-ка мы свои толстины, не даются словенам эти паруса («имем ся своим толстинам, не даны суть Словеном пре»). И пришел Олег в Киев, принеся с собою золото и шелковые ткани, и овощи, и вина, и всякие предметы роскоши («всяко узорочье»). И прозвали люди Олега «вещим», ибо были язычники и невежды: и «прозваша

¹ Здесь помещен в пересказе договор Олега с греками, подкрепленный «ротою» (клятвою) богам: греки целовали крест, и Олег и мужи его «по Рускому закону кляшася оружьем своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом».

Олега вещей, бяху бо людие погани и невегласи». Эпизод с парусами, очевидно, принадлежал перу «словенина», то-есть жителя Новгородской области, ревниво относившегося к варягам и демократически несклонного к византийской роскоши.

Об усобицах детей Святослава летопись не сохранила развитых новелл; остались только краткие заметки о событиях, судя по жизненным деталям, действительно происходивших.

Походы самого Владимира Святославича дали сюжет двум рассказам Начальной летописи. Один из них представляет собою совершенно оформленную новеллу, целостную, художественно изложенную и полную драматизма. Это — повесть о Рогнеде. Содержание повести таково. Пришел из-заморья Рогволод и осел в Полоцке. Наступила Владимиру пора жениться, и он посватался за дочь Рогволода, Рогнеду. Гордая Рогнеда отказалась выйти за него замуж, сказав: «не хочу розути робиича». Дело в том, что Владимир был побочным сыном Святослава от Малуши, ключницы его матери, княгини Ольги. «Не хочу Владимира», — сказала Рогнеда, — «но Ярополка хочу», то-есть подлинного княжича, старшего брата Владимира. Оскорбленный Владимир ополчился на Рогволода, взял Полоцк и овладел Рогнедой.

Другая летопись дает более полный вариант повести. Взяв Рогнеду себе в любовницы, Владимир отвел ей на прокормление город. Здесь родился у нее сын Изяслав. Рогнеда не могла забыть насилия и однажды, когда Владимир заснул подле нее, попыталась его зарезать. Случайно избежав смерти, Владимир решил казнить Рогнеду и велел ей ожидать на ложе в свадебном наряде. Между тем Рогнеда научила своего маленького сына Изяслава пойти навстречу отцу и сказать ему: «Неужели ты думаешь, что ты здесь один?» Так и случилось. Пристыженный Владимир, уже шедший с мечом к Рогнеде, отказался от намерения ее казнить. Рогнеда же была прозвана Гориславой.

В русской литературе, как письменной, так и устной, не встречается рассказа, столь насыщенного эффектными мотивами, хотя для некоторых деталей параллели есть. Например, отказ гордой красавицы выйти за неровню, сопровождаемый презрительным иносказанием (см. в повести о Василии Златовласом: «не терт-де калачь, не мят-де ремень, садится лычко к ремешку лицом»); насилие над пренебрегшей девицей (там же). Но попытка

убить насильника во время его сна и особенно успешная защита младенцем своей матери путем инсценированного вызова отца на бой — единственны в своем роде. Наконец, совершенно изумительна цельность всего сюжета.

Только что приведенный нами более полный вариант повести о Рогнеде помещен в летописи лишь под 1128 годом, хотя по содержанию относится ко времени язычества: летописец сообщил его в объяснение вражды между изяславовыми и ярославовыми внуками. Прозвание Рогнеды «Гориславою» объясняется здесь горькой ее судьбой. Такое толкование поддерживает «Слово о полку Игореве», где отчество Олега Святославича изменено на «Гориславличъ»: «Тыгда при Олзе Гориславличи сеяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажьдожа внука».

Другой рассказ — про замечательный поход Владимира Святославича на Корсунь-Херсонес Таврический — изложен очень схематично и интересен не литературной разработкой, а как сюжетная основа с оригинальными деталями воинской практики: осада города при помощи насыпного вала и взятие его путем перерыва водопровода, по изменническому совету стрелюю из города. Как известно, поход Владимира на Корсунь связан с его женитьбой на византийской царевне и с переходом его в христианство. Но связь этих событий, их последовательность и мотивировка остаются неясными, как ввиду недоговоренности и разногласия сведений и недоуменных оговорок в самой летописи, так и ввиду противоречащих ей показаний других памятников. Владимир то крестится в Корсунь сейчас же после его взятия, то три года спустя. Изменник, пустивший из города стрелу, называется то греком Анастасом, то варягом Ждберном. Что касается самой летописи, то из оговорок ее видно, как автор ее компоновал свой рассказ из разных источников: он использовал не только слухи и предания, но, возможно, и какой-то книжный памятник. Вообще, все летописное повествование о событиях перехода Руси в христианство обнаруживает обильное пользование разнообразными источниками. Это — результат целого, так сказать, изыскания о прошлом, на сотню лет отдаленном от летописца, который соединял противоречивые данные и обрабатывал их при помощи литературных произведений, дополняя вымыслом. Он не мог обойти столь важную тему, как переход Руси в христианство, и, как образованный писатель, не хотел оставить ее без художест-

венного оформления. Это оформление было книжное по стилю, из устных же сказаний (и песен?) брались им лишь сюжетные данные, освобожденные от фольклорной оболочки. Источники этого сложного летописного повествования теперь остроумно и с достаточной точностью определены исследователями. Но литературное искусство связи многих сюжетов в целостное повествование еще ожидает характеристики.

Начиная с XI века события отмечаются в Начальной летописи точнее и пространнее. XI век летописец начинает смертью Владимира Святославича и придворными драматическими событиями, которые сопровождали его кончину, а именно: у Владимира осталось несколько сыновей, которые, как часто бывало в феодальном мире, не поделили между собой отцовского наследства. Старший брат, по имени Святополк, сидевший в Киеве, подкупил убийц, которые разделились с двумя младшими братьями — Борисом и Глебом, в то время, как третий брат, Ярослав, уцелел, сидя на княжении в Новгороде. Остальные же братья не казались пока опасными, будучи рассажены по окраинам. В летописи под 1015—1019 годами помещен рассказ об убийстве Бориса и Глеба и о борьбе Ярослава и Святополка за право на Киевское княжение.

Оставляя в стороне «житийную» часть повести о князьях-«мучениках», Борисе и Глебе, остановимся на собственно воинском ее отделе. Узнав о злодеяниях Святополка, Ярослав выступил против него с тысячью варягов и сорока тысячами новгородцев. В свою очередь, Святополк «пристроив без числа вой, Руси и Печенег, и изыде противу ему к Любичю». Войска стали «оба полы Днепра и не смяху ни си оных, ни они сих начати и стояша месяца три противу собе». Чтобы вызвать столкновение, пришлось, как героям Гомера, поднять боевой задор злословием. «И воевода нача Святополчъ, ездя возле берег, укаряти Новгородцев, глаголя: что придосте с хромцемъ симъ (по скандинавским сагам, Ярослав был хром), а вы плотници суще? а приставим вы хоромов рубити наших». Рассерженные новгородцы на утро перевезлись через Днепр, оттолкнули лодки от берега и загнали Святополка с дружиною на лед озера. Лед обломился, Ярослав одолел Святополка, и тот бежал в Польшу («в Ляхы»).

Такой же стилистический мотив военной перебранки применен и далее: когда Святополк с Болеславом Поль-

ским стали против Ярослава у Буга, «кормилец и воевода именем Буды нача укаряти Болеслава, глаголя: да го ти прободем трескою череву твою толъстое! Бе бо Болеслав велик и тяжек, яко и на кони не могы седети, но бяше смыслен; и рече Болеслав к дружине своей: аще вы сего укора не жалъ, аз един почыну. Всед на конь, въбрѣде в реку, и по немь вои его. Ярослав же не утягну исполчитися, и победи Болеслав Ярослава».

Следующие бои Ярослава описаны в общих выражениях (отмечены разрядкой), которые стали типическими для многих воинских повестей, например: «Приде Святополк с Печенегы в силе тяжьце и Ярослав, собрав множество вой и изыде противу ему на Лыто (р. Альта)... и... поидоша противу собе, и покрыша поле Летьское обои от множества вой. Бе же пятюк тогда, въсходящую солнцю, и сступишася обои, и бысть сеча зла, яка же не была в Руси, и за руки емлюче сечахуся, и сступашася трижды, яко по удольем крови тещи; к вечеру же одоле Ярослав, а Святополк бежа»...

Изображение индивидуального боя путем признаков и свойств, характерных для боевых столкновений вообще, еще не свидетельствует о бессодержательности. Это стилистический прием, продолжающий находить себе место и в новой литературе, например, в «Полтаве» Пушкина. Конечно, в средневековых повестях наблюдается довольно часто пользование ранее выработанной картиной, но обычно она варьируется в новом применении, например, дополняясь и другими свойствами боевых столкновений вообще.

После борьбы с Святополком, приведшим польскую помощь, но, в конце концов, погибшим во время бегства за границу, Ярославу пришлось бороться с братом своим Мстиславом за первенство на Руси.

Об этом Мстиславе в Начальной летописи также есть интересная легенда, которая нашла себе отражение и в «Слове о полку Игореве»: в самом начале «Слова» вспоминается о том, как старинный поэт Боян, «песнь пояше храброму Мстиславу, иже зареза Редю пред пълкы Касожскими». На северном Кавказе находилось русское княжество, центром которого был город Тьмутаракань. Там и княжил Мстислав в соседстве с «касогами» — черкасами. И вот, что записано под 1022 годом летописи: «Когда Мстислав был в Тьмутаракани, он пошел против Касогов. Услышавши это, князь Касожский

248264
Редедя вышел против него, и, когда оба полка стали друг перед другом, Редедя сказал Мстиславу: «Зачем нам губить дружину? Сойдемся лучше мы сами бороться друг с другом. Если одолеешь ты, то возьмешь и мое имущество, и жену мою, и моих детей, и страну («землю») мою. Если я одолею, то возьму все твое». И сказал Мстислав: «Пусть будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Будем биться не оружием, но будем бороться». И взялись бороться крепко. Мстислав стал изнемогать, потому что Редедя был велик и силен. И сказал Мстислав: «О пречистая богородица, помоги мне. Если я одолею, то построю церковь в твое имя». И сказавши это, ударил Редедей о землю и, вынув нож, зарезал Редедю. Вторгнувшись в его страну, взял все имение его, и жену, и детей, и положил дань на Касогов. И, придя в Тьмутаракань, заложил церковь св. Богородицы и построил ее. Она стоит и до сего дня в Тьмутаракани».

Вероятно, существование обетной церкви в Тьмутаракани послужило сохранению самого события в памяти летописца, внесшего рассказ о нем в начале последней четверти XI века. С другой стороны, событие вызвало былинну, песню «дружинного» княжеского поэта, которая поминается еще целый век позднее летописца. Упоминание события в «Слове о полку Игореве» представляет собой кратчайшую заметку, тему, извлеченную из бояновой песни. По существу и рассказ летописи не имеет в основе ничего, превышающего эту тему, только здесь кратчайшая заметка распространена диалогами и монологом, и автор ее, повидимому из духовенства, особенно отметил обет и церковь. Конечно, все элементы летописного рассказа можно вообразить и как содержание дружинной песни. Действительно, поединок предводителей перед враждебными войсками, по условию их решающий судьбу войны, манера и перипетии борьбы, победа над одолевавшим уже противником, случившаяся по обетной молитве, даже речи на поединке,—все эти мотивы встречаются и в устной словесности многих национальностей. Но устная «песня», «былина» имеет свои стилистические особенности, в них именно и сказывается спецификум песенной поэзии, в данном же летописном рассказе нет явного следа этой стилистики. За происхождение рассказа летописи от устного произведения, возможно от песни, говорит только нижеследующее: изображение исторического лица в роли богатыря-пое-

динщика, и описание самого процесса боевого подвига такого героя являются для летописи редкостью, тогда как в дошедших до нас русских устных былинах процесс богатырского поединка изображается постоянно и служит обязательной принадлежностью былинного сказа. Вероятно, именно народное представление о Мстиславе отразилось в чертах его портрета, данного летописью при сообщении о его смерти: «бе же Мстислав дебет теломъ, чермен лицом, великыма очима, храбор на рати, милостив, любяще дружину по велику, именья не щадяще, ни питья, ни еденья браняще».

Со времени Ярославова единовластия, которым предположительно датируют конец первоначальной «Повести временных лет» (1037—1039 годы), и до второго десятилетия XII века, когда была завершена редактурой дошедшая до нас версия «Повести временных лет», воинскими сюжетами являлись преимущественно княжеские междуусобицы; борьба же Руси с «иноплеменниками» сколько-нибудь литературно изображалась лишь начиная с 60-х годов XI века, когда появились в южнорусской степи половцы, которые лет на полтора стали главным врагом Руси. Как правило, мы не будем рассматривать повестей о внутренних усобицах; лишь в отдельных случаях привлечем повести об усобицах, особенно если они окажутся интересны стилистически и влиятельны этой стороной. Итак, главным материалом для дальнейшего послужат нам повести о борьбе с половцами, как «общим» врагом всей Руси. Повести о борьбе с половцами имеют за собой и то преимущество, что ведут нас к «Слову о полку Игореве».

Первое нападение половцев на Русскую землю летописец отнес к 1061 году, когда они разбили Всеволода Ярославича. В 1067 году половцы разбили на реке Лъте всех старших князей: Изяслава Киевского, Святослава Черниговского и Всеволода Переяславского, что вызвало покаянные размышления летописца: «Наводить бо бог по гневу своему иноплемьники на землю, и тако скрушеным им, въспоманутся к богу; усобная же рать бываетъ от соблажненья (или — от съважения) дьяволя» и т. д. Поражение князей сопровождалось усобицей между Ярославичами и Всеславом Брячиславичем Полоцким. «По сем же, Половцем воюющим по земле Русьстей, Святославу сушо Чернигове, и Половцем воюющим около Чернигова, Святослав же, собрав дружины неколико, изиде на ня ко Сновьску. И узреша Половци

идушь полк, пристроишася противу. И видев Святослав множество их, и рече дружине своей: потягнем, уже нам не лзе камо ся дети. Удариша в коней; одоле Святослав в трех тысячах, а Половец бе 12 тысяче, тако бьемы, а дружини потопоша в Снъви, а князя их яша рукама, в 1 день ноября. И възвратися с победою в град свой Святослав».

Это, собственно говоря, первый опыт «воинской» повести о борьбе с половцами, не лишенной беллетристической расцветки (речь Святослава Ярославича 1067 года напоминает речь Святослава Игоревича 971 года).

Следующая, уже развернутая повесть о защите Руси от половцев падает на 1093 год летописи. Эта повесть носит черты современности и излагает события с деталями дневника и подробностями воинской тактики, с употреблением характерных приемов исторической беллетристики, в виде речей и размышлений с библейскими цитатами.

Узнав о смерти Всеволода Ярославича, половцы послали к новому Киевскому князю, Святополку Изяславичу, послов о мире. Святополк, не посоветовавшись с «большею дружиною отнею и стрья» (т. е. дяди — умершего Всеволода), посадил послов в заключение. Тогда «Половци мнози» осадили «Торцийский град» (Торческ) и продолжали воевать, хотя Святополк выпустил их послов. Когда затем он стал собирать войско, «смыслении мужи» говорили: «не кушайся противу им (половцам), яко мало имаши вой», а несмыслении побуждали его к походу. Одолеп совет смысленых: «аще бы пристроил (воинов) и 8 тысячь, не лихо ти есть: наша земля оскудела есть от рати и от продаж; но послися к брату своему Володимеру (двоюродному, Мономаху, князю Черниговскому), да бы ти помог». Когда Владимир Мономах, захватив своего брата меньшого, Ростислава, соединился в Киеве с великим князем Святополком, начались у них распри и которы (ссоры). Муже же смыслении говорили: «почто вы распря имата межи собою, а потании губять землю Русьскую: последи ся уладита, а ныне пойдита противу поганым, любо миром, любо ратью». Владимир стоял за мир, а Святополк за рать. Наконец, князья пошли с войском к городу Треполю и стали у наводненной реки Стугны. Собрали совет. Владимир считал позицию трудной и высказался за мир: «Яко сде стояще через реку, в грозе сей, створим мир с ними». К этому предложению примкнули смыслении мужи.

Но киевляне настояли на переправе через реку: «Хощем ся бити; поступим на ону сторону реки». Реку перешли и, минуя Треполь, прошли «вал». Здесь русские и половцы «поставиша стягы свои». «Половцы налегоса первое на Святополка и изломиша полк его. Святополк же стояше крепко, и побегоша людье, не стерпяче ратных противленья, и после же побеже Святополк». После лютой брани бежали и Владимир с Ростиславом. Переправляясь через Стугну, «нача утопати Ростислав пред очима Володимерима; и хоте (Володимер) похватити брата своего и мало не утопе сам. И тако утопе Ростислав сын Всевожъ». Тело его нашли в реке, принесли в Киев «и плакася по нем мати его и вси людье пожалиша си по нем повелику, уности его ради».

Далее описывается осада половцами Торческа и победы их над Святополком, вышедшим на помощь осажденному городу. «Святополк же выиде к Желаню, и поидоша противу собе обои и съступишася, и укрепиша брань, и побегоша наши пред иноплемьныки, и падаху язвни пред врагы нашими и мнози погибоша и быша мертви паче неже у Треполя. Святополк же приде Киеву сам третий, а Половци возвратившася к Торцьскому».

Затем следует покаянное рассуждение о наказании божием за грехи. «Се бо на ны бог попусти поганья, не яко милуя их, но нас кажа, да быхом ся востягнули от злых дел...»

После двухмесячной осады изголодавшийся Торческ сдался половцам. Трагично изображение горькой судьбы его населения. «Половцы же приемше град, запалиша и огнем, и люди разделиша, и ведоша в веже к сердоболем своим и сродником своим много роду хрестьянска стражюще, печални, мучимы, зимою оцепляюми, в алчи и в жажи и в беде юпустневше лица, почерневше телесы, незнаемою страною, языком испаленым, нози ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньем; со слезами отвещеваху друг к другу, глаголюще: аз бех сего города; и други: аз сея веси; тако соупрашаются со слезами, род свой поведающе, и въздышюще, очи возводяще на небо к вышнему, сведущему тайная». Повторив еще раз, что эти несчастья — наказание за грехи, автор сокрушенно заявляет: «Се бо аз грешный и много и часто бога прогневаю и часто согрешаю по вся дни».

Эта печальная повесть написана явно сторонником Владимира Мономаха, предвидевшего несвоевремен-

ность военного выступления необильных людьми русских против многочисленных полчищ половцев. Момент был действительно выгоден для врагов Руси: великий князь только что умер, право на занятие его стола принадлежало и Святополку, как старшему в княжеской братье, и Владимиру, как сыну умершего великого князя. Правда, Мономах сам устранился от этого, размышлив так: «аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол прежде отца его был» — и, не желая затевать усобицу, Мономах удовлетворился Черниговским княжеством. Но все-таки соединившиеся перед походом 1093 года Святополк и Владимир «взяста межю собою распря и которы», так что «мужам смысленым» пришлось их уговаривать. Однако даже в самом походе разногласия не прекратились. Это, вероятно, и послужило причиной русского поражения. Ни в одной повести печаль о постигшем Русь несчастии не выразилась в таком потоке библеизмов, как здесь, и именно отсюда черпали лирические ветхозаветные цитаты позднейшие повествователи о постигавших Русь поражениях.

Половецкая опасность становилась все более ощутительной и лучших в княжеской братье приводила к мысли о необходимости полного единения. Но, несмотря на то, что старшие князья объединялись в выступлениях против половцев и разбивали их, другие князья заводили усобицы, сами приводили половцев себе в помощь и позволяли им за это разорять русскую территорию. В 1096 г. половцы сожгли окрестности Киева, в том числе и три богатейших киевских монастыря.

В 1097 году состоялся Любечский съезд князей, участники которого говорили: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? а Половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да поне отселе имемься в единое сердце и блюдем Русьские земли, кождо да держит отчину свою».

Но усобицы усилились. До сих пор восставали обделенные князья, как, например, Олег Святославич, а теперь в усобицы замешался сам великий князь. Лишь в 1103 году князья договорились об общем походе в Половецкую землю. Повесть об этом походе семи князей в Половецкую землю носит явные следы расположения к Владимиру Мономаху и, будучи воинской, не лишена, однако, элементов церковной книжности.

«В лето 6611 (1103 год) бог вложи в сердце князем

Русским мысль благоу, Святополку и Володимеру, и сня-
стося (сделали съезд) думати на Долобьске; и седе
Святополк с своею дружиною и Володимер со своею в
едином шатре. И почаша думати и глаголати дружина
Святополча, яко «не годно ныне, весне, ити, хотим по-
губити (т. е. погубим) смерды и ролью их» (т. е. кре-
стьян и их пашню). И рече Володимер: «дивно ми, дру-
жино, оже лошадей жалуете, еюже ть ореть (что вы
жалуете лошадей, на которых крестьяне пашут); а сего
чему не промыслите, оже начнеть орати смерд, и при-
ехав Половчин ударить и (его) стрелою, а лошадь его
поймать, а в село его ехав иметь жену его и дети его
и все его именье? то лошади жаль, а самого не жаль
ли?» И не могоша отвецати дружина Святополча, и ре-
че Святополк: «се аз готов уже». И вста Святополк, и
рече ему Володимер: «то ти, брате, велико добро ство-
риши земле Рускеи». И посласта ко Олгови и Давыдо-
ви (Святославичам), глаголюща: «пойдита на Половци,
да любо будем живи, любо мертви». Олег уклонился под
предлогом болезни: «вину река: не сдравлю». Соедини-
лось семь князей и пошли «на коних и в лодьях» снача-
ла к Хортичу-острову, затем шли по степи 4 дня. «По-
ловци же, слышавше, яко идеть Русь, собращася без
числа и начаша думати. И рече Урусоба: «просим мира
у Руси, яко крепко имуть битися с нами, мы бо много
зла сотворихом Русской земли». И реша унейшие Уро-
собе: «аще ты боишися Руси, но мы ся не боим; сия бо
избивше, поидем в землю их и примем города их, и
кто избавить их от нас... Русские же князи моляхуть
бога и обеты вздаяху богу и матери его, ов кутьею, ов
же милостынею убогим, инии же монастырем требо-
ванья». Половци послали вперед «в стороже» Алтунопу.
«иже словяше в них мужством... И устерегоше Русьские
сторожеве Олтунопу, и обиступивше и, и убиша Алту-
нопу и сущая с ним; и не избысть ни один, но вся из-
биша. И поидоша полкове аки борове (т. е. как дрему-
чие леса) и не бе презрети их (и нельзя было окинуть их
взором); и Русь поидоша противу им. И бог великий
вложи ужась велику в Половце, и страх нападе на
ня и трепет от лица Русских вой, и дремаху сами, и ко-
нем их не бе спеха в ногах; наши же с весельем на ко-
нех и пеши поидоша к ним. Половци же, видевше уст-
ремление Руское на ся, не достигнувше, побегоша пред
Русскими полки; наши же погнаша, секуща я».

Эта русская победа произошла 4 апреля. Двадцать половецких князей были убиты, а Белдюзя взяли в плен. «Приведоша Белдюзя к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собе злато и сребро, и коне и скот. Святополк же посла и (т. е. его) к Володимеру. И пришедшу ему, нача впрашати его Володимер: «то веде, яла вы рота (знаю я, что вы попали в плен через клятву, т. е. за несдержанный договор); многажды бо ходивше роте (т. е. много раз давая клятву), воевасте Русскую землю; то чему ты не казаше сынов своих и роду своего не преступати роты, но проливаєте кровь крестьянскую? да се буди кровь твоя на главе твоей». И повеле убити и, и тако рассекоша и на уды. И посем снычася (собрались на съезд) братья вся, и рече Володимер: «с день, иже створи господь, възрадуемся и възвеселимся в онь; яко господь избавил ны есть от враг наших и покори врагы наша, и скруши главы змиевыя, и дал еси сих брашно людем Русьским»; взяша бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды, и веже с добытком и с челядью. И заяша Печенегы и Торкы с вежами и придоша на Русь с полоном великим, и с славою и с победою великою».

Повесть эта не равна по применению литературных средств. Сначала даны здравомысленные речи Мономаха в защиту пограничных ратаев, изложенные простым и крепким русским языком; затем тот же Мономах укорил таким же русским языком пленного половецкого князя, а напоследок в основу его же речи легло по стиху из 117 и 72 псалмов, причем к псаломскому выражению «брашно» была наивно подогнана добыча русскими скота. Самую победу летописец решил объяснить чудом: в противовес самонадеянности половцев, русские князья перед походом все молятся и дают церковные обеты. И вот бог «вложи ужась в Половце», и сами они дремали, и лошади их обезножили... Впрочем соединение простой и суровой реальности с трафаретною книжностью отличает даже произведения самого Мономаха.

Следующий общекняжеский поход в Половецкую землю, окончившийся русской победой, произошел в 1111 году. К сожалению, подробная повесть о походе 1111 года, помещенная в Ипатьевской летописи, не самостоятельна, будучи составлена на основе знакомой уже нам повести о походе 1103 года. Повесть о походе 1111 года также начинается съездом русских князей на Долоб-

ске, с известными нам речами Владимира Мономаха о пашне смердов. Имена русских князей, составлявших в числе около 10 военную коалицию, несколько иные, Олег Святославич не помянут. Тон повести 1111 года еще более очерковлен. «Возложившие надежду на бога и на пречистую мать его и на святых ангелы его», русские князья выступили во вторую неделю великого поста, по дороге «сани пометаша», на реке Голте «пождаша вои» и т. д., во вторник шестой недели поста пришли к Дону. «И оболочишася во броне, и полки изрядиша и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимер пристави полы своя, едучи пред полком, пети тропари и коньдакы хреста честного и канун святых Богородицы». Переночевавши у сдавшегося города Шаруканя, русские зажгли город Сугров и пошли с Дона. «Ка в пятницу, завѣтра, месяца марта в 24 день, собравшася Половци, изрядиша полки своя и поидоша к боеви. Князи же наши возложиша надежду свою на бога; и рекоша: «убо смерть нам zde, да станем крепко!» и целоваша друг друга, възведше очи свои на небо призываху бога вышнего. И бывши же съступу и брани крепче, бог вышний возре на иноплемьеницы со гневом, падаху пред хрестьяны; и тако побежени быша иноплемьеницы... на потоце Дегея». В понедельник страстной недели, «паки иноплемьеницы собравша полки своя многое множество и выступиша яко борове велиции (ср. поход 1103 года), и тмами тмы оступиша полки Руськии. И посла господь бог ангела в помощь Русьским князем; и поидоша Половецьстии полъци и полъце Русьстей, и сразишася первое с полком, и тресну аки гром, сразившимася челома, и брань бысть люта межи ими, и падаху обои. И поступи Володимер с полки своими, и Давыд, и возревше Половци вдаша плещи свои на бег; и падаху Половци пред полком Володимеровым, невидимо бьемы ангелом, яко се видяху мнози человери, и главы летяху, невидимо стинаемы на землю». Победа произошла 27 марта. «Святополк же и Володимер и Давыд... взяша полона много... и колодников много изомаша руками. И въспросиша колодник, глаголюще: «како вас толика сила и многое множество, не можете ся противити, но въскоре побегосте?» Си же отвещеваху, глаголюще: «како можем битися с вами, а друзии ездяху верху вас в оружьи светле и страшни, иже помогаху вам?» Токмо се суть ангели, от бога послани помогать.

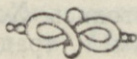

крестьяном» и т. д. «С божьей помощью, молитвами св. богородица и св. ангел, възвратишася Русьстии князи въ свояси, с славою великою, к своим людям, и ко всим странам далним, рекуще — к Греком и Утром и Ляхом и Чехом, дондеже и до Рима пройде, на славу богу, всегда и ныня и присно во веки. Аминь».

В этой повести мы встречаемся с полным развитием мотива помощи небесной силы, выраженной реальным действием, что ведет нас через христианскую Византию частью к Библии, а частью к античным представлениям Гомеровских поэм. Это — последняя воинская повесть в «Повести временных лет».

Несмотря на то, что по словам Галицкой летописи, Владимир Мономах «погубил» «поганяя Измаильтяны, рекомыя Половци» и «пил золотом шоломом Дон», «приемши землю их всю», половцы оправались, и сыну и наследнику Владимира, Мстиславу, пришлось снова очищать степь. В Киевской летописи читаем: «се бо Мстислав великий наследи отца своего пот (или путь). Володимера Мономаха великого. Володимер сам собою постоя на Дону, и много пота утер за землю Рускую, а Мьстислав, мужи свои посла, загна Половци иза Дон и за Волгу, за Гиик (т. е. Яик)».

Однако при тогдашнем феодальном строе Руси окончательно избавиться от половцев было невозможно, так как князья продолжали вызывать их себе в помощь при непрекращающихся усобицах и неохотно участвовали в совместных походах в степь. Рассказы о таких походах, к сожалению, не подвергались развитому изложению до 1170-х годов. Развитые же летописные повести последней трети XII столетия, будучи насыщены воинской тематикой, скупы и обычны в литературном построении, хотя и не лишены интересных деталей.

ГЛАВА II

„СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ“ КАК ПРОИЗВЕДЕНИЕ ДРУЖИННОЙ ПОЭЗИИ

До сих пор мы имели дело с повестями, предназначавшимися для включения в летопись и потому более или менее однородными стилистически. Изобразительные средства летописи постепенно сложились в определенный кодекс, и только изредка встречались отступления от его традиции. Молодая русская книжность находилась под влиянием византийско-славянских образцов и, несмотря на талантливую их переработку, еще стеснялась говорить полным голосом своего собственного литературного гения. Наши ранние писатели-летописцы по преимуществу были начетчиками в церковной литературе или в хронографии, подобной ей по стилю. Конечно, среди монахов-писателей бывали и воины, и многое сообщалось им устами воинов¹, но все же книжная традиция преодолевалась с трудом. Воинские реальные детали лишь изредка облекались соответствующей им формой. Но, по всем видимостям, воинская поэзия имела уже свой, оригинальный способ выражения, блески которого попадали и в летопись. Хотя летопись и говорила о своих героях скупым и традиционным языком, она была вся посвящена именно их подвигам. Героями ее были устроители и защитники родины — Русской земли,

¹ «В се же лето (1106) преставися Янь (Вышатиц, тысяцкий Киевский), старец добрый, жив лет 90, в старости мастите, жив по закону божию, не хужий бе первых праведник, от него же и аз многа словеса слышах, еже я вписах в летописаныи семь... его же я проб есть в Печерском монастыри...»

которую они добывали и оберегали «потом и трудом своим великим». В памяти и прославлении своих родных героев, в любви к Русской земле летопись была постоянна и неуклонна.

Итак, рядом с книжной традицией летописи существовал и иной способ воинской изобразительности, следы которого попадали и в самую летопись. Возьмем, например, ее рассказ об усобице 1097 года. Чтобы наказать Давида Святославича за ослепление Василька Теребовльского, великий князь Святослав призвал себе на помощь утров (венгров), Давид же направился к половцам. «И устрете и Боняк (половецкий князь), и воротися Давыд, и поидоста на Угры (к Перемышлю). Идущему же има, сташа ночлегу, и яко бысть полунощи, и встав Боняк отъеха от вой и поча выти волчьскы, и волк отвыся ему, и начаша волци выти мнози; Боняк же приехав поведи Давыдови, яко победа ны есть на Угры заутра». В последовавшем бою Боняк и подручный ему Алтунюпа заманивали утров, бегая перед ними, «и тако множицею убивая, сбиша е в мячь; Боняк же разделися на 3 полкы, и сбиша Угры, аки в мячь, яко се сокол сбивает галице». Испытание примет перед боем и образ самого боя здесь выражены в таком оригинальном стиле, который, будучи несвойствен летописному шаблону, явно заимствован сюда из другой области литературы. Эта область — русская дружинная поэзия.

Военная среда, очевидно, имела свою литературу, отличную от летописной школы. Эта литература базировалась на устной русской поэзии, но не была только устной по происхождению и по употреблению. Ее творцы не чуждались и традиционной книжности, они знали ее но, пользуясь ею, не следовали ее шаблонам, выбирая только то, что стилистически совпадало с их образами или оттеняло их. Характернейшим памятником дружинной литературы является «Слово о полку Игореве», посвященное неудачному походу Игоря Святославича Новгород-Северского в Половецкую землю в 1185 году.

Этому походу в дошедших до нас летописях посвящены две повести, восходящие, повидимому, к одной. Они различны по областным княжеским устремлениям, но не по стилю. Стиль обеих повестей однороден. Это — обычное «книжное» изложение с деталями воинской тактики, с речами побудительными и покаянными, с неко-

торой церковной окраской, с библейскими цитатами. Впрочем, обе повести не лишены и драматизма¹.

Что же касается «Слова о полку Игореве», то все оно построено не на последовательном изложении событий, а, так сказать, на впечатлениях от них; не на фактах, а на поэтических символах их, на глубоко прочувствованном и продуманном объяснении причин совершившегося условиями феодальной неурядицы. «Слово о полку Игореве» изображает не один только данный эпизод борьбы Руси с половцами; оно разворачивает широкую картину феодальных отношений более, чем за столетие. Нельзя сказать, что «Слово» совсем уже не имеет точек соприкосновения с литературными приемами летописных повестей; автор «Слова», возможно, был начитан и в других родах книжности, даже переводной, но он перерабатывал свои реминесценции отсюда с такой оригинальностью, что трудно установить их происхождение. Главный же, преимущественный источник его стиля — дружинная поэзия, та поэзия, которая коренится в устном народном творчестве. Мотивы, образы, состав и гармония речи этого творчества до сих пор продолжают жить в художественных произведениях русского фольклора, в песнях и образной речи народа. Сюжетное разворачивание не подчинено в «Слове» последовательности однородных моментов; настоящее здесь чередуется с прошлым, картина разрезается размышлением, реальность лишь угадывается в символах и метафорах. План «Слова» не книжно-повествовательный, а «поэтический», с таким свободным расположением частей, которое захватывало бы своею неожиданностью.

Содержание «Слова» в рамках его поэтического плана представляется следующим. «Слово» делится на три основные части: первая из них посвящена событиям Игорева похода и последствиям поражения, вторая — Святополку киевскому как оберегателю Русской земли и третья — возвращению Игоря из плена. Эти основные части «Слова» предваряются размышлением автора о стиле для «трудных повестей о полку Игореве», причем

---

¹ Из этих двух летописных повестей об Игоревом походе наиболее развернутая повесть находится в Ипатьевской летописи. С нею именно «Слово о полку Игореве» имеет особую близость как в моментах события, так и в их последовательности. Однако мы не считаем уместным давать здесь пересказ летописи, как стилистически «книжной», ибо такой стиль уже достаточно нами охарактеризован.

он склоняется «начати» свою «песнь» «по былинам сего времени, а не по замыслению Бояню» (былины — действительность, замысление — фантазия). Здесь далее характеризуется творческий размах «вещего» Бояна, песни которого во славу князей поминали усьобицы прежних времен, будучи посвящены «старому Ярославу, храброму Мстиславу», победителю касогов, «красному Романови Святъславличю» (т. е. событиям и лицам второй и третьей четверти XI века).

После этого введения, определив объем своего повествования «от старого Владимира (т. е. Мономаха) до нынешнего Игоря», поэт сразу же приступает к развертыванию действия, к выступлению Игоря в поход «на землю Половецкую за землю Рускую». Солнечное затмение, случившееся в начале похода, не охладило боевого пыла героя, и неутолимая жажда отведать Дона Великого заставила его пренебречь знаменiem. «Тогда Игорь възре на светлое солнце и виде от него вся своя воя прикрыты. И рече Игорь к дружине своей: братие и дружино! Луцез бы потяту быти, неже полонену быти, а всядем, братие, на свои бързые комони, да позрим синего Дону... Хощу бо, рече, копие приломити конецъ поля Половецкого, с вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!» После предложения для «песни» об Игоре двух на выбор запевов в бояновском стиле идет быстрая смена картин, начинающаяся встречей выступившего в поход Игоря с братом Всеволодом в Путивле и изображением устами Всеволода готовности и удалства курской дружины: «А мои ти Куряне сведоми къмети... (и т. д.) — сами скачють акы серый влъци въ поле, ищучи себе чти, а князю славы». «Ищучи себе чти, а князю славы» повторяется и далее как «рефрен», завершающий некоторые «строфы» «Слова».

Описывается движение русского войска по степи под тенью солнечного затмения, а ночью — среди зловещих криков зверей и птиц. Одновременно идет спешное движение половцев к Дону «неготовыми дорогами»: «крычат телегы полунощи, рци — лебеди роспужени». Изобразив зловещие знамения степи, поэт восклицает: «О Русская земле! уже за шеломянем еси» (шеломя — пограничный курган). Это — тоже повторяющийся «рефрен». Долгая ночь, мглистое утро: «Русичи великая поля червленеными щиты претородиша, ищучи себе чти, а князю славы».

Первое столкновение с половцами «с зарания в пяток» увенчивается победой русских над «погаными полками» и богатой добычей (красавицы-девки, золото, шелковые ткани, драгоценная одежда); ночь после боя с чутким сном и смутной тревогой за будущее: «дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. Далече залетело! Не было оно обиде порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебе, чръный ворон, поганый Половчине! Гзак бежит серым вльком, Кончак ему след правит к Дону Великому».

На другой день с утра вся природа исполнена мрачных предвестий: надвигаются с моря черные тучи, сверкает синяя молния... Вот уже ветры, внуки Стрибога, повеяли с моря стрелами на храбрые полки Игоревы. На реке Каяле бесчисленные половцы с кликом обступили храброе войско Игоря со всех сторон, а против них поля перегородили червленые русские щиты. Беззаветный героизм русских поэт сосредоточил в образе князя Всеволода: «Ярый тур Всеволод! Стоишь ты впереди, брызжешь на воинов стрелами, гремишь по щелемам мечами булатными, куда ты, тур, ни поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, там лежат поганые головы Половецкие...» и т. д.

Яркая современность вызывает в поэте воспоминания об отдаленном прошлом, о событиях вековой давности. Возникает образ деда современных героев, Олега Святославича, который мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял, почему он и назван в «Слове» «Гориславличем». «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобищами, погыбашеть жизнь Даждьбожа внука (т. е. достояние русского народа), в княжих крамолах вещи человеком скратишась. Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупиа себе деляче»... и т. д. Но и в те времена не слыхано о таком бое, как этот. «С зарания до вечера, с вечера до света летят стрелы каленныя, гримлют сабли о шеломя, трещат копиа харалужныя в поле незнаеме среди земли Половецкыи. Чръна земля под копыты костьмы была посеяна, а кровию поल्याна, тугою (горем) взыдоша по Русской земли».

Звуки боя как бы долетают до самого поэта: «что ми шумить, что ми звенить далече рано перед зорями? Игорь плъкы заворочает, жаль бо ему мила брата Всеволода». На третий день к полдню пали знамена Игоревы. Тут братья разлучились на берегу быстрой Каялы;

тут не достало кровавого вина, тут кончили пир храбрые русские, сватов напоили и сами полегли за землю Русскую.

Тяжесть поражения на Каяле поэт ставит в связь с признаками распада прежних феодальных отношений. «Невеселую годину» эту он олицетворяет в образе «Девы-Обиды», которая плеском своих лебединых крыльев «на синем море у Дону» будит воспоминание о прошедших счастливых временах. Княжеские усобицы прекратили борьбу с «погаными» за Русскую землю. Князья-братья стали говорить друг другу: «се мое, а то мое же», «про малое — се великое», «а погании с всех стран прихождаху с победами на землю Русскую». Но случившееся непоправимо: «О, далече зайде сокол, птиць бя — к морю, а Игорева храбраго пълку не кресити» (последняя фраза и далее служит «рефреном»). В олицетворениях и символах изображается печаль, разлившаяся по Русской земле.

Эта печаль тем сильнее, что еще недавно Русь торжествовала над половцами. Припоминается прошлогодняя блестящая победа великого князя Святослава Киевского, который самого хана «Кобяка из луку моря от железных великих пълков Половецких, яко вихрь выторже». Победа эта усугубляет тяжесть поражения Игоря. Все страны осуждают его: «ту Немци и Венедици, ту Греци и Морава поют славу Святославлю, кають князя Игоря». А князь Игорь превратился в пленника-раба: «выседе из седла злата, а в седло кощиево. Уныша бо градом забралы, а веселие пониче»...

Вторая часть «Слова» посвящена великому князю Святославу, как сюзерену княжеской Руси, блюстителю Русской земли. В образе его поэт сосредоточивает свои гражданские помыслы о благе родины, вызванные впечатлением от поражения Игоря.

Еще не осведомленный о несчастье, Святослав видит в своем тереме на Киевских горах сон, сулящий недоброе. Его будто бы покрывали черной шелковой тканью, поили вином с отравой, сыпали на грудь жемчуг (символ слез) колчанами поганных; доски на тереме оказались «без кнеса», всю ночь граяли вороны и т. д. Бояре толкуют Святославу сон, как поражение на Каяле, повлекшее новые набеги и торжество врагов. «Тогда великий Святослав изрони злато слово с слезами смешено». Как старший в княжеской братье, обращает он к Игорю и Всеволоду слова жгучего укора за поспешность

их предприятия против половцев и самонадеянность в погоне за славой. Он отдает должное их безмерной храбрости, но тем больше чувствует их пренебрежение его великокняжеским авторитетом: «се ли створиسته моей сребреней седине!». Но горечь поражения не погасила дух Святослава, он оправляется и молодеет: «А чи диво ся, братие, стару помолудити? Коли сокол в мытєх бывает (меняет оперение), высоко птиц възбивает, не даст гнезда своего в обиду. Нъ се зло — княже ми непособие!»...

Далее как бы из уст Святослава идут обращения во все стороны Руси со словами пламенного призыва князей «поблюсти» золотой стол киевский, «выступить за обиду сего времени», «за землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святославлича». В этих воззваниях к современным русским князьям даны им меткие, поэтически гиперболизированные характеристики. Особенной мощью и независимостью наделены здесь владими́ро-суздальский князь Всеволод, забывший у себя на севере о золотом отчем престоле киевском, и князь галицкий Ярослав (отец жены Игоря), занятый своей властью на Карпатах и по Дунаю. Нет надежды только на полоцких князей, недружных и ослабевших силами. В негодующем обращении к ним припоминаются их прежние герои и особенно дед полоцких князей, Всеслав, некогда воспетый Бояном. Подвиги Всеслава представлены здесь в образах роскошной символики.

На призыв, обращенный к князьям, отклика с их стороны не показано в «Слове». Русской земле остаются лишь воспоминания о славном прошлом, о безвозвратных временах «старого Владимира», потомки которого теперь идут врозь: «знамена их стягов веют в разные стороны»...

Основной темой третьей части «Слова» является бегство Игоря из половецкого плена. Изображение самого бегства предваряется «плачем» Ярославны. Одинокая, плачет она на стене Путивля, заклиная Ветер, Днепр и Солнце пощадить и вернуть к ней супруга. Половчанин Овлур ночью привел князю коня; когда кони надорвались, Игорь поскакал горностаем, полетел соколом; Овлур побежал волком. Донец встретил Игоря приветом. Не так, как Стугна-река, утопившая некогда юношу Ростислава. Половецкие ханы, не догнав князя, советовались, не удержать ли в плену его сына, «опутав» красной девицей: «и рече Гзак к Кончакови: «аще

его опутает красною девицею, ны нама будет сокольца, ни нама красны девице, то почнут наю птици бити в поле Половецком». Вспоминается старинная припевка песнотворца Бояна: тяжело голове не на плечах и телу без полове, «Руской земли без Игоря». Но «солнце светится на небесе, Игорь князь в Руской земли». Вот, ко всеобщей радости, он уже едет по стогнам Киева Слава князьям и дружине.

Истолковав «мутен сон» великого князя, как прозрение несчастья, постигшего Русскую землю на радость ее врагам, «бояре» восклицают с горечью: «а мы уже, дружина, жадни веселиа». Вот, к этому «боярскому» слою княжеской дружины, вероятно, принадлежал сам автор «Слова о полку Игореве». Он не был только рядовым дружинником, «мужем храбростующим»; широта его взглядов и суждений заставляет относить его к княжеским думцам, к «боярам думающим».

Происхождение «Слова» из дружинной среды доказывается отличным знанием автора междукняжеских отношений за целую эпоху, интимной близостью к быту княжеской братии, общим тоном рыцарственной воинственности, выраженной терминами и метафорами воинского обихода, лозунгом воинской «чести и славы». На всем протяжении «Слова» нет следов «келейной», кабинетной манеры «церковного» книжника. Автор «Слова» не замкнутый обитатель монастырской кельи или летописной канцелярии, а мирской деятель и участник в строительстве Русской земли и в ее военной защите.

Дружинная среда особенно блюла национальные традиции, отстаивая их против влияния иноземной культуры, даже тогда, когда она имела некоторые преимущества. Это отмечено летописью еще в рассказе о Святославе (955 г.). Когда принявшая византийское христианство знать побуждала Святослава креститься, он возразил: «како аз хочю ин закон прияти един? а дружина моя сему смеятися начнуть!»

С течением времени, очевидно, и в дружине образовалась некая уния христианства с язычеством («двоеверие»), что отразилось и в «Слове» как дружинном произведении. Изображая спасенного Игоря едущим «к святей Богородице Пирогощей», «Слово» пользовалось на всем своем протяжении образами языческой мифологии, недопустимой для книжника церковно-литературной выучки (ветры — «Стрибожи внуци»; «вещей Бояне, Велесов внуче»; «погыбашеть жизнь Дажьдожа внука», —

т. е. русского народа; «встала Обида в силах Дажьдбожа внука»; Всеслав «великому Хрѣсови вѣлком путь прерыскаше» и т. д.).

Дружинная среда строила свою литературную речь преимущественно на живой, устной, которая принималась лишь с большим выбором в книжную литературу. Только, например, в военных переговорах Ярослава I, благодаря их форме иносказания, сохранилась в летописи некая параллель выражениям «Слова о полку Игореве»: «И бяше Ярославу мужь в приязнь у Святополка, и посла к нему Ярослав нощию отрок свой, рек к нему: «онь си! что ты тому велиши творити? Меду мало варено, а дружины много! И рече ему мужь ть: рчи тако Ярославу, даче меду мало, а дружины много, да к вечеру вдати. И разуме Ярослав, яко в ночь велить сецися» (Новгородская I летопись). Еще примерами живого просторечия могут служить некоторые места писаний Мономаха, именно те части его «Поучения», где он касался военного дела или его письмо Олегу по поводу усобицы. И Ярослав и Мономах выражались таким языком, как представители княжеско-дружинной среды, из которой вышел и автор «Слова о полку Игореве».

Реалистическую жизненность словаря отметил в «Слове» сто лет тому назад Дубенский: «Какое разнообразие в выражении птичьих и звериных голосов представляет певец Игорев. У него вороны грают («тогда — во время усобиц Олега — по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть, трупиа себе деляче»; «всю ночь с вечера бусови врани възграяху» — злая примета; «тогда врани не граахуть» — сочувствие природы при бегстве Игоря из плена), орлы клекчут («орли клектом на кости звери зовуть»), соловьи щекочут («О, Бояне, соловию старого времени! абы ты сиа плъкы ущекотал»...; «щекот славий успе» — под утро), сороки стрекочут («сороки не трескоташа» — при бегстве Игоря), галки говорят (под утро «говор галичь убудися»; «галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие» — на трупы от побоища), лебеди кричат («крячат телегы — Половецкие — полунощи, рцы, лебеди роспужени»), «лисицы брешуть на чръленые щиты» русских воинов в степном походе и т. п.».

Нет сомнения, что «Слово» родственно по стилю с устной поэзией русского народа, что доказывается пользованием общими с нею стилистическими приемами, до-

шедшими до нас в записях из народных уст, начиная с XVII века. Структура некоторых речений «Слова» прямо ведет к знакомой нам манере народных песен; имеем в виду, например, повторы и отрицательную форму сравнений («Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни, посеяни костями Руских сынов»; «не буря соколы занесе чрез поля широкая»...; «а не сороки втрескота-ша»...). Автор «Слова» приводит не раз примеры боянова песнопения, в том числе привел и отрицательное сравнение падений в бою на Немизе. Отсюда видно, что стиль княжеско-дружинного песнопения действительно отличался признаками устной поэзии. К тому же «устному» источнику допустимо поэтому отнести большинство образов и метафор «Слова» и в тех случаях, когда эти образы и метафоры находят себе одинаковые параллели в дошедших до нас устных произведениях и в чисто «книжных» (например: битва — пир, земледельческая работа).

Но все же нельзя отрицать знакомства автора «Слова» с собственно «книжным» стилем, с изысканными выражениями даже переводных памятников, как, например: «Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимира до нынешняго Игоря, и же истягну ум крепостию своею и поостри сердца своего мужеством, наплънився ратного духа»...

В заключение приведем замечательную характеристику «Слова о полку Игореве», данную в 1845 году Максимовичем: «Песнь Игорю не импровизирована и не пропета, а сочинена и написана, как песнь о Калашникове Лермонтова или русские песни Мерзлякова. Разница та, что новейшие поэты пробовали придавать искусственной письменной поэзии характер поэзии народной; а певец Игоря возводит народную изустную поэзию на степень образования письменного, на степень искусства. Он поэт, родившийся в веке изустной поэзии, полной песнями и верованиями своего народа, но он вместе и поэт грамотный, причастный высшим понятиям своего времени, он поэт-писатель». Эта характеристика, несмотря на устарелость выражений, неясность терминологии и упрощенность некоторых понятий, до сих пор привлекает своей чуткостью и глубиной основной мысли.

Но ни пересказ, ни описание приемов творчества не передадут художественности «Слова о полку Игореве». Только непосредственное погружение в его поэтическую стихию может дать понятие о недостигаемой высоте это-

го произведения, о великом таланте русского народа, из недр которого на заре русской литературы явился такой неподражаемый поэт.

Необычайна широта его горизонта, глубина воззрений и искренность переживаний. Хотя «Слово» и насыщено именами князей, от прадедов и дедов до современных «Слову» их внуков, хотя Киевский Святослав зовется «грозным, великим», и особенно отмечается военная мощь Ярослава Галицкого и Всеволода Владимирского, а также храбрость братьев Святославичей, предводителей похода, но не им только во славу создана эта поэма. Героем «Слова» является Русская земля, добытая и устроенная трудом великим всего русского народа. Храбрые полки Игоря идут «за землю Русскую». Это не просто воины, ратники, кметы, а «Русичи», дети Руси. Все областные князья призываются к общей защите Русской земли. «Смысл поэмы», писал К. Маркс, «призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» (письмо Энгельсу, 1856)¹. Сам автор «Слова» не придерживался местных, узко-областных интересов, он был настоящим сыном всей Русской земли, представителем всего русского народа.

Семь с половиной веков прошло с тех пор, как создано «Слово о полку Игореве», и эти века не стерли его красок, не погасили его чувства, его любви к родине и забот о ее общем благе. Творя историю своей родины, народ не раз находил в «Слове» созвучие своему творчеству². Еще Карамзин отметил стилистическое сходство «Слова о полку Игореве» с «Волынской летописью», точнее с Галицкой летописью XIII века, старейшим списком которой является Ипатьевский. Действительно, эта летопись отличается образным изложением и картинностью, имеющими подобие манере «Слова». Правда, в Галицкой летописи нет такого поэтического гиперболизма, символики и речевой гармонии, как в «Слове», но некоторые элементы художественности являются в них общими, особенно в сфере воинского повествования. Очевидно, и Галицкая летопись возникла в дружинной среде, и героическая дружинная поэзия отразилась на

¹ Соч., т. XXII, М.—Л., 1929, стр. 122.

² Отзвуки «Слова о полку Игореве» в русской художественной литературе XIX—XX вв. перечислены В. П. Адриановой-Перетц в I томе академической «Истории русской литературы». Пользование речениями «Слова» есть у Пушкина в «Капитанской дочке» и у Шолохова в «Поднятой целине»

ее сказе. Но галицкий историк по стилю был более «книжен», хотя и знал свою «былинную» поэзию. Что эта поэзия культивировалась в Галицкой земле, видно, например, из таких упоминаний: «словутьного певца Митусу, древле за гордость не восхотевша служити князю Данилу, раздраного акы связаного приведоша» (1241 год). Когда Даниил и Василько Романовичи прогнали ятвягов, «песнь славну пояху има» (1251 год). Обладая большой начитанностью в повествовательной русской и переводной литературе, галицкий историк выбирал из книг по преимуществу изобразительные элементы и самую речь свою оригинально сплетал из живой и книжной, щеголяя необычными выражениями переводов, вошедших в Компильативный Хронограф.

Приведем образцы воинских картин и воинственной фразеологии, характерных для повестей Галицкой летописи XIII века.

Изображение войск в блеске оружия:

«Пришедшу же ему (угорскому, т. е. венгерскому королю) Володимерю (Волынскому), дивившуся ему, рекъшу: «яко така град не изобретох (не нашел) ни в Немечких странах; тако сущу оружником стоящим на нем, блистахуся щити и оружници, подобни солнцю» (под 1231 годом).

«Велику же полку бывшую его (Даниила Галицкого), устроен бо бе храбрыми людьми и светлым оружием»... (под 1231 годом).

«Наутрея же пригнавшим к ним Прусом и Бортом, и воем (Даниила) всим съседшим, и вооружьшимся пешьцем изю стана, щите же их яко зоря бе, шолом же их яко солнцю их восходящу, копием же их дръжачим в руках, яко тръсти мнози, стрельцем же обапол идущим и держащим в руках рожанци свое, и наложившим на не стрелы своя противу ратным, Данилови же на коне сядящи и вое рядящу; и реша Прузи Ятвязем: «можете ли древо подържати сулицами и на сию рать деръзнути?» Они же видевши и возвратившася во свояси» (под 1251 годом).

«Возъеха же король (угорский) с ними (немецкими послами) противу же Данилу князю; Данило же приде к нему, исполчи вся люди свое. Немьци же дивящася оружию Татарьскому: беша бо кони в личинах и в коярех кожаных, и людье во ярыцех, и бе полкъз его светлость велика, от оружия блистающася. Сам же (Да-

ниил) еха подле короля, по обычаю Руску: бе бо конь под ним дивлению подобен, и седло о злата жьжена, и стрелы и сабля златом украшена, иными хитростями, яко же дивитися, кожих же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошит, и сапозы зеленого хъза шити золотом. Немцем же зрящим, много дивящимся, рече ему король: «не взял бых тысяще сечебра за то, оже еси пришел обычаем Руским отцев своих»; и просися у него в стан, зане зной бе велик дне того. Он же (Даниил) я и за руку и веде его в полату свою, и сам соволочашеть его и облачашеть и во порты свое: и такую честь творяшеть ему, и прииде в дом свой» (под 1252 годом).

Стрелы, камни падают, как дождь:

«Идушу же камению со забрал (Калиша) яко дождю силну, стоящим им (войскам Романовичей) в воде, дондеже стапа на сусе наметаном камении»... (под 1229 годом).

«Мечющим же пращам и стрелам яко дождю идушу на град их (Лядский город Люблин)»... (под 1246 годом).

«Ляхом же крепко борюще и сулицами мечюще и годовнями, яко молнья идяху, и каменье яко дождь и с небеси идяше»... (под 1251 годом).

Треск оружия:

Батый осаждает Киев: «и ту беаше видити лом копейны и щит скепание (стрелы омрачиша свет побеженным)»... (под 1240 годом).

«Копьем же изломившимся, яко от грома тресновение бысть»... (под 1249 годом).

Знамение пред боем:

«Не дошедшим же воем реки Сяну, соседшим же на поли вооружиться, и бывшу знамению над полком снц: пришедшим орлом и многим вороном, яко оболоку велику, играющим же птицам, орлом же клекшущим и плавающим криломы своими и воспрометающимся на воздухе, якоже иногда и николиже не бе; и се знамение на добро бысть» (под 1249 годом).

Люди валяются, как снопы:

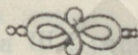
«Падаху с мостка в ров, акы сноповье»... (под 1251 годом).

Речи Даниила Романовича:

«Подобаеть воину, устремившуся на брань, или победу прияти, или пасти ся от ратных; аз бо возбранях вам, ныне же вижю, яко страшливу душу имате; аз вам не рех ли, яко не подобаеть изыти трудным воем противу целым? ныне же почто смущаетесь? Изыдете противу им!» (под 1234 годом).

«Почто ужасывается? не весте ли, яко война без падших мертвых не бывает; не весте ли, яко на мужи на ратные нашли есте, а не на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрепите сердца ваша и поддигнете оружие свое на ратнее» (под 1254 годом).

ГЛАВА III

ВОИНСКИЕ ПОВЕСТИ О ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

В конце первой четверти XIII века Русь испытала так называемое татарское нашествие, которое обратилось затем в «иго» на целые два столетия. Тягостные переживания этой эпохи отразились в литературе, сообщили ей новые сюжеты, подняли ее пафос. Первый удар со стороны монголо-татарских полчищ Чингис-хана произошел летом 1224 года. Пока столкновение это было случайным. Опустошив Кавказ, монголо-татарские войска напали на половцев. Половцы же обратились за помощью к русским князьям. На киевском съезде те решили выступить совместно с половцами: «Юрья же князя великого Суждальского не было в том совете». Союзная русская рать дошла через степь до реки Калки и здесь была побеждена, вследствие розни между князьями. Преследуя остатки русского войска до Новгород-Северского, монголо-татары опустошили несколько городов и возвратились в Азию.

Рассказ о первом столкновении монголо-татар с русскими дошел в нескольких передачах. В основе их, вероятно, лежат две повести. Одна из них, содержащая наиболее деловой перечень событий, подверглась изменениям в связи с переходом из местной летописи в так называемый «летописный свод», из летописи одного края в летопись другого. Судя по дошедшим до нас остаткам данной повести, она была скупа в литературном отношении. Другая основная повесть не подвергалась подобному перемещению по летописным гнездам и, писанная для Галицкой летописи, в ней и дошла до нас, может быть, лишь с легкой редакторской ретушью. Эта

галицкая повесть сохранила живое восприятие современника событий и стилистически литературна.

Первая из названных нами основных повестей, вероятно, по замыслу позднейшего северного летописца, была снабжена предисловием, в котором выражено впечатление от неожиданного нашествия на Русь дотоле неведомого врага. Такие вторжения неведомых полчищ из какой-то пучины мирового зла воспринимались русскими книжниками так же, как на западе Европы было принято нашествие гуннов (IV век) или мадьяр (IX век), которых там считали за нечистые народы, посланные богом в наказание людям. В воображении Запада они являлись потомками злых духов пустыни, или «Гогом» и «Магогом» библии, которые были замкнуты в горах Александром Македонским, но должны вырваться из заключения перед концом мира.

Основываясь на «Слове о царстве язык» византийца Мефодия Патарского, русские летописцы еще в конце XI века возводили беспокойных своих соседей (половцев и прочих) к нечистым библейским народам. Но тогда это сближение имело какой-то схоластический характер, повторенное же под 1223 годом применительно к татарам, оно звучало очень грозно. «Явишася языци, их же никтоже добре ясно не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их и которого племени суть, и что вера их; и зовуться Татары, а инии глаголють Таурмены, а другие Печенези, инии глаголють, яко си суть ишли из пустыни Етриевскы, сущей межю востоком и севером, тако-бо Мефодий рече: яко к сконченью времени явитися тем, яже загна Гедеон, и поплентят всю землю от востока до Ефранта и от Тигра до Понетьского моря, кроме Ефиопья. Бог же един весть, кто суть и отколе изидоша, премудрии мужи ведят я добре, кто книги разумно умеет; мы же не вемы, кто суть, но сде вписахом о них памяти ради Русских князей беды, яже бысть от них». Так начинается повесть о Калкском побоище в Лаврентьевском списке летописи; дальнейший рассказ здесь, к сожалению, сокращен; полнее он читается в позднейших летописях.

Вторая из основных повестей читается в Ипатьевской летописи. Рассказ, данный здесь по манере южных летописей в реалистическом плане, ясно окрашен галицкой тенденцией. Передадим наиболее изобразительные места в нем.

Когда союзные русские войска вместе «со всей землей

Половецкой» сошлись на Днепре у Хортицы, Даниил Романович, молодой князь из галицких, поскакал на коне вместе с другими князьями навстречу татарским отрядам, желая «видети невиданные рати». Одни говорили, что татары — только стрелки, другие — что они «простые люди», хуже половцев. Но Юрий Домамирч сказал: «ратниці суть и добрыє вой».

Сначала русские разбили татар, забрали у них множество скота и шли еще восемь дней до реки Калки. Здесь их встретили главные силы татар, но не все князья были в согласии, и два Мстислава не были оповещены третьим: «бе бо котора велика межю има». Даниил Романович, бросившись вперед, был ранен в грудь, но «младства ради и буети не чюяше ран, бывших на телеси его: бе бо возрастом 18 лет, бе бо силен». В помощь ему бросился Мстислав Немой, «бе бо муж и той крепок, понеже ужика (родственник) сый Роману от племени Володимеря, прироком (прозвищем) Мономаха, бе бо велику любовь имеа к отцу его (т. е. к Роману, отцу Даниила), ему же поручившу по смерти свою волость, дая князю Данилови». «Татарам же бегающим, Данилови же избивающему их своим полком, и Ольгови Курскому крепко бившуся, инем полком сразившимся с ними, грех ради наших Русским полком побежденным бывшим, — Данил, видево, яко крепчайши брань належит на ратных, стрельцем же стреляющим крепче, обрати конь свой на бег, устремления ради противных. Бежашу же ему, и вжада воды; пив, почюти рану на телеси своем, во брани не позна ея крепости ради мужества возраста своего: бе бо дерз и храбор, от главы до ногу его, не бе на нем порока. Бысть победа на вси князи Рускыя, такоже не бывало никогда же».

Сквозь тяжелую парадную одежду причастий в форме «дательного-самостоятельного» проступает прекрасный образ юного богатыря Даниила Романовича, которому посвящены наиболее художественные страницы Галицкой летописи. Автор этой летописи был вообще любителем образного стиля и сверх своих изображений в этой области пользовался готовым литературным материалом, письменным и устным, не исключая даже фразеологии. С особым вниманием отнесся он к изображению Даниила Романовича Галицкого, применив к его характеристике наилучшие элементы своего стилистического арсенала. И в приведенном примере можно, например, указать пользование Компильативным Хроногра-

фом: библейским изображением Давидова сына Авессалома, богатыря и красавца, у которого «от главы до ног его не бе порока».

Что образ Даниила Романовича, данный в Галицкой летописи, несмотря на древность искусства, которым он запечатлен, до сих пор может привлечь внимание художника, видно из повести Леонида Леонова «Туатамур». Повесть эта посвящена изображению похода монголов на Дешт-и-Кипчак и первому их столкновению с русскими, закончившемуся поражением на Калке. Основным источником исторических фактов для этой повести служили русские летописи, но сообщения их идут здесь от лица предводителя монгольского войска Туатамура. В рассказ введена и любовная интрига. Туатамур любил Ытмарь, дочь хакана, и Чингис отдал бы ее «когда бы не тот, из страны, богатой реками, Орус (русский), который был моложе и которого борода была подобно русому шелку, а глаза отшлифованному голубому камню из лукоморий Хорезма. Воинственная Ытмарь отправилась в поход с войском Туатамура. Когда «Мстислав» (русские князья: Киевский, Черниговский, Торопецкий и Галицкий — «Немой») начали бой на Калке, «молодая ватага с молодым же князем Эйе, я (Туатамур) не видал его спины, а видел лишь три белых кисти его неудержимого копья! — хлынула внезапно валом... Он был как розовое дерево весной. Свои кричали его Джаньилом. Это у него борода была как русый шелк. Вайе, Ытмарь хорошо ударила его саблей, и он хорошо принял удар, не качнулся в седле. Ему на подмогу летел четвертый Мстислав, мыча, как немой. Но он не успел опустить меча»... По романическому замыслу, повесть о Туатамуре доводит Даниила до смерти на руках Ытмари, ранившей его в Калкском бою (в действительности Даниил прожил еще четыре десятка лет). Ночью, после боя, осматривая поле битвы, Туатамур услышал плач на берегу Калки и подъехал к реке: «Я увидел, я сотрясся. Согнувшись над человеком, лежащим неподвижно на песке, лицом к лицу, негромко плакала Ытмарь... Это был тот молодой эджегат Орус, Джаньил»...

В позднейших летописях повесть о Калкском побоище сообщает о судьбе Мстислава Киевского, который, не участвуя в полевой битве, устроил на высоком берегу Калки «город с кольем» для своего полка. Но его с несколькими князьями предали татарам, которые этот го-

род взяли, людей посекали, «а князей имаша, издавиша, подкладше под доски, а сами верху седоша обедати, и тако князи живот свой скончаша».

Этот трагический эпизод, выраженный летописью с предельным лаконизмом, также нашел себе место в сказе Туатамура, но, несмотря на попытку увеличить воздействие на чувства читателя разительными деталями, не превзошел силы летописного изображения. Можно сказать вообще, что средневековый рассказ, схематический по характеру, поступая в переделку позднейшего времени, обычно не удовлетворял нового автора-редактора своей сжатостью, и тот развивал его применительно к литературным требованиям своей эпохи. Чем больше культурно-общественных изменений протекало между временем оригинала и временем его переделки, тем большим изменениям подвергались и литературные требования, которые обуславливали эту переделку. Очень редко случалось, когда элементы оригинального изображения развивались и дополнялись родственными им по существу. Обычно же это развертывание производилось при помощи средств, чуждых времени оригинала, и поэтому, несмотря на преимущество новых приемов изображения, оно не приобретало большей выразительности, теряя цельность стиля.

Вероятно, не менее чем через столетие после Калкского побоища в летопись попали отзвуки устных былин, именно: среди погибших на Калке позднейшие летописи упоминают «Александра Поповича... с инеми 70 храбров», или «Александра Поповича, а с ним богатырь 70», или «Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича златого пояса, и семьдесят великих и храбрых богатырей». «Храбр» — слово югославянской книжности и значит: — воитель. Восточный термин «богатырь» утвердился в русском употреблении не ранее XV века. В этом упоминании виден след былин-старин об Александре Поповиче и Добрыне, причем Калкское побоище рассматривалось, повидимому, как момент, когда ка Рдеи перевелись богатыри.

Хотя столкновение монголо-татар с русскими было в 1224 году случайным, так как пока дело шло лишь о завоевании Половецкой степи (Дешт-и-Кипчак), после утверждения монголо-татар в этой области завоевание Руси оказалось для них необходимым. Согласно «Истории» Джувейни (половина XIII века), когда каан Угетай унаследовал престол отца своего, Чингис-хана, Дешт-и-

Князья вместе с соседними странами он отдал во власть своему племяннику Бату. На общем совещании монгольских владык «состоялось решение завладеть странами Булгара, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату на Волге (Итиль), не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил царевичей (поименованы сын и около 10 внуков Чингис-хана)... а из знатных эмиров (там) был Субатай-бахадур... В пределах Булгара царевичи соединились: от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Оттуда они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области ее»...

Вторжение на Русь началось осенью 1237 года. Первому опустошению подверглось окраинное княжество Рязанское: в декабре 1237 года Рязань была взята и сожжена. Вслед затем опустошена была и Суздальщина. Здесь были взяты города: Коломна, Москва, Владимир, Суздаль, Ярославль, Юрьев, Дмитров, Переяславль, Ростов, Тверь, и опустошено все северное Поволжье. Великий князь Суздальский потерпел страшное поражение на реке Сити (март 1238 года). Монголы-татары двинулись теперь на Великий Новгород, но из-за весенней распутицы верст за 100 не дошли до него, опустошили на обратном пути Смоленское княжество и на 7 недель задержались осадой г. Козельска. Затем ушли на Дон против половцев и на северный Кавказ. В следующем году монголо-татары вступили в южную Русь, взяли Переяславль, Чернигов, Киев (1240 год), затем тогда же и путем дальнейших экспедиций — галицкие и волынские города. Двигаясь далее на запад, одна часть монголов вторглась в Польшу и в Силезию, другая — в Венгрию, в Сербию до Адриатики, после чего полчища монголов вернулись на восток, к низовьям Волги в «Золотую Орду» Батыя.

Охват русских областей производился планомерно. Это движение монголо-татар не было набегом, а организованным нашествием громадных воинских сил, уже подготовленных опытом завоевания многих стран. Свыше четверти столетия народы Чингис-хана воспитывались на

идее овладения миром и соответственно этой идее военизировались. Руси было чуждо такое целеустремление, и она не была подготовлена к успешному его отпору. Особенно тяжкие удары понесла северо-восточная Русь. Выразительное описание ее опустошения в 1237 году, имеющееся в старейшем списке Владимиро-Суздальской летописи, обнаруживает в своем стиле участие церковного книжника. Манера этого описания, обильная печальными и покаянными библеизмами, правда, заимствованными отчасти из летописных повестей о прежних половецких набегах, ощущается долго потом в исторических повестях.

Перескажем часть этого описания по Лаврентьевскому списку летописи.

В тот же год, на зиму, пришли с востока на Рязанскую землю, лесом, безбожные татары и стали воевать Рязанскую землю и полонили ее до Пронска. Они овладели Рязанью и сожгли ее и князя убили, а кого брали в плен, тех рассекали или расстреливали стрелами или вязали руки назад (в поздних летописях прибавлено: «и груди вырезываху и жолч вымаху, а с иных кожи сдираху, а иным иглы и щопы за ноги бияху»). Много святых церквей татары предали огню, монастыри и села пожгли, немало набрали и имущества... (далее кратко — битва у Коломны, взятие Москвы и выезд из г. Владимира великого князя Юрия на реку Сить для собирания войска).

В ту же зиму пришли татары к г. Владимиру, февраля 3, на память св. Симеона, во вторник за неделю до мясопуста (до масленицы). Владимирцы затворились в городе со Всеволодом и Мстиславом (князьями Юрьевичами), воеводою же был Петр Ослядюкович. Когда владимирцы отказались отворить ворота (сдать город), татары подъехали к Золотым воротам, ведя с собою (взятого «руками» в Москве) Владимира Юрьевича, брата Всеволоду и Мстиславу, и стали спрашивать, в городе ли великий князь Юрий. «Володимирцы пустиша по стреле на Татары, а Татарове такоже пустиша по стреле на Золотые ворота». Затем татары сказали владимирцам: «не стреляйте». Те приостановили стрельбу. Подъехав близко к воротам, татары стали говорить: узнаете ли княжича вашего Владимира? Он же был уныл лицом. Всеволод и Мстислав узнали брата своего Владимира. О, умильно и слез дотойное зрелище! Всеволод и Мстислав с дружиною своею и все горожане пла-

кали, глядя на Владимира. А татары, удалившись от Золотых ворот, объехали кругом всего города и стали станом перед Золотыми воротами на расстоянии видимом, и было их воинов бесчисленное множество вокруг всего города. Всеволод и Мстислав исполнились жалости к своему брату Владимиру и сказали дружине своей и Петру воеводе: братья! лучше нам умереть перед Золотыми воротами за святую богородицу (т. е. за патрональную церковь и владимирскую икону) и за правоверную веру христианскую! Но не дал им воли Петр Ослядюкович. И сказали оба князя: это все навел на нас бог за наши грехи. «Яко же пророк (Исаия) глаголет: несть человеку мудрости, ни есть мужества, ни есть думы противу господеву; яко господеву годе бысть, тако и бысть, буди имя господне благословенно во веки» (цитаты из книги Иова). Случилось великое несчастье для Суздальской земли, такое несчастье случилось ныне, какого не бывало еще от крещения... Устроив станы свои у города Владимира, татары пошли, взяли Суздаль, разграбили святую богородицу (церковь), сожгли дворец княжеский и монастырь святого Димитрия, а прочие монастыри разграбили; чернецов и черниц старых, попов, слепых, хромых, калек и больных — всех пересекли; чернецов же и черниц молодых, попов, попадей, дьяконов, их жен, дочерей и сыновей — всех отвели в свои станы, а сами пошли ко Владимиру. В субботу мясопустную стали возводить леса и устанавливали стенобитные машины («порокы») до вечера, ночью же около всего города поставили тын. В воскресенье мясопустное после заутрени пошли к городу на приступ, февраля 7, на память святого мученика Феодора Стратилата. «И бысть плачь велик во граде, а не радость, грех ради наших и неправды; за умножение беззаконий наших попусти бог поганые, не аки милуя их, но нас кажа (наказывая), да быхом встыгнулися от злых дел. И сими казньми казнит ны бог нахождением поганых, се бо есть батог его, да встыгнувшися вспомняемся от пути своего злого; сего ради в праздники нам наводит бог сетованье, якоже пророк (Амос) глаголаше: предложу праздники ваша в плач и песни ваша в рыданье».

Такое же рассуждение с цитатою о праздниках находится в летописи ранее, под 1093 годом, по поводу побед половецких. И взяли (татары) город до обеда; от Золотых ворот у св. Спаса вошли «по примету» через ог-

раду, с севера от Лыбеди к Ирининым воротам и Мадным, от Клязмы к Волжским воротам, и так быстро взяли Новый город. Всеволод и Мстислав и все люди бежали в Печерный город, а епископ Митрофан и княгиня Юрьева с дочерью и со снохами и с внучатами, и другие княгини, владимиrowa с детьми, и множества бояр и всякого народа заперлись в церкви св. богородицы. И так без милости были подожжены огнем. Боголюбый же епископ Митрофан молился: «господи, боже сил, светадаве, седяи на херувимах, и научив Осифа, и укрепив пророка своего Давида на Гольяда, и воздвигнувший Лазаря четверодневного из мертвых! Прости руку свою невидимо и прими в мир душа раб своих!» И так они скончались. Татары силою открыли двери церковные и, увидев, что одни умерли от огня, других оружием предали смерти, разграбили святую богородицу, ободрали чудесную икону, украшенную золотом, серебром и драгоценными камнями; ограбили все монастыри, ободрали иконы, одних (людей) пересекли, других пленили, украли кресты честные, сосуды священные и книги, и одежды блаженных прежних князей, которые те повесили в святых церквах на память о себе, все это взяли себе в полон¹. Как говорит пророк (Давид, в 78-м псалме): «боже! придоша языци на достояние твое, оскверниша церковь святую твою, положиша Иерусалима, яко овощное хранилище, положиша трупья раб твоих брашно птицам небесным, плоть преподобных твоих зверем земным; проляша кровь их, аки воду».

Описание ограбления владимирской церкви богородицы с цитатою из 78-го псалма заимствовано сюда дословно из летописной повести о взятии Киева русскими князьями и половцами в 1203 году.

В заключение эпизода о владимирском взятии, автор-церковник, поименовав погибших игуменов, снова варьирует библейские цитаты о наказании за грехи и скру-

---

¹ Рассказ Ипатьевской летописи об осаде и взятии г. Владимира короче: в нем нет дневника происшествий и местных топографических деталей, переговоры с татарами иного содержания. Из Юрьевичей назван лишь один Всеволод, сдавшийся добровольно, но непопущенный Батыею. «Татаром же пороки правд, бьющим, стрелами без числа стреляющим, се увидев князь Всеволод, яко крепцае брань належити, убоися, бе бо и сам млад, сам из града изыде с малом дружины, несы с собою дары многы: надеяше бо ся от него (т. е. Батыя) живот прияти; он же (Батый), яко сильный зверь, не пощади унести его, веле пред собою зарезати...»

шенно восклицает: «вот и я, грешный, много и часто прогневаю бога, согрешая ежедневно» (так же заканчивается рассказ о победах половецких 1093 года). За этой тирадой, по-богословски объяснявшей массовые земные несчастья принудительным средством для смягчения загробных мук, следует краткое сообщение о февральском опустошении Суздальской земли, в которой не было почти места, где бы не воевали татары. Наконец, весть о взятии стольного города Владимира и о гибели епископа и родных дошла до великого князя; здесь изображается его горькая печаль, больше всего о церкви и епископе, которую он, «новый Иов» излил в молитвах, заимствованных из псалтири. Татары пришли на Сить, где сосредоточилось русское войско: и оступишася обоим, и бысть сеча зла, и побегоша наши пред инопленники, и ту убьен бысть князь (великий) Юрьи, а Василька (Константиновича, племянника Юрьева) яша руками безбожнии и поведоша в станы свои. Се же зло сдеяся месяца марта в 4 день, на память святых мучеников Павла и Ульяны».

Сообщив о похоронах великого князя Юрия в ростовской церкви богородицы, автор далее описывает в житийном стиле (не без влияния житий Бориса и Глеба и Андрея Боголюбского) принуждение татарами пленного Василька к измене, его непреклонность и смерть без милости. Похороны Василька сопровождаются панегириком ему («отец сирым, звезда светоносная» и т. д.), с привлечением библейских цитат: «бе же Василько лицом красен, очима светел и грозен, храбр паче меры на ловех (на охоте), сердцем легок, до бояр ласков; никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашу пил, и дары имал, тот никакоже у иного князя можаше быти за любовь его; излише же слугы своя любляше. Мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста; бе бо всему хытр и гораздо умея, и посиде в доброденствии на отни столе и дедни и тако скончася, якоже слышасте».

Так писал некий сторонник ростовского княжеского дома, может быть, тот «муж богобоязлив, попович Андриян», который взял тело Василька, брошенное в Шернском лесу, «понявицею» обвинил его и положил «в скровне месте» до прихода посланных ростовским епископом Кириллом. Подобный эпизод рассказывал о себе лет шестьдесят ранее автор летописной повести об убиении Андрея Боголюбского.

Приведенные нами рассказы интересны для историка, преимущественно как перечень фактов в их внешней последовательности. Размышления автора не самостоятельны и традиционны. Но, несмотря на все это, героические черты проступают и в скупом изображении событий, например, в рвении молодых князей к смертному бою, в непреклонной верности родине Василька Константиновича. Что касается собственно литературной стороны повествования, то его склонность к церковно-книжной риторике, даже в воинских сюжетах, является характерной особенностью владимиро-суздальской книжности.

В Ипатьевской летописи читается еще следующий героический эпизод об осаде татарами Козельска. Разорив Владимир и попленив суздальские города, Батый подошел к Козельску, в котором находился «князь млад» именем Василий. Татары проведали, «яко ум крепкодушный имеют людье во граде, словесы лестными невозможно бе град прияти». «Сотворив совет», жители Козельска решили не сдаваться Батыю, говоря: «яко еще князь наш млад есть, но положим живот свой за нь; и сде славу сего света приимше, и там небесныя венца от Христа бога приимем». Татаром же быющим о град, прияти хотящим град, разбившим граду стену, и възидоша на вал татаре; Козляне же ножи резахуся с ними, съвет же створиша изъити на полкы Татарьскыя, и ишедше из града исекоша праща их, нападше на полкы их и убиша от Татар 4 тысящи, а сами же избьени быша. Батый же взя город, изби вси, и не пощаде от отрочат до сосущих млеко; о князи Васильи неведомо есть, инии глаголаху, яко в крови утонул есть, понеже убо млад баше. Оттуду же в Татарех не смеють его нареци град Козлеск, но град злый, понеже бишася по семь недель; убиша бо от Татар сыны темничы три, Татари же искавши и могоша их изнайти во множестве труп мертвых».

У Рашид-ад-Дина об этом сказано кратко, но выразительно: «После того (взятия Переслава) они (монголы) ушли оттуда, порешив в совете итти туманами (10 000 воинов) облавой, и всякий город, область и крепость, которые им встретятся (на пути) брать и разорять».

При этом походе Бату пришел к городу Козельску и, осаждая его 2 месяца, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан (сын Угетая каана) и Бури (внук Чагатая).

и взяли его в 3 дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули»¹.

Замечательна своим стилем повесть Галицкой летописи о взятии татарами Киева. Еще под 1237 годом здесь сообщалось, что «Меньгу кан» (двоюродный брат Батыйя), приходивший «сглядат града Кыева», став «на оной стране Днепра у градка Песочного, видив град, удивися красоте его и величеству его», и посылал послов к князю и гражданам, желая их «прельстити», но «не послушаша его». Даниил Галицкий, овладев Киевом, поставил там своего наместника, Дмитра, «и вдасть Киев в руце Дмитрови обдержати противу иноплемьных язык, безбожных Татаров».

Повесть начинается под 1240 годом. «В лето 6748. Приде Батый Киеву в силе тяжьце (обычное в повестях выражение, заимствованное с греческого), многом множеством силы своей, и окружи град и остолпи сила Татарская, и бысть град во обдержаньи велице». Далее дается картинное изображение множественности войск, параллели которому есть во многих литературах. «И бе Батый у города и отроци его (т. е. джигиты, нукеры) обседаху град, и не бе слышати от гласа скрипани тегег его, множества ревеня вельблуд его и ржания от гласа стад конь его; и бе исполнена земля Руская ратных».

Сообщаемые затем имена воевод Батыйя соответствуют показанию персидских летописей. Это все братья Батыйя: один родной и шесть двоюродных и еще два эмира. При имени «Кююк» пояснено: «иже вратися, уведав смерть канову, и бысть каном не от роду же его, но бе воевода его перьвый», то-есть: Угетай каан умер в конце 1241 г.; о его преемнике спорили несколько лет, после чего кааном стал в 1246 г. Гуюк («Кююк» в повести), старший сын Угетая, происходивший «не от роду» Батыйя, сына Джучи. Следовательно, повесть наша написана не ранее 1246 года. «Постави же Батый пороки городу, то бо беаху пришли дебри; пороком же беспрестани бьющим день и ночь, выбиша стены, и возиндоша горожаны на избыть стены, и ту беаше видити лом копейны и щит скелание, стре-

¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II, извлечения из персидских сочинений, собр. В. Г. Тизенгаузеном, АН, 1941. Батыеву нашествию 1237—1238 годов посвящена «историческая повесть» В. Яна «Батый».

лы юмрачиша свет побеженным; и Дмитрови ранену бывшу, взиидоша Татаре на стены и седоша того дне и нощи. Граждане же создаша паки другой град около святое богородице (т. е. Десятинной церкви). Натрея же придоша на не, и бысть брань межи ими велика; людем же узбегшим на церковь и на комары (своды) церковныя, и с товары своими, от тягости повалишася с ними стены церковныя, и прият бысть град сие воими. Дмитрея же изведоша язвена и не убиша его, мужьства ради его»... (по свидетельству Рашид-ад-Дина, Киев взят был в 9 дней).

Начало повести о взятии Киева похоже на зачин былин о Калине царе (см. Сборник Кириши Данилова):

«Да из Орды, Золотой земли.
Из тое Могозеи богатые,
Когда подымался злой Калин царь,
Злой Калин царь, Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганюю;
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Днепра;
Збиралось с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнетца?
Зачем не расступитца?
А от пару было от конинова
А и месяц, сонце померкнула,
Не видать луча света белова,
А от духу Татарского,
Не мощно крещеным нам живым быть»...

ГЛАВА IV

ПОВЕСТЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ЯРОСЛАВИЧЕ НЕВСКОМ И ПОВЕСТЬ О ДОВМОНТЕ ТИМОФЕЕ

В памяти о прошлом Русской земли глубоко запечатлелись идеи внутреннего единства и внешней независимости государства. Замечательно, что эти идеи-стремления не только не потонули в мятеже феодальной раздробленности, но именно тогда и создались героические их носители, освещавшие мрак средневековья. В ряду этих героев, выдающееся место занимает Александр Ярославич Невский, радетель о Русской земле, подобно своему прадеду Владимиру Мономаху.

Время, когда действовал Александр Ярославич, характерно новыми явлениями, на целые века осложнившими путь русской истории. Такими явлениями были татарщина на Руси и онемечение Прибалтики. Северовосточная Русь была обязана Александру Ярославичу как облегчением татарского ига, так и отражением немецкой агрессии. Правда, первые удары татарщины пришлось на долю предшественников Александра на великом княжении, на долю Юрия Всеволодовича, дяди, и Ярослава Всеволодовича, отца Александра, последовательно занимавших Владимиро-Суздальский великокняжеский стол. Юрий, начальствовавший русскими войсками в битве с татарами на Сити, погиб там в 1238 году, а Ярослав был коварно отравлен в Монголии у великого хана Куйюка в 1246 году. Наследники Ярослава не обошлись без усобиц, причем Александр с младшим братом Андреем за своей частью наследства ездили в Орду к Батыю. Великое княжение получил здесь Андрей, но продержался лишь до 1252 года, когда был смещен татарами, и великокняжеский стол перешел к

Александр Ярославичу. Ставши с этого времени ответственным перед татарскою властью за Владимиро-Суздальскую и Новгородскую Русь, Александр всячески облегчал ее населению тяготы татарской зависимости. Скончался он спустя десятилетие.

Отдавая должное этим трудам Александра Ярославича, в которых он проявил холодную рассудительность опытного политика, литература средневековья не нашла тут эффектов для развернутого повествования. Зато первая половина жизни Александра, когда он в качестве Новгородского князя выступал как военачальник и самоотверженный защитник западных пределов Руси, получила в литературе художественно развернутое изображение.

С конца XII века установилась более тесная связь Новгорода с Владимиро-Суздальским великим княжением. То насильственно, то добровольно Новгород попадал под управление князей Суздальщины, а затем обычно, испытав несоответствие Суздальского единовластия своей самостоятельной общинной системе, старался освободиться от таких правителей. Так было с дедом Александра, Всеволодом, и с отцом его, Ярославом Всеволодовичем, от которых Новгород с трудом освободился при помощи южного князя Мстислава Удалого; так было и с самим Александром Ярославичем, который, несмотря на свои воинские подвиги, в интересах Новгорода был одно время вынужден оставить его. Но современники отметили разницу отношения новгородцев к предкам Александра и к нему самому. Когда в 1240 году Александр рассорился с новгородцами и выехал в Суздальщину, немцы завладели Псковом и бродили уже под Новгородом. Попад в беду, новгородцы опять выпросили себе в князя Александра Ярославича, несмотря на то, что великий князь Ярослав назначил к ним другого своего сына, Андрея.

Для западных пределов Руси XIII век был весьма опасным временем, причем со второй его четверти опасность эта увеличилась. Татарское нашествие, постигшее Русь в 1237 году, позволило западным ее соседям с большей свободой хозяйничать среди прибалтийских племен, бывших частью вассалами Руси, и толкало захватчиков даже на основную русскую территорию. Швеция, Дания и особенно жадные к «легкой» добыче немецкие рыцари Ливонского и Тевтонского орденов, только что объединившихся, под видом крестового по-

хода, вторглись в Новгородско-Псковские владения. Избавителем явился новгородский князь Александр Ярославич. Он отвоевал Изборск, Псков и Копорье, уничтожил шведскую высадку в устье Невы, разрушил вражеские укрепления на русской территории и нанес страшное поражение немецким рыцарям на льду Чудского озера. Эти подвиги были совершены Александром как вождем Новгорода в 40-х годах, еще при великом княжении Ярослава. Но и по смерти его, перейдя на высшее положение в ряду других князей и вскоре сам став великим князем Владимиро-Суздальским, Александр Ярославич продолжал уделять особое внимание Новгороду и всего больше пребывал там.

Материала, оставшегося от древности, конечно недостаточно, чтобы воссоздать образ Александра Ярославича со всей полнотой. Но все данные говорят за то, что это не был ни бездеятельный, ни суетливый феодал, ограничившийся местными интересами и думавший лишь о своей корысти. Предпринятые им труды имели общее значение для всего государственного союза северо-восточной Руси. Защита Александром западных пределов Руси преследовала не местно-новгородские только, но общерусские интересы; она даже предопределяла их будущее направление. Но деятельность в этой области не поглотила всецело Александра, не ограничила его талант одной военной сферой, не отвлекла его внимание от жизни других частей государства. Когда выведенные из терпения насилиями татарских откупщиков дани, главные города Суздальщины выгнали их от себя, Александр Ярославич четвертый раз поехал в Орду, чтобы «отмолить» людей от кровавой мести, и, действительно, предотвратил готовившееся опустошение страны. На возвратном пути Александр Ярославич скончался — 14 ноября 1263 года.

Исторических лиц старинная книжность вводила в свой обиход с большим выбором. Конечно, имен сохранилось в ней немало, но лишь немногие именные персонажи формировали сюжет, были в нем необходимою. К числу таких стержневых образов книжности и относится герой древне-русских повестей Александр Невский, сын того Ярослава Всеволодовича, к которому обращено было «Моление» Даниила Заточника. Первоначальная повесть об Александре — одно из ранних явлений молодой севернорусской книжности — еще следовала в стиле южнорусской традиции, пользуясь книж-

ными поэтическими источниками, популярными в Киевской Руси. Эта светская биография Александра, вероятно, составлена была членом александровой дружины вскоре после смерти князя, причем биографические данные об Александре были сообщены в ней неравномерно. Следует иметь в виду, что сведения по управлению и дипломатического характера средневековая историография вообще передавала лаконично, если эти действия были лишены драматических столкновений и воинственного звона. Наибольшую часть средневековой исторической беллетристики составляют поэтому так называемые «воинские повести», и одной из самых выразительных воинских повестей является первоначальная повесть — биография Александра Невского, манера, приемы и образы которой свидетельствуют об авторстве дружинника.

Затем светская биография была оцерковлена владимирским монахом в конце XIII — начале XIV века и дошла до нас уже в оцерковленном виде, т. е. в виде жития Александра как — «святого». Такое оформление биографии не было исключительным и не зависело от особых религиозных свойств изображаемого лица: в средние века по отношению к светскому деятелю житийный стиль свидетельствовал вообще о наивысшей оценке его жизненного труда. Но для более верного представления об Александре Невском следует восстановить основную светскую о нем повесть.

Реставрация основной повести об Александре осложняется тем, что в наиболее ранних списках жития его, восходящих к XIV веку, наблюдается разница в полноте состава и в изложении. Так, в одном лишь списке жития (XV—XVI век) перед собственно повествованием имеется статья, которую авторитетные ученые считают предисловием к светской биографии Александра. Это как бы прелюдия в виде широкой поэтической картины всей Русской земли в эпоху ее счастья и могущества, которой теперь, по мнению автора, угрожают гибелью неотвратимые опасности. Название этой статьи, с некоторой поправкой, следует, повидимому, читать так: «Слово о гибели русской земли, о смерти Олександра, сына Ярослава» или «о смерти великого князя Олександра, сына Ярославля».

Начинаясь приветственным обращением к «светло-светлой и прекрасно украшенной земле Русской». «Слово» перечисляет те «многие красоты», которыми она «вызывает удивление», ее природные богатства, народ-

ное благосостояние и обширность территории «покоренной богом христианскому народу». «Языческие страны (были покорены) великому князю Всеволоду (т. е. Суздальскому), отцу его — Юрию (т. е. Долгорукому), князю Киевскому, деду его Владимиру Мономаху, которым половцы детей своих пугали в колыбели, а Литва из болот на свет не выникала, а Венгры утверждали свои каменные города железными воротами, чтобы чрез них не въехал великий Владимир (Мономах), а немцы радовались, живя вдали за Синим морем; Буртасы (чуваши), Черемисы, Вяда (финское племя на р. Вятке) и Мордва бортичали (промышляли пчелами) для князя великого Владимира, а кир (господин) Мануил царьградский из боязни посылал к нему великие дары, чтобы у него великий князь Владимир Царьграда не взял (анахронизм: византийский император Мануил Комнен жил полстолетием позднее Мономаха). А в те дни (случилась) болезнь христианам от великого Ярослава и до Владимира и до нынешнего Ярослава и до брата его Юрия, князя Владимирского»...

Такой неясный конец статьи позволяет предположить далее пропуск текста. Под «болезнью», постигшею Русь, возможно разумеать не только татарское иго, а вообще несчастья, которые пришлось в те дни «переживать Руси от сивившихся и все вновь появлявшихся врагов». О татарщине как болезни «сих» дней, вероятно, тоже говорилось в утерянном тексте. Не сохранилось и таких выражений, которые являлись бы переходом от предисловия «Слова» к собственно биографии Александра Невского. Связь с самой биографией могла быть выражена, например, так: ни великому князю Юрию, ни Ярославу не суждено было защитить русскую землю от порабощения, но теперь Александр Ярославич успешно охраняет ее, и вот каковы его подвиги. Но так или иначе; «Слово о погибели Русской земли», вероятно, видело эту гибель именно в смерти Александра, при гробе которого, как будет сказано ниже, все люди воскликнули: «уже погибаем». «Слово о погибели», даже при неполноте дошедшего текста, является одним из перлов старинной литературы. Широкий горизонт, картинность изображения и горячая любовь к родине, некогда счастливой, теперь страдающей, но всегда прекрасной, роднят это произведение со «Словом о полку Игореве».

За этим предисловием дружинника в светской биографии Александра шла характеристика князя, построенная

на параллелях из выдающихся переводных произведений, популярных в Южной Руси в эпоху ее культурного расцвета. Замечательно, что в трудах начитанного дружинника отразились произведения, достойные мировой известности, а именно: «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия» (повествование об Александре Македонском), «Троянские деяния» в изложении хроники Малалы, роман о византийском богатыре Дигенисе Акрите, переведенный на Русь под именем «Девгениева деяния», и исторические книги библии. Риторика этих произведений придавала Александру пышные краски: «Рост его (Александра) был выше других людей, голос его — как труба в народе, лицо его, — как у Иосифа, которого Египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью силы Самсона. И дал ему бог премудрость Соломонову и храбрость царя Римского Веспасиана, который пленил всю Иудейскую землю. Некогда, во время осады города Атапаты, вышедшие из города жители победили было его, и остался Веспасиан один и прогнал силу их к городским воротам и насмеялся над дружиной своей и укорил ее, говоря: оставили вы меня одного. Так и князь Александр, побеждая везде, был непобедим». Именуясь храбрым, Александр Ярославич называется соименником Александра Македонского, подобником царю Ахиллесе, крепкому и храброму, непобедимым, подобно Акриту (Дигенис Акрит — Девгений). Имя Александра слышно было во всех странах: от моря Варяжского до моря Понтийского, даже до Рима Великого.

Обращаясь к реставрации самого рассказа об Александре по житийной переработке, позволительно думать, что в этом главном отделе повествования собственно житийного внесено мало, и большая часть текста идет от светской, дружинной биографии Александра. Конечно, здесь кое-где встречаются прослойки молитвословного и церковно-книжного характера, но все же трудно решить, принадлежат ли они светскому книжнику или монаху. Правда, два-три эпизода можно было бы отнести прямо на долю церковного книжника, именно чудесное видение княжеских святых Бориса и Глеба, цитацию библейского чуда при Езекии-царе и чудо с «душевной грамотой», заимствованное из жития Алексея «человека божия» и приуроченное к мертвому Александру. Однако в условиях средневековья чудесное видение

патрональных святых Руси — Бориса и Глеба, спешивших на помощь своему родичу, — мотив, свойственный воинским повестям вообще и, конечно, мог быть внесен и дружинником. Он же мог цитировать и чудесное избие-ние врагов невидимым ангелом при Езекии-царе, что уже было использовано Иосифом Флавием в «Истории об Иудейской войне».

Рассказ начинается сообщением, как приехал Андре-аш от «западные страны», от тех, которые «нарицаются Слуги божие», желая подобно царице Южской, посетив-шей Соломона, повидать «дивный возраст» князя Алек-сандра и наслушаться его премудрости. (Речь идет здесь о приезде магистра Ливонского ордена меченосцев Ан-дрея фон Фельзена). Возвратившись в себе, Андреаш по-ведаль: прошел я много стран и городов, но нигде не ви-дел «такового — ни во царех царя, ни во князех князя». Узнавши о таком мужестве Александра, некий «ко-роль части Римския от полунощные страны» (т. е. один из правителей Швеции Бургер) замыслил поплнить его землю, собрал силу великую, наполнил полками много кораблей и двинулся «пыхая духом ратным». Прибыв к реке Неве, он, «шатайся безумием» и «разгордевся», от-правил к князю Александру послов в Новгород Великий с известием о своем приходе: «аще можещи противити-ся мне, то уже есмь зде и пленю землю твою». Разго-ревшись сердцем, Александр молится со слезами в церк-ви св. Софии (идут молитвословные выписки из псалти-ри), благословляется у епископа Спиридона, «крепит» дружину речью (с цитацией из псалтири) и выступает «в мале дружине, не сождався со мноюю силою своею, но уповая на святую троицу». Жалостно слышать, что отец Александра, «честный Ярослав великий», не мог быть во-время извещен об опасности угрожающей его милому сыну. С врагами Александр сошелся в воскре-сенье. Некий старейшина земли Ижорской Пелугий (Пелгусин, Белгусич), крещенный во имя Филиппа из язычников, подстерегая у морского берега «силу Ва-ряжскую», на восходе солнца увидел корабль со святы-ми князьями Борисом и Глебом, спешившими на помощь Александру: «Якоже нача всходити солнце, слышен шум страшен по морю и виде насад (корабль) един гре-буущь, посреде же насада стояста мученики Борис и Глеб в одеждах червленых и беста руки держаства на раму (т. е. положив руки на плечи друг другу), гребцы же

сидяху, яко мглою приодени. Рече же Борис: «брате Глебе, вели погresti, да поможем сроднику своему, князю Александру». Затем насад скрылся из глаз. Обрадованному Пелугию Александр запретил рассказывать о видении. В последовавшей сече с «римлянами» (15 июля 1240 года) Александр «изби бесчисленное множество от них и самому королеви печать возложи на лице острым своим мечем (или копием)». Особенно же мужествовали шесть «мужей храбрых и сильных» — пять новгородцев и один полочанин; Гаврило Алексич по доске конный доскакал до самой «сняки» (корабля); Збыслав Якунович бился одним топором (или топорком), Сава подсек столб у златоверхого королевского шатра и т. д. «Си вся слышахом от господина своего князя Александра и от иных, иже в то время обретошася в той сечи». Если это замечание, которым автор подкрепляет достоверность рассказа, не противоречит действительности, то самый рассказ о богатырстве (помянутых шести мужей) оформлен в подражание «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Дальше сообщается, что за рекою Ижорою, куда войско Александра не доходило, оказалось множество трупов неприятелей, будто бы перебитых ангелом, подобно тому, как это случилось при царе Езекии с войском Сенахирима. Эта библейская цитата есть и у Флавия. Разгром шведов выражен и тем, что они трупами своих воевод наполнили три корабля, новгородцев же всего пало двадцать мужей вместе с ладожанами (четверо названы по именам).

Тут кончается первый эпизод повествования, представляющий собою вполне законченную, самостоятельную, канонически оформленную воинскую повесть, с украшением действительности условной риторикой по признанным образцам наилучшей литературы еще «Киевского периода». Далее близко к стилю погодной летописи в кратком и сухом изложении даны известия о взятии немцами, при помощи изменников, городов Изборска и Пскова, о набеге немцев с чудью на Водь, о постройке ими крепости в Копорье и о нападении немецких отрядов под самым Новгородом. «А великий князь Александр отъехал тогда в Суздальскую землю в г. Переяславль (Залесский — в свой удел, «отчину и дедину»), поссорившись с Новгородцами», — сдержанно замечает автор, очевидно, в объяснение вражеских успехов на русской территории.

Рассказывая затем, как Новгородское посольство с самим владыкою во главе насилу выпросило у великого князя Ярослава князем себе опять Александра, автор подчеркнул неотложную нужду в Александре сообщением: «А в то время на землю Новгородскую напала Литва, Немцы и Чудь, забрали по Луге всех коней и скот, не на чем было и пахать по селам». В 1242 году Александр Ярославич прибыл в Новгород и тотчас пошел с новгородцами, ладожанами, с корелюю и ижерянами на Копорье, «изверже град из основания», часть немцев перебил, а часть отпустил «бе бо милостив паче меры», не помиловал только изменников вожан и из чуди и отправился в свой Переяславль. Это возвращение в Суздальский удел, немотивированное в рассказе, можно объяснить как поездку за Суздальской помощью против врагов Новгородско-Псковской области.

Узнав о том, что немцы захватили Псков и посадили там своих наместников, Александр «пожалел о крови христианской» и с братом своим Андреем привел войско в Новгород. «И пошел с братом своим Андреем и с Новгородцами, и с Суздальцами на Немецкую землю с великой силой, чтобы Немцы не хвалились, говоря: «унизим словенский язык». Здесь стилистически начинается второе воинское повествование об Александре в целом. По сравнению с первой повестью она только более разнохарактерна по стилю; ее рассказ, вначале сухо летописный, лишь постепенно проникается пафосом, который достигает риторической высоты в эпизоде о Ледовом побоище. Описав освобождение Александром Пскова, его вторжение в «немецкую землю» и опустошение ее, автор сообщает, как поднялся и пошел на русских магистр (меченосцев) со всеми своими епископами и со всем множеством их народа и силы, какая только ни была в их области, вместе с королевскою помощью (датчан). И сошлись на озере, именуемом Чудским. Александр повернул с своим войском с немецкой территории. Немцы же и чудь пошли за ним: «Князь же великий поставил войско на Чудском озере на Узмени, в Воронья камня и, приготовившись к бою, пошел против них. Войска сошлись на Чудском озере; было и тех и других большое множество. Был тут с Александром и брат его Андрей со множеством воинов отца своего; было у Александра много храбрых мужей «яко же древле у царя Давида крепции и сильнии, тако же и мужи Александ-

рови исполнишася духа ратного, бяху сердце их, аки львом». И сказали они: «княже, ныне пришло время положить свои головы за тебя». После молитвы Александра идет описание сечи на самом льду Чудского озера, в образах своих зависимое от художества древнего киевского «Сказания» о Борисе и Глебе и звучащее, как строфа стихотворения. «Бе же тогда день субботний, восходящу солнцу, соступишася обои (оба) войска, и бысть сеча зла и труск (треск) от копей ломления и звук от мечного сечения, яко же морю (или озеру) мерзшу двинути ся; не бе видети льду, покрься баше кровью. Се же слышах от самовидца, рече: видехом полк божий на воздухе, прошедше на помощь князю Александру». Немцы обратились в бегство, и гнали их русские с боем как бы летя по воздуху, и некуда им было убежать, били их 7 верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев 500, а чуди бесчисленное множество, а в плен взяли 50 лучших немецких воевод и привели их в Новгород, а другие немцы утонули в озере, потому что была весна (5 апреля), а другие бежали, тяжело раненные. Сомневаясь в благодарной памяти псковичей, автор предостерегает их («о, невелигаси Псковичи») не забывать своего спасителя вплоть до «правнучат».

«Ледсыым побоищем» собственно заканчивается в биографии Александра характерный для древней Руси стиль воинской повести, восходящий в глубину античности своими типическими формулами, образами, метафорами. Впрочем, хотя далее и не дано больше развернутых боевых картин, отдельные символы воинской мощи продолжают окружать Александра. После краткой заметки о победах Александра над Литвою, рассказывается с риторической условностью о его поездке к татарскому хану после смерти его отца. Князя позвал к себе «царь силен на Восточной стране, ему же бе бог покорил многи языки от востока и до запада»: «ты ли един не хочещи покоритесь силе моей. Но аще хочещи блюсти землю свою (т. е. в качестве великого князя), то скоро приди ко мне, и узриши честь царства моего». Александр двинулся через Владимир, и был грозен проезд его: на устье Волги «начаша жены Моавитские (т. е. татарки) детей своих полошати (или устрашати) рекуще: Александр едет». Царь Батый подивился Александру и отпустил его с великой честью. Александр привел в порядок Суздальщину, опустошенную нашествием татарского «царя» Неврюя, что вызвало у автора поток по-

хвал с цитатами из пророка Исаии. Далее идет отрицательный ответ Александра папе, присылавшему к нему кардиналов о соединении в вере (вероятно, для создания союза Западной Европы с Русью против татар). Упоминается о некоей «нуже великой от поганных», заставившей Александра поехать «к цареви (в Орду), дабы отмолил людей от беды». На возвратном пути от хана у Нова-города Нижнего Александр тяжело заболел: «О горе тебе, бедный человек, как можешь написати кончину господина своего, как не испадета ти зеница со слезами вкупе. Како не рассядется сердце от горькия туги. Отца бо человек может забыти, а доброго господина — аще бы жив с ним в гроб влез», — так плачет по своему князе дружинник-автор. Посхимившись (как обычно князья перед смертью), Александр Ярославич скончался (в Городце). Митрополит Кирилл, отпевавший князя, сказал собравшемуся народу: «Уже зайде солнце земли Суздальские».

Сравнение скончавшегося деятеля с зашедшим солнцем — любимая метафора древности. Тот же образ использован летописями под 1178 годом (смерть Мстислава) и 1288 годов (смерть Владимира Волынского). Но в применении к Александру это не было только риторикой, ибо «вси люди вопяху: уже погибаем».

Тело великого князя понесли в его столицу во Владимир; при встрече в Боголюбове люди так рыдали, «яко и земли потрястися». Когда Кирилл митрополит хотел разогнуть руку мертвого Александра, чтобы вложить в нее, согласно обряду, грамоту с отпущением грехов, князь, как живой, взял ее (эту грамоту) у митрополита сам. Данный эпизод, вероятно, заимствован из жития византийского святого Алексея, «человека божия», именем которого Александр был назван, приняв схиму перед смертью.

Средневековые отличались особым мышлением, особым характером художественной изобразительности, что сказалось и в литературе. Для понимания реальной сущности изображаемого в средневековой литературе необходимо учесть характерные черты тогдашнего мастерства. Особенности средневекового художественного повествования выражаются в условности изображения и в схематизме, заставляющем самого читателя дополнять подразумеваемые подробности. Представляя характеристику повествования об Александре Ярославиче путем сжатого пересказа с цитатами подлинника, мы старались

сохранить главные из отличительных свойств средневекового изложения, избегая модернизации и обесцвечивания. Пойдя по вехам такой «литературной» характеристики художественного поэтического материала, исторiku будет легче угадать под стилистическим покровом и воссоздать действительную личность и значение неустанных трудов Александра Ярославича. «Самовидец» Александра, автор его биографии, изобразил своего героя превосходящим силою и мудростью всех современных ему властителей и нашел возможным сравнивать его только с древними, известными всему миру героями и мудрецами. Рассказывая, как Александр оберегал Русскую землю от насильников с запада и востока, защищал ее мечом и избавлял от бед разумом, автор советует хранить благодарную память об Александре и изливает свою любовь к нему в причитании народа над его телом. Привлекательность образа Александра в его биографии и насыщенность ее пафосом, драматизмом и лирикой свидетельствуют не только об авторском расположении к нему, но об общем, общественном признании его заслуг перед родиной. Александр Ярославич стал образцом отечественного защитника и всегда благодарно вспоминался в годы вражеских нападений на Русскую землю, о чем свидетельствуют главнейшие воинские повести.

Под стилистическим воздействием повести об Александре Невском возникла повесть о Довмонте, князе Псковском, защитнике западных пределов Руси, который, подобно князю Александру, стал патрональным святым своей области. Имея отчасти «житийное» оформление, повесть о Довмонте включает в себе много воинских моментов. К типу «жития» принадлежит собственно начало повести, прослойка рассказа молитвословными формулами и заключительная характеристика с библейской цитатой. Включенная под 1265 годом в Псковскую летопись и далее разнесенная здесь по годам, повесть начинается сообщением, что «блаженный... князь Домант с дружиною своею и со всем родом своим оставь отчество свое, Литовскую землю, и прибеже в Плесков (Псков). И бысть князь Домонт... от племени Литовского, первые имея ко идолом служение, по отчю преданию; егда Бог восхоте избрати собе люди новы... возбнуся яко от сна, от идольского служения и помысли со своими бояры креститися..., и крещен бысть во святей Троицы в Соборной церкви (Пскова), и наречено бысть

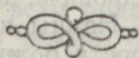
имя во святом крещении Тимофей. И бысть радость велика в Плескове и посадиша его мужи Псковичи на княжение во граде Пскове». Дальнейший весь рассказ посвящен воинской деятельности Довмонта на защиту Псковской области, как пограничной, от немцев Прибалтики и от Литвы.

Замечателен язык повествования; его живое местное наречие и ритмичность. Задумал Довмонт повоевать Литву «помысли ехати с мужи Псковичи, с тремя девяносты, и плени землю Литовскую, и отечество свое повоева... и возвратися со множеством полона ко граду Плескову; перебродився Двину... и ста шатры на бору чисте, а стражу постави на реце на Двине, Давыда Якуновича... с Лувою Литовником; две же девяносте муж отпровади с полонем, а во едином девяносте сам ся оста, жда по себе погоны». Литовские князья, в отсутствие которых Довмонт опустошил их владения, «в семи сот погнаша в след Довмонта, хотяще его яти и смерти предати, а мужи Псковичи мечи иссечи; и пребродивше Двину реку и стаха на брезе. И стражиже, видевше рать велику, пригнавше, поведавше Довмонту: рать пребродила Двину! Домант же рече Давыду и Луве: помози вама святая Троица (патрональная святыня Пскова), оже еста устерегли рать велику, полезите долов (т. е. уходите). И рече Давыд и Лува: не лезем мы долов, хотя живот свой дати и кровь свою пролити с мужи Псковичи за святую Троицу (символ Пскова)..., а ты, господине княже, поеди борзо с мужи со Псковичи на поганую Литву! Домант же рече Псковичем: братия мужи Псковичи, кто стар, то отец, а кто млад, той брат; слышал есмь мужество ваше во всех странах. Се же, братия, нам предлежит смерть и живот: братия, мужи Псковичи, потягнете за святую Троицу, и за святые церкви, и за свое отечество». Так Довмонт «одномь девяностом семь сот победи».

Далее сообщается о походе новгородцев и псковичей под предводительством Довмонта и его тестя, великого князя Дмитрия Александровича, под Раковор, «и бысть сеча велика с погаными Немцы на поле чисте и, помощью св. София, премудрости божия (патрон Новгорода), Немецкие полки победиша... И прошед горы непроходимыя, и иде на Вируяны, и плени землю их и до моря, и повоева поморье и паки возвратися, и исполни землю свою множеством полона; и славна бысть вся земля его во всех странах грозы храброства великого князя Дмит-

рия и зятя его Доманта, и муж его Новгородцов и Пскович». Когда затем немцы («погании Латыни») совершили набег на Псковские села, Домант «не стерпе обидим быти» и, «выехав в погону с малою дружиною в пяти насадах с шестдесятию муж Пскович..., восемьсот Немец победи на реце на Мироповне, а два насада бежаша в иныя острова. Боголюбивый же князь Домант ехав и зажже остров их под травою; а инии побегоша, а власи их зажжени горят, а иных иссече, инии истопоша в воде». И далее рассказано о нескольких успешных битвах с немцами, причем описано и освящение меча Довмонта в Троицком соборе Пскова. Умер Довмонт, и провожавшее его «множество людей плакахуся; и тако положиша его в св. Троицы с похвалами и песньми и пении духовными. Бысть же тогда жалость велика в Плескове мужем и женам и малым детям по добром господине, благоверном князи Тимофее, и много бо дней пострада за дом св. Троица и за мужей за Пскович»...

Обращают на себя внимание фольклорные эпитеты («на бору чисте», «на поле чисте»), пословичная речь («кто стар, то отец, а кто млад, той брат»), живая простота языка и диалектичность («перебродився», «ста шатры», «две девяносте», «полезьта долов») и рифмовка (яти — предати, псковичи — мечи иссечи). Стилистические элементы повести о Довмонте повторены в Псковской летописи и далее; так, в рассказе о походе псковичей на немцев в 1347 году читаем: «А Немци, скопивше силу, ополчився, погнаша в след Псковичь, хотяще яти руками князя Остафья и Ивана лютой смерти предати, а мужи Псковичи мечи иссечи... И стаха Псковичи боеви... и взяша прощение промежи себе и рекоша: братья, мужи Псковичи, не посраим отец своих и дедов, кто стар, то отец, кто млад, той брат»... Попытки расцветить прозу ритмом и рифмою встречаются в Псковской летописи неоднократно и в XV и в XVI веках.

ГЛАВА V

ПОВЕСТИ О КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ

Большого развития историческая повесть достигла в Москве в конце XIV — начале XV века, в связи с определившимися преимуществами Московского княжества над остальными областями северо-восточной Руси. Поэтому московское историческое повествование проникнуто оправданием права Москвы на общерусское значение. Выразителем этой идеи в первую очередь явилась летопись, собиравшая в свой состав повести с такой тенденцией.

К первому появлению московской повести относится летописный рассказ о побоище в 1371 году между войсками Дмитрия Ивановича Московского и Олега Ивановича Рязанского, деятельного противника наметавшейся гегемонии Москвы. По словам этой повести, «Рязанцы, суровые человеци и свирепые людие, високоумни суще, вознесшися мыслю и возгордевшися величанием, и помыслиша високоумием своим и реша друг к другу: не емлите с собою ни щита, ни копыя, ни иного никоего же орудия, но токмо с собою емлите едины ужища (веревки), коегождо изимавше Москвич да естъ вы чем вязати, понеже суть слаби, страшливы и некрепци. Наши же (москвичи) со смиреннем уповаша на бога, крепльшего в бранех, и мы не в силе, но в правде; дасть победу и одоление бог же, видя сих смирение и оных гордость». Так по средневековой манере объясняет победу москвичей автор, начитанный в библейской литературе.

Случившееся в 1379—1380 году нашествие золотоордынского хана Мамаю закончилось «Мамаевым побоищем» на Дону (при устье реки Непрядвы на Куликовом поле), которое послужило сюжетом целому ряду повес-

тей. Но это не удивительно, потому что тогда впервые московский князь сумел объединить для борьбы с татарами войска многих княжеств и тем достиг победы над полчищами всей Золотой Орды, приведенными самим есханом.

Основных повестей о Мамаевом побоище четыре. Из них одна краткая, в характере той официальной летописи, для которой писана; другая — обширная, под стиль риторически развитой летописи более позднего периода; третья — житийского типа, прославлявшая победоносно-го руководителя русских войск, и, наконец, четвертая — стремившаяся восстановить стиль «Слова о полку Игореве». Была ли она назначена для включения в летопись — сказать трудно.

Краткая и, повидимому, старшая повесть, условно названа «летописной». Возникла она, вероятно, не сразу после события и помещена была в летопись не позднее второй четверти XV века. Ко времени составления повести многие детали происшедшего уже стерлись в памяти, почему рассказ и вышел не вполне содержательным. Недостаток фактических деталей автор «летописной» повести восполнил заимствованием из официального церковного поминания, из Синодика, в котором были перечислены убитые с Мамаем князья, воеводы нарочитые и бояре, причем в заимствовании отсюда повесть допустила неточности. Видно, затем, что московская книжность еще не успела выработать своей поэтики, вследствие чего повесть не вполне оригинальна, будучи составлена при помощи общих риторических мест предшествующей летописи и в особенности на основании жития Александра Невского. Кое-что заимствовано и из переводного Хронографа. Охарактеризуем вкратце содержание летописной повести «о побоище, иже на Дону и о том, князь великий како бился с Ордою».

Осенью 1379 года пришел на Русь «Ордынский князь Мамай со всеми прочими князьями Ордынскими и со всею силою Татарскою и Половечскою». О половцах здесь упомянуто, конечно, по летописной традиции. В единой думе с Мамаем был нечестивый Литовский князь Ягайло Ольгердович и Олег Иванович, князь Рязанский, «велеречивый и худой» («придет ему день господень и суд» — грозит московский летописец). Собираясь идти на великого князя Дмитрия Ивановича и брата его Владимира Андреевича (Серпуховского), Мамай напомнил своим «темным» князьям победоносные времена Батыя и

сослался с Ягайлом и Олегом, чтобы стать у Оки на Семенов день (т. е. в первый день сентябрьского нового года по старому счету). Здесь идет целый ряд эпитетов, позорящих Олега за союз с «треглавыми зверями» — татарами и с «поганою» Литвою: «льстивый сотоныщик, дьяволь советник, душегубивый изменник» и т. д.

Отказав Мамаю в заключении нового, более тяжелого (вассального) договора, Дмитрий Московский молится (цитатами из жития Александра Невского) об избавлении от «сыроядец сих», посылает по брата своего Владимира Андреевича Серпуховского, по всех князей русских и воевод и побуждает их идти «противу окаянного сего и безбожного и нечестивого и темного сыроядца Мамаю за правоверную веру крестьянскую и за святые цркви и за вся младенца и старца и за вся христианы». Молится он и о возмездии Олегу — «Святополку Новому».

Когда русские войска (свыше 150 тысяч) с пришедшими на помощь двумя удельными князьями Ольгердовичами перешли через Оку в Рязанскую землю, во всех городах запечалились, как библейская Рахиль о своих чадах, «зане пошли с великим князем за всю землю Русскую на острые копыя». Это трогательное сравнение с неутешной матерью-Рахилью едва ли найдено в книге пророка Иеремии самостоятельно. Тут следует предположить посредство одного югославянского памятника, вошедшего в Хронограф.

Пока русские войска колеблются, переходить ли Дон, Мамай «возъярися зраком и смутися умом и распалися лютою яростию, яки аспида некая гневом дышуши». Здесь чувствуется стиль агиографических изображений христианских «мучителей».

Узнав о похвальбе Мамаю в речи к татарским войскам, Дмитрий опять молится о помощи против Мамаю, приступающего, «аки змий ко гнезду», пришедшего из пустыни «пожрети» русских, «аки некая ехидна прыскаючи». Войска исполчились, русские воеводы «облекошася койждо во одежа своя местная», «яко основанию земному уподвизатися от множества сил». Это гиперболическое выражение о количестве войска, в основе идущее из библии и через переводы греческих произведений попавшее в летопись, в данном случае заимствовано из жития Александра Невского. Тут же, да и выше, термин «местный» указывает на знакомство автора (редактора) с Хронографом.

Русские перешли за Дон «в поле чисто, в Мамаеву землю, на усть Непрядвы» (следует текст молитвы). Утром стали появляться «поганые Половцы» (то есть татары) и начали наступление: «Земля тутняше (гудела), горы и холмы трясахуся от множества вой бесчисленных..., и орли собирахуся, яко же есть писано (в евангелии): где бысть труп, тут же и орли». «И внезапно абие сосутившася обе велиции силы вместе на долг час, и покрыша полки поле, яко на 10 верст, от множества вой; и бысть сеча зла и велика и брань крепка, и трус (сотрясение земли) велик зело, яко от начала миру такова сеча не бывала великим князем русским, яко же сему великому князю Дмитрию всея Руси». Эта картина боя может считаться «передвижной», элементы ее рассеяны по разным векам и местам летописи. «Бьющимся же им от шестого часа до девятого и прольяха кровь, аки дождевая туча... Рече же к себе Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могут огненных слез источати, языци наши связаются, гортань ми пресыхает, и сердце раставает, чресла ми растерзаются, колене ми изнемогают, а рuce ми оцепеневают». Подобное изображение отчаяния встречается в переводном Хронографе применительно к Валтасару. Рыдали и москвичи, многие неопытные («небывальцы») задумали бежать, а не вспомнили, как друг другу говорили мученики: «братье, потерпим мало — яра зима, но сладок рай, страшен мечь, но сладко венчание». Наконец, небо послало свою помощь: «Видеша бо вернии (верующие), яко в девятом часу бьющеся ангели помогаху христианом и святых мученик полк (Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, Бориса и Глеба), в них же бе воевода вышнего полка, архистратиг Михаил». «Видеша погании Половцы тресолнечный полк и пламенные их стрелы, яже идуть на них, безбожнии же Татарове от страха божия и от оружия христианского падаху».

Вмешательство небесной силы в решение боя восходит и к античной и к библейской традиции и не раз использовано средневековой литературой и в Византии и в Западной Европе. Русская летопись знала этот мотив с XI века.

Ужаснувшийся Мамай говорит своим: «братье Измаиловичи, беззаконнии Агаряне (автор не учул неуместности такого прозвища, что бывает и в фольклоре), побегите неготовыми дорогами». Итак, все они побежали, «гоними гневом божиим». Это тоже библейская форму-

да, усвоенная средневековьем. Идет перечисление убитых князей и вельмож, в основе по Синодику. У самого великого князя Дмитрия доспех оказался бит и язвен, «но на телеси его не бяше язвы никоея же». То же самое говорится о Тверском князе Михаиле Ярославиче, что указывает на заимствование Московской летописью из Тверской. Дмитрий уцелел, несмотря на то, что бился на первом соступе наперед, когда татары окружили его «аки вода многа обаполы». Автор повести здесь рассуждает подобно своим предшественникам-летописцам, что нашествие иноплемеников бывает «грех ради наших» и т. п. Узнав о победе русских, Ягайло, опоздавший к бою всего на день, тотчас бежал с своею Литвою, «ныкым же гоним: не видеша бо тогда князя великого, ни рати его, ни оружия его, токмо имени его Литва бояхуся и трепетаху». (Боязнь имени — летописный шаблон). Князь же великий Дмитрий с братом своим Владимиром, ставши в ту ночь «на поганных обедницах, на костех Татарских, утер поту своего (обычное выражение летописи) и отдохнув от труда своего, велико благодарение принес богу» (следует молитва), похвалил дружину и возвратился в Москву с добычею (стада коней, верблюдов и волов, доспехи, порты и обоз). Хотел было он послать на Олега рать, но тот бежал из своей отчины. Дмитрий сажает там своих наместников. Повесть заключается рассказом о судьбе бежавшего Мамай: сведения о чем заимствованы, повидимому, из югославянских источников.

Несомненным достоинством повести являются выдержанность патриотического тона, сжатость и компактность. Она вполне выявляла значение события и, включаемая в летопись, не подавляла другие исторические повести. Поэтому повесть повторена многими летописными и разносоставными сборниками, но, конечно, не без вариации. Сохранились тексты, в которых она подверглась фольклорной стилизации, причем татарин Мамай получил черты былинного «идолища поганого». Но, с другой стороны, «летописная» повесть, вероятно, не удовлетворяла многих шаблонностью своего изложения, и появились на тот же сюжет повести иного характера. Впрочем, и для них схема «летописной» повести послужила точкой отправления.

Так, в первой половине XV века в подражание «Слогу о полку Игореве» и на основе его стилистики создавалась «Задонщина великого князя Дмитрия Ивановича и

брата его Владимира Андреевича» — «писание Софония старца Рязанца». Если действительно автором был рязанец, то работал он явно в интересах Москвы. Недостаточно ясно, почему в XV веке решили воскресить стиль XII века. Правда, в литературе XII века стиль воинской повести был доведен до совершенства, соответственно буйной воинственности бродячего, дружинного, полуязыческого феодализма. Но и быт и понятия, обусловившие своеобразную красоту «Слова о полку Игореве», были совершенно не похожи на обстановку Владимирско-Московской Руси с ее оседлым, хозяйственным самовластием и официальной богомольностью, наконец, с ее природой, отличной от степи. Но какова бы ни была причина этой литературной архаизации, автор «Задонщины» производил ее с выбором, стараясь не касаться в источнике своего подражания всего, что не подходило к его времени. Современные князья у него согласны и послушны, притом безыменны; бьются они потому, что татары «взятину» у них отнимают; дружина почти не упоминается, есть лишь воеводы да бояре. Лозунг, за что идут — «земля Русская и вера христианская», «Русь православная». Но, несмотря на препарирование данных «Слова о полку Игореве», многое осталось неизменным или недостаточно пригнанным к эпохе и к новой территории. Некоторые удачные применения и изменения образов «Слова» свидетельствуют о самостоятельном творчестве автора «Задонщины».

Заслуживает внимания стремление автора «Задонщины» подчеркнуть цельность и непрерывность жизни Русского государства, несмотря на смещение его территорий, а также подтвердить генеалогическое преемство представителей династии от Рюрика до Дмитрия Московского. Здесь мы видим одно из первых проявлений идеи, которая расцвела в половине XVI века в «Степенной книге».

«Задонщина» могла удовлетворять как собрание стилистических красот и мотивов, но фактического содержания в ней почти никакого не было. Поэтому потребовалась такая повесть, которая была бы насыщена событиями и притом в большей степени, чем даже «летописная». В Москве уже намечалась летопись с особо развернутым повествованием, украшенно изображавшим русскую историю. И вот для нее то и создавалась третья повесть о Мамаевом побоище, так называемое «Сказание». Сверх данных «летописной» повести фактический

материал был наполнен здесь и воспоминаниями и даже официальными справками. Повидимому, кое-что «Сказанием» было заимствовано из «Задонщины», некоторые поэтические образы которой приняли здесь значение фактов. Так в XV же веке позднее всех произведений о Мамаевом побоище получился весьма развернутый рассказ, насыщенный историческими реалиями и обработанный стилистически при помощи русских и переводных произведений.

Повествование в «Сказании» значительно оцерковлено прежде всего усилением роли митрополита, в лице тогдашнего митрополита Киприана, и введением нового персонажа — предсказателя и чудотворца Радонежского игумена Сергия. Оба они руководят «политической моралью» Дмитрия Донского в монашеско-библейском стиле, а Сергей даже отпускает в помощь Дмитрию в бой монахов-богатырей... Оцерковление сказалось и в самом заглавии повести, приписавшем победу над «нечестивою» силою «гордого» Мамаю помощи со стороны древней владимирской иконы богородицы, Петра митрополита и Сергия Радонежского. Икона богородицы, некогда увезенная из Киева во Владимир Андреем Боголюбским и попавшая затем в Москву, и Петр митрополит всея Руси, умерший в Москве (в 1326 году) и здесь похороненный, получили значение патрональных святых, утверждавших политическое первенство Москвы среди других феодальных областей. Поэтому Дмитрий Донской представляется часто «припадающим» к этой иконе и к гробу Петра. Небесная помощь — обычный в средневековые мотивы войн с «неверными» — выражена в «Сказании» двумя ночными видениями накануне Куликовской битвы: сначала некий русский воин видел «на воздухе» двух вооруженных светлых юношей, избивающих полк, пришедший с востока (очевидно, Борис и Глеб); затем два воина видели Петра митрополита, прогоняющего множество эфиопов своим золотым жезлом.

По сравнению с «летописной» повестью «Сказание» добавило несколько эпизодов, ожививших перечень событий и сообщивших им поэтический колорит. Автор углубил противопоставление русских и их насильников, доведя до наивысшей степени гордость и зверство Мамаю и смиренномудрие Дмитрия. Драматизмом насыщено настойчивое напоминание читателю, что русская победа будет достигнута ценою тяжких потерь. Это выражено и в предсказании Троицкого игумена Сергия при посе-

щении его монастыря великим князем перед самым походом, и в предвестиях природы накануне боя, и в гибели богатыря-монаха Пересвета в поединке с Темирмурзой в начале боя. Особенно рельефно «возношение» Мамаю выступает в грамотах («книги») Мамаю Олегу и Ягайлу. На предложение ими союза и помощи за предоставление каждому из них по половине Русской земли, Мамай ответил, что согласен жаловать их, своих присяжников и улусников, улусом своим — Русской землею. «Мне убо ваше посobie не нужно, но аще бы аз хотел своею силою древний Иерусалим пленити, якоже Навходоносор, царь Вавилонский, и Антиох, царь Антиохийский, и Тит, царь Римский, но обиды ради ващя и честь вам воздаваю моим величеством, жалуя вас, моих улусников, и от насильства и от обиды избавлю и скорбь вашу утолю». По мнению Мамаю, Московский князь Дмитрий обратится в бегство, устрешенный «точию именем» его величества. «А еже пленити и победити, самому мне, великому царю, не пристойт; мне бо достоит своим царским величеством и крепкими удалыми богатыри не сего победити: той бо (т. е. Дмитрий) есть мой улусник и служебник, и довлеет тому точию страх мой. Но подобает мне победити подобна себе некоего великого и сильного и славного царя, якоже царь Александр Македонский победи Дария, царя Перского, и Пора, царя Индейского». Из приведенной цитаты видно, что составитель «Сказания» пользовался «Иудейской войной» Иосифа Флавия и «Александрией», находившимися в Хронографе.

Из переводной же хронографии, повидимому, заимствован эпизод о переодевании великого князя Дмитрия. Когда оба войска спустились на Куликово поле, Дмитрий ободрил своих воинов речью. «Утвердив же их, князь великий прииде под свое знамя черное и сседе с коня своего. И совлече с себя приволоку свою царскую и призва любимого своего, его же любяше паче всех, Михаила Андреевича Бренка, и тому vele всести на конь его, и приволоку свою царскую возложи на него и всею утварью царскую украси его и то свое великое знамя черное повеле рынде своему над Михаилом Андреевичем возити». В битве Бренк погиб. Подобное переодевание совершил византийский император Константин в морской битве с сарацинами. Этим рассказом хроники Амартола и мог воспользоваться автор «Сказания».

Особенного внимания заслуживает эпизод о знаменях и приметах перед побоищем. Когда русское войско перешло Дон, разрушив за собою мосты, «тогда же по вся нощи волцы выюще страшно и вороны и орли по вся нощи и дни грающе и клекчуще, ждуще грозного и богом изволенного дни кровопролитного... Тогда убо от такового страха богатырские сердца удалых человек начаша укреплятися и мужествовать, слабых же и худых страшитися и унывати, видяще предо очима смерть. И приспе ношь праздничная... рождества богородицы; осень же бе тогда долга и дни солнечни и светли сияюще и теплота велия. Бысть же со князи Литовскими (т. е. с двумя союзниками Дмитрия) воевода нарочит и полководец изящен, именем Димитрий Боброк (или Боброков), родом земли Волынские, его же знаяху вси и бояхуся мужества его ради. Сей прииде к великому князю, глаголя сие: егда глубоци нощи аще хощеши, покажу ти приметы, аще что случится напоследок, прежде увеси. Князь великий же не повеле ему никому же сего повелати. И егда заря угасе и глубоци нощи суще, и Димитрий Боброк Волынец всед на конь и поим с собою великого князя, и выехаша на поле Куликово. И сташа среди обоих полков и обратишася на полк Татарский — и слышавше клич и стук великий, аки торжища снимаются и аки грады зиждуются и яко трубы гласят, и сзади их волцы выюще страшно велми; по десней же стране бысть во птицах трепет велий, кличуще и крылами биюще, и враны грающе и орлы клекчуще по рече Непрядве. И бысть страх велий, яко и птицам бысть битва и драние велие, проявляюще кровопролитие и смерть многим. И глагола Волынец великому князю: что слышал еси? Он же рече: страх и грозу велию слышах. Глагола ему Димитрий Боброк Волынец: обратися, княже, на полк русский. Он же обратися и бысть тихость велия. Глагола ему Димитрий Волынец: что, господине княже, слышали есте? Глагола князь великий: Ничтоже точию видехом от множества огней снимаются зори». Боброк объяснил, что для великого князя «добры сии приметы», и испытал еще другую. Он сошел с коня, приник надолго правым ухом к земле, встал и опять приник. На вопрос князя, что он узнал, Боброк ответил не сразу и заплакал... «Господине княже, повем ти единому, но ты не повеждь никому же сии две повести, едина тебе на велию радость, а другая на велию скорбь. Припадах убо ухом на землю и слышах землю плачущу

надвое горько зело и страшно: едина убо страна аки некая жена напрасно плачущи, терзающи и кричащи татарским гласом о чадах своих, бьющися и слезы проливающи, аки реки; а другая страна земли, аки некая девица плачущи и воплющи, аки свирельным плачевным гласом в скорби и в печали велици... Уповай на милость божию, яко одолети имаши над Татарами, а воинства твоего христианского падет острием меча многое множество».

Искать в природной обстановке приметы перед боем и наблюдать их издавна свойственно воинским повестям. Припомним рассказ «Повести временных лет», как союзный с русскими половецкий хан Боняк выехал для этого в степь и завыл по-волчьи, «и отвыся ему волк», что было истолковано в благоприятном смысле. Затем есть еще рассказ, как над Русским войском стая орлов играла в воздухе, что тоже свидетельствовало об удаче похода. Наконец, «полк Игорев» сопровождался знаменьями от зверей и птиц, образы которых были использованы «Задонщиной», откуда затем перешли в «Сказание».

Сверх этого «Сказание», возможно, заимствовало кое-что из Хронографа. Ощущается также связь с русской устной поэзией, именно — в плаче земли.

После окончания боя изображены поиски пропавшего великого князя — эпизод, не имеющий себе параллелей в воинских повестях. Возвратившийся из погони за татарами, Владимир Андреевич «нача... искати брата своего великого князя Дмитрия Ивановича и не обрете его, и бияшеся главою своею и терзаше себя от многия печали, и повеле трубити собранными трубами». Сошедшиеся воины говорили о великом князе разное: одни — «мы видехом его язвена зело, еда (когда) в трупе мертвых будет»; другой кто-то видел его крепко бьющимся с четырьмя татарами. «Глагола князь Стефан Новосильский: аз видех его пеша, с побоища едва идуща, язвен бо бысть вельми зело, и не могох помощи ему понеже сам гоним бех тремя Татарами». По слезной просьбе Владимира Андреевича все рассыпались на поиски. Одни нашли убитого Бренка в приволоке великого князя, другие за Дмитрия приняли князя Белозерского. «понеже приличен ему беаше». Два же простых воина, Федор Зов (Морозов) и Федор Холопов «уклонишася на десную сторону, к дубраве... и наехаша великого князя бита вельми, едва точию дышуща, под новосеченым древом, под ветвми

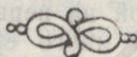

лежаще, аки мертв». Уведомленный об этом Владимир Андреевич поскакал с войском к великому князю «и пришед над него, рече ему: «о брате мой милый, великий князь Дмитрие Иванович, древний еси Ярослав, новый еси Александр, но прежде всех слава Господу богу... яко невидимою божиею помощию побежени быша Измаильтiane и на нас милость божия возсия». Князь великий же Дмитрий Иванович едва рече: «кто глаголет сие и что сии глаголи суть»? Глагола к нему князь Володимир Андреевич: «аз есмь брат твой князь Владимир Андреевич главоляй тебе таковая». И едва вставиша его, и бысть доспех его весь избит и язвен зело, на телеси же его нигде же смертныя раны не обретеса, а прежде всех стал на бой на первом сступе и в лице с Татари много бился. И много ему глаголаша князя и воеводы его: «господине княже, не ставися напред битися, но ставися назади, или на криле, или инде где на опришном месте». Он же отвещае им, глаголя: «да како аз възглаголю кому что: подвигаемся, братиa крепко на враты, а сам стоя назади и лице свое крых; не могу аз сие сотворити, еже таити и скрывать себя, но хочу якоже словом, такоже и делом прежде всех сам начати и прежде всех главу свою положить... за все православное христианство, да и прочии, видевше мое дрзновение и тии тако же да сотворят со многым усердием». Да яко же рече, тако и сотвори, прежде всех нача битися с Татари; да одесную его и ошую его оступиша Татарове, аки вода, и много по главе его и по плещам его и по утробе его бьюще, и колюще, и секуще, но от всех сих господь... соблюде его от смерти: утружден же бысть и утомлен от великого буания Татарьского толико, яко близъ смерти. Беаше же сам крепок зело и мужествен, и телом велик и широк, и плечист и чреват велми, и тяжек, собою зело, брадою же и власы черн, взором же дивен зело. И уразуме, яко ведаша ему радость мелию, и окрепився рече: «сей день иже сотвори господь, возрадуемся и возвеселишися вонь». И всадиша его на конь и вострубиша на костех с радостию велиею».

Четвертый рассказ о победе над Мамаем находится в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивансвича, царя Русского». Это — биография, составленная преимущественно в стиле церковной похвалы. Мамаев побоище является здесь лишь эпизодом, отразившим в основе «летописную» повесть. Самый бой

«в Татарских полях, на Дону на реце» изображен в такой картине: «и соступишася, аки силнии тучи, блеснуша оружия, аки молния в день дождя, ратнии сечахуся, за руки емлюще, и по удолиим кровь течаху, и Дон река потече кровию смесився; главы же Татарския аки камене валяхуся, и трупии поганных аки дубрава посечена».

Оставляя в стороне церковную реторику начитанного автора, отметим влияние на «Слово» русской устной поэзии, сказавшееся в причитании великой княгини Евдокии над умершим Дмитрием.

ГЛАВА VI

ПОВЕСТИ О ТАТАРСКИХ НАШЕСТВИЯХ НА МОСКВУ

В течение трех-четырех десятков лет, следовавших за нашествием Мамай, в Монгольской империи разворачивались события, сложившиеся в своего рода «исторический роман». Главными героями этого романа были Тохтамыш, Темир-Аксак и Едигей, биографии которых были тесно связаны между собой. О сюжетной цельности событий с этими героями свидетельствует, например, казахская былина «Едиге-батыр».

Судя по данным персидских летописей, канва, по которой группируются события названного периода, состоит в следующем. В 70-х годах XIV века Золотую Орду возглавлял Урус-хан. Когда в задуманный им поход на восток не явился правитель Мангышлака (полуостров на Каспийском море), хан его казнил. Это был отец Тохтамыша. После нескольких неудачных попыток Тохтамыш бежал в 1377 году из Золотой Орды в Самарканд к великому хану Тимуру (Темир-Аксак, Тамерлан). Тимур дал Тохтамышу удел в теперешнем южном Казахстане, помогал ему в войне с сыновьями Урус-хана, спас Тохтамыша от поражения, отказал Урусу в его выдаче, сам ходил завоевывать область Уруса, пожаловал ее Тохтамышу и в 1377—1378 году посадил его на престол «Дешт-и-Кипчака и Джучиева улуса».

Во время этой войны сторону Тохтамыша держал сын главного эмира Золотой Орды — Идигу (Едигей), судя потому, что он также бежал из Золотой Орды к Тимуру и донес ему о выступлении Уруса против Тохтамыша. Когда же плененный отец Идигу с ненавистью отверг предложение Тохтамыша служить ему и потребовал себе

смерти, тот убил его. Свыше пяти лет Тохтамыш правил счастливо своим ханством при поддержке Тимура, но возобладала партия из племени мангутов и восстановила Тохтамыша против Тимура. Тохтамыш стал нападать на области Тимура и вызвал против себя его походы на Кавказ в 1384—1387 годах, в район Сыр-Дарьи и на Дешт-и-Кипчак в 1390—1391 году. Побеждая наступавшие войска Тохтамыша, Тимур сначала не лишал его своего расположения. Но затем, когда Тохтамыш, прислав Тимуру извинения, в действительности не прекратил военные действия, Тимур не остановил этого первого своего похода на Дешт-и-Кипчак, отыскал у Волги войска Тохтамыша и разбил его в великой битве около реки Черемшана. Есть известие, что Тохтамыш бежал в Литву и привел оттуда войска против нового хана Золотой Орды. После многих боев на Волге Тохтамыш бежал «и большая часть войска Урусов была убита руками Узбеков». В 1394 году Тимур предпринял через северный Кавказ второй поход на Дешт-и-Кипчак против Тохтамыша, хотя и обменивался с ним дружескими речами. Разбив дважды Тохтамыша при Тереке, Тимур погнался за ним на Волгу, и тот едва спасся в леса. Гонясь за другими войсками Тохтамыша, Тимур опустошил области у Днепра и Дона, овладел Сараем, разграбил город русских «Карасу» и, направившись к Москве, разграбил «все те области».

Когда... указ Тимура стал действовать во владениях Дешт-и-Кипчака и все те области от Сарая до Азака и Крыма и границ Франков подчинились, когда такая обширная страна очистилась от противников и послушников, Тимур под победной звездой вернулся в местопребывание славы и престола государства, то-есть в Самарканд (в 1396—1397 году). В 1405 году Тимур принимал в Самарканде двух послов: от эмира Идигу из Золотой Орды с изъявлением покорности и от Тохтамыша, который растерянно скитался по степям и теперь заявлял о своем раскаянии и просил Тимура о милости и прощении. Тимур обласкал посланного Тохтамыша и обещал: «после этого похода я с божьей помощью опять покорю улус Джучиев и передам ему (Тохтамышу)». Но скоро Тимур умер, а вслед затем умер и Тохтамыш «в окрестностях земли русских» (в 1405 году). Комментатор былины об Идиру (Едиге) сообщает, что Едиге убил Тохтамыша в 1406 году.

В первом походе на Дешт-и-Кипчак Тимур назначил

проводниками своих войск Идигу и еще двух золотоордынцев, которые все были старинными врагами Тохтамыша и искали убежища у Тимура. Они даже обещали переселиться со своими людьми во владения великого хана, но остались в Золотой Орде и устроились там во главе правления. Начиная с 1390-х годов золотоордынский престол заняла новая ханская династия, у представителей которой Идигу был около четверти столетия бессменным главным эмиром. Именно Идигу сажал большинство их на престол, вел с ними усобицы и даже смешал и выгонял. Наравне с ханами посылал он послов к Тимуру и его преемнику Шахруху с извинениями за независимые действия и с обещаниями покорности. Но из-за соперничества с ханом Тимур-султаном Идигу пришлось бежать в 1411—1412 году в Хорезм, подчиненный им лет шесть назад. Но и в Хорезме его не оставили в покое: то его осаждал Тимур-султан, то сменивший этого хана сын Тохтамыша Джелал-ад-дин султан, то, наконец, сам хакан Шахрух. Потеряв Хорезм, с 1413 года Идигу, повидимому, жил опять в Золотой Орде. По некоему сообщению комментатора былины об Едиге, он был убит в 1419 году сыном Тохтамыша, Кадыр-берди.

Об Едиге, Тохтамыше и Тимуре поется в Казахстане былина, в которой так преломлены их действительные взаимоотношения. Происхождение Едиге окружено чудесами. Он внук и сын святых, его золоотоволосая мать — пери. Когда ее муж трижды нарушил запрет подглядывать за ней, она улетела. По указанию пери муж ее нашел сына в степи у реки Нила, назвал его Едиге и принес во владения Тохтамыш-хана. Выучившись в школе у муллы, восьмилетний Едиге однажды, поборов своих товарищей, сложил их одежды кучей и сел на них со словами: «вот я сел на трон Тохтамыш-хана». Став пастухом, Едиге много раз разрешал запуганные тяжбы прохожих (в роде судов Соломона). Тохтамыш заинтересовался мудрым отроком, вызвал его к себе, роскошно его одел, дал ему коня и сокола и поручил ему решать трудные дела, поступавшие из Крыма, и отбивать неприятельские набеги из степи. Едиге все это выполнял хорошо, и Тохтамышу легко было управлять ханством. Но вот жена Тохтамыша стала предостерегать его против Едиге, говоря, что «предназначение» Едиге выше «предназначения» самого хана, что и подтвердилось рядом признаков. Решено было опоить и убить Едиге. Это решение под-

слушал мальчик, друг Едиге, и подготовил ему бегство. Бежав с ханского пира мимо засады, Едиге остановил своего князя лишь между Яиком и Волгой. Ногайлинский народ Тохтамыша пришел в смятение, смутился и хан. Он вызвал к себе для совета девять своих батырей, но они ничего не сумели придумать; лишь один древний певец, перевидавший чуть ли не всех ногайлинских ханов, предсказал, что, если разгневанный Едиге доберется до Сатемир-хана (то-есть Тимура) и тот ему даст войско, он разгромит Тохтамыша. Поэтому надо догнать его, пока он не переправился через Волгу, хитростью овладеть им и убить. Посланные 9 батырей не уговорили Едиге вернуться, он отверг милости и дары Тохтамыша и пригрозил завоевать его ханство. Набрав по дороге себе 17 товарищей, Едиге доехал с ними до шатров дева Кабантина, который похитил дочь Сатемир-хана. Поступив к Кабантину в услужение, Едиге тайно снабжал пищей своих товарищей, голодавших в степи, с помощью дочери Сатемира убил дева и увез со своей дружиной девушку к отцу. Сатемир выдал ее замуж за Едиге, от которого она родила сына Нуралина. Достигши 12 лет, Нуралин случайно узнал об обиде, нанесенной Тохтамышем Едиге, выпросил у Сатемира войско и вместе с Едиге отправился в поход на Тохтамыша. Когда они неожиданно подошли к владениям последнего, Тохтамыш велел своему народу выйти к ним навстречу с покорностью, а сам трогательно простился с народом и родной и скрылся среди далеких степных озер. Едиге стал ханом в стране Тохтамыша, женился на его дочери, а другую его дочь предназначил в жены Нуралину. Отпущенная Нуралина искать Тохтамыша, Едиге запретил сыну убивать его, если тот поведет себя в поединке мужественно. Нуралин нашел непробиваемый панцырь Тохтамыша, потерянный им в бегстве, и, вооружившись им, убил в поединке храброго Тохтамыша. Вернувшись домой, Нуралин узнал, что Едиге взял и его невесту себе в жены. За это он искалечил отца, переселился от него и лишь потом примирился. В это время сын Тохтамыша Кадырберди-султан выросил себе богатырского коня, прыскал на нем в столицу Едиге, схватил во дворце Едиге и, сев ему на грудь, трижды перепрыгнул через его голову. От этого позора и Едиге и Нуралин умерли, а воцарился Кадырберди-султан.

Канва событий монгольской истории за 30—40 лет XIV и XV веков, представлявшая в персидских летопис-

ся некий цельный сюжет с тесно связанными между собою героями Тохтамышем, Тимуром и Едиге, потеряла в русских летописях свое сюжетное единство. Правда, здесь сообщены в общем те же монгольские события, но они рассеяны среди массы русских событий, освещены и дополнены с русской точки зрения. Центр всей композиции переместился.

Относящийся сюда отдел русских летописей начинается сообщением об овладении Тохтамышем Мамаева улуса. Бежав после поражения на Дону «в свою землю», Мамай задумал снова напасть на Дмитрия Ивановича. «И се прииде ему весть, что идет на него некий царь с востока, именем Тохтамыш, из Синие Орды». Это значит, случилось, когда Тимур только что посадил Тохтамыша на престол «Дешт-и-Кипчака и Джучиева улуса» и этот новый хан двинулся овладеть пожалованной ему областью. На Калках «царь Тохтамышь победи Мамайа и прогна его». Монгольские «князи» изменили Мамаю и перешли к Тохтамышу. Мамай затем был убит в т. Кафе. «царь же Тохтамышь взя Орду Мамаеву», и, сев на «царстве Волжском», известил о том русских князей. Послы русских князей отвезли Тохтамышу «дары и поминки» и вернулись от него «с пожалованием и великою честью». «И бысть на Руси радость велия, но печали еще не оставаша от избиенных от Мамайа на Дону князей и бояр, и воевод, и слуг, и многого воинства христианского; оскуде бо отнюд вся земля Русская воеводами и слугами, и всеми воинствы, и о сем велий страх бысть на всей земле Русстей». Но в поведении Дмитрия Ивановича Московского Тохтамыш скоро усмотрел какую-то «неправду» и решил его «поустрашить», как заявлял впоследствии об этом сам. И вот, в 1382 году и случилось «прихождение Тохтамышево на Москву», о чем сохранилась в летописях обширная повесть. Предприятие это удалось Тохтамышу главным образом благодаря соперничеству с Московским князем Рязанского и Нижегородского князей и оскудению воинства от Мамаева побоища. Не видя возможности противопоставить Тохтамышу достаточно сил, Дмитрий Иванович ушел в Кострому. Тохтамыш же перешел Оку, броды на которой указал ему Олег Рязанский, взял Серпухов и оттуда пошел к Москве «воюючи». В Москве поднялся мятеж «велик»: «овии бежати хотяху, а инии в граде седети хотяху. И бывше межи их распре велице, и возсташа зтии челове-

ци друг на друга и сотвориша разбои и грабежь велий». Часть жителей Москвы, по преимуществу богатые, хотели бежать из города. Другие не пускали их, убивали, отнимали «имение» и «богатство». «Преобидели» даже самую великую княгиню Евдокию, хотевшую выехать из Москвы. Утихомирил всех, организовав оборону и «укрепив град», некий князь Остей.

«Тахтамыш же царь прииде к Москве августа в 23 день, в понедельник в полъобеда. И узреша их со града и въструбиша гражане; они же пришед на поле градное и сташа в поле за два или за три стрелища от града. И потом не в мнозе приехаша ко граду и вопрошиша...: есть ли князь Дмитрей во граде? Они же отвещаша им со града, глаголюще: несть его во граде». Татары объехали вокруг города. Тут было все чисто, так как граждане пожгли свои посады». «Князь же Остей со множеством народа, оставшемся во граде, елико снидошася от всех стран во град, укрепляхуся и подвизахуся противу Татар на бой. И изношаху ис погребов меды господския и упизахуся до пиана и шетающесе пьяни, глаголюще: не устрашимся нахождения Татарскаго, имеем бо град камень тверд и врата железа, и не терпят Татарове стояти под градом нашим долго, понеже имеют сугуб страх: изнутри града от нас боятся, а отъвне града от князей наших устремления на них боятся; и се и сами тии Татарове вскоре убоятся и побегат в поле, в своя си. И тако начаша упиватися гражане и ругатися некими образы безстудными, досажаяще Татаром, и возлезше на град ругахуся Татаром, плююще и укоряюще их; и срамныя своя уды обнажаяще, показываху им на обе страны; и царя их лающе и укоряюще, и възгри и слины емлюще, метаху на них, глаголюще: взимайте сия и отнесите ко царю вашему и ко князем вашим! Татарове же прямо к ним на град голыми саблями своими махаяще, аки сецаху, показующе им издаличе». Татары отступили, а на другое утро пришел сам царь «со всею силою». Татары окружили город, но не стреляли. «Гражане пустиша на них по стреле; они же начаша саблями махати на них, аки сещи хотяще. Гражане же наипаче пушаху на них стрелы и камене метаху, и самострелы, и тюфяки; Татарове же възъяришася и начаша стреляти на град со все страны. И идяху стрелы их на град, аки дождь силен и умножен зело, не дающе ни прозрети, понеже и воздух омрачиша стрелами; и мнози гражане во граде и на забралех падахуся мрътви, одоляху бо Та-

тарьскиа стрелы паче, неже градскиа. Бе же приступ их ко граду яр зело; и овии от них стояще стреляху, а друзии скоро рищуше семо и овамо, тако изучени быша, и стреляху без погреха; а инии на конех борзо велми гоняюще, и на обе руке и паки напреди и назад скорополучно стреляху без погреха. А друзии от них, сотворше лествицы и присланяюще, лезяху на стену; гражане же воду в котлех варяще, ляху на них вар и тако возбраняху им. Отшедшим же сим Татаром, яко утомившимся, и паки инем приступившим, сверепейшим и лютейшим, гражане уже противу их подвизахуся, стреляху и каменнем шибяюще, и самострелы напязяюще, и пороки, и тюфяки; есть же неции и самыа тыа пушки пушаху на них».

В повести рассказывается о подвиге некоего «гражанина», московского ремесленника, суконника Адама, который «с Фроловських ворот (теперь Спасских) пусти стрелу из самострела и уби некоего от князей Ордыньских сына, нарочита и славна суца, и велику печаль сотвори Тохтамышу царю и всем князем его».

Взять Москву Тохтамышу удалось только хитростью: «лукавыми словесы и лживым миром». Ордынские князья и два Суздальских князя, братья жены Дмитрия Московского, подъехав к стенам, говорили гражанам: «царь вас, своих людей и своего улуса, хочет жаловати, по неже неповинни есте; не на вас бо прииде царь, но на князя Дмитрея, вы же достойни есте милости: и ничто же требует от вас царь, точию сретите его с честью, со князем вашим, с лехкими дары; хочет бо сей град видети и в нем быти, а вам всем даст мир и любовь»... Москвичи поверили, отворили ворота и вышли навстречу с крестами и дарами. «Татарове же прежде убиша князя Остея тайно, вземше его в полк свой, и потом приидоша ко вратом града и начаша вся без милости сещи... и во град внидоша, и овех изсекоша, а других плениша, и церкви разграбиша и книг множество отсюду снесено в осаду пожгоша и имение и казны княжескиа взяша. Взят же бысть град месяца августа в 26 день, в 8 час дни». Тохтамыш распустил свои войска брать другие города, а затем, боясь прихода войск Московского князя, пошел во-свояси.

Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву некоторыми деталями сходствует с русской былиной о «Васильи-Пьянице». В былине этой рассказывается, как напал на Киев Батыга во время отсутствия богатырей и как

город защитил пропившийся Василий Игнатьевич, который застрелил со стены города трех лучших воинов, сына и зятя Батыги и думного дьяка, и обманул Батыгу притворной изменой, разбив его при помощи его же войск.

По мнению исследователей на создание этой былины оказали влияние два события: поход Батыя на Киев в 1240 году и поход Тохтамыша в 1382 году на Москву, во время которого некий из москвичей застрелил со стены ханского именитого воина. Прототипом образа былинного героя Василия, по мнению исследователей, послужило историческое лицо — князь Василий Константинович, взятый в плен Батыем в 1237 году; тщетно склоняемый Батыем к измене, князь был убит. Впоследствии образ князя Василия был заменен скоморохами образом Василья-пьяницы.

Начинается былина запевом о турах златорогих, видевших на стенах Киева богородицу, оплакивавшую погибель города. Далее (по варианту Рыбникова № 194) идет нашествие Батыя на Киев:

«Подымается Батыга, сын Сергеевич,
И с сыном Батыгом Батыговичем,
И с зятем Тараканником и с Караниковым
И с думным дьяком вором-выдумщиком».

Батыга пишет князю Владимиру дерзкое письмо с требованием или выставить поединщика или прямо сдать Киев. «Закручинился князь, запечалился... богатырев-то во граде не случилось:

«Илья Муромец уехал на желтые на пески,
А Добрыня Никитович на воргановых горах,
А Самсон был богатырь — тот в дальних городах
А Олена Попович за синим морем гулял,
Никакого богатыря не пригодилось»...

(В варианте Гуляева вместо этого именного перечисления — не пригодилось «ни князей, ни бояр, ни богатырей»). Голти кабацкие сообщили Владимиру князю:

«У нас есть-то Василий, сын Игнатьевич,
И может с Батыгой поправиться,
И прощил Васильюшко житье-бытье,
Все житье-бытье, богатство,
Теперь не с чем Василью опохмелиться,
И лежит ныне Василий в кабаке на печи».

По варианту Рыбникова № 194, Владимир князь сам идет за Васильем, а по варианту Гуляева посылает вер-

ных слуг. Приводим вариант Рыбникова, как более полный и сохранный. Сойдя с печки, Василий говорит князю:

«Солнышко наше, Владимир князь,
Ты же знаешь кручины моей великие.
У тебя есть кручина великая,
А у меня горе-печаль еще больше твоей:
Что трещит-то болит у меня буйная голова
И дрожит у меня жилище подколенное,
Теперь нечем мне, Василию, опохмелиться.
Опохмель на меня чарою опохмельною.
Тогда я с Батыгой поправлюся».
И Владимир-князь столен-киевский
Наливает ему чарку зелена вина,
Зеленого вина полтора ведра.
Другую наливает пива пьяного,
Третью рюму меду сладкого.
И составили питье в одно место.
Становилось питье полпята ведра.
И принимает Василий единой рукой.
И выпивает Василий за единый здох,
И заскочил-то Василий на стену городовую,
И натягивает Василий свой тугой лук,
И накладывает Василий калену стрелу,
И стреляет Василий ко Батыге в шатер:
И убил три головки, кок лучшенькие,
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканника Каранникова
И убил думного дьяка вора-выдумщика.
И пишет Батыга князю со угрозою:
«Ты старый пес, ты Владимир-князь,
Ты подай-ко мне из Киева виноватого.
У меня кто убил ровно три головы».
И тот ли Василий, сын Игнатьевич,
Садился на жеребчика неезженного,
И приезжает Василий ко Батыге на лицо,
И прощается Василий во первой большой вине:
«Прости меня, Батыга, во первой большой вине:
Я убил три головки, кок лучшенькие,
Опохмель-ко меня чарою похмельною.
Пособлю я тебе взять славен Киев-град».
На те речи Батыга понадеялся,
Наливает ему чару полтора ведра вина,
И другую наливал пива пьяного
И третью наливал меду сладкого.
И составили тут питье в одно место.
И составилось питье полпята ведра вина.
И принимается Василий единой рукой,
Выпивает Василий на единый здох.
И говорит тут Батыга таково слово:
«Ай же ты, Батыга, сын Сергеевич.
Дай-ко мне силы сорок тысячей.
Я пойду-подступлю под славен Киев-град».
На те речи Батыга обнадеялся,
Давал ему силы сорок тысячей.

И отъехал Василий прочь от Киева,
И прибил-пригубил всех до единого.
Не оставил Батыга на семена,
И уезжает Батыга прочь от Киева
С тою ли со клятвою великою:
«Не дай бог бывать боле под Киевом,
Ни мне-то бывать, ни детям моим,
Ни детям моим и ни внучатам»...

Во время второго своего похода на Дешт-и-Кипчак Тимур прогнал Тохтамыш за Волгу, затем разграбил город русских Карасу и, направившись к Москве, опустошил «все те области». В «Книге побед» Шереф-ад-Дина Иезди так рассказывается об этом: «Тимур двинулся на Москву, которая также один из городов русских. Прибыв туда, победоносное войско (его) также опустошило всю ту область, вне города, разбило и уничтожило всех эмиров тамошних»... В руки воинов попала большая добыча. Стихи: «оказалось столько драгоценностей, что им не видно было счета: и рудное золото, и чистое серебро, затмевавшее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканые ткани, наваленные горами, как горы Каф (целыми) выюками блестящие бобы; черных соболей также несметное число; горностаев столько связок, что их не перечесть; меха рыси, освещающие опочивальни, как родимое пятно ночи, улавшее на лицо дня; блестящие белки и красные, как рубины, лисицы, равно, как и жеребцы, не выдавшие (еще) подков. Кроме всего этого, еще много других сокровищ, от счета которых утомляется ум». После сообщения об ограблении еще каких-то племен и пленений их женщин и детей идет стих: «что я скажу о подобных пери русских (женщинах) — как будто розы, набитые в русский холст».

Соответствующее событие рассказано в Никоновской летописи дважды. Сначала под 1392 годом (где, однако, рассказ доходит до смерти Тимура, т. е. до 1405 года), затем, правильно, под 1395 г., где читается в двух видах. Собственно, это все одна и та же повесть, но в разных объемах. Для передачи возьмем текст под 1395 годом, находящийся в большинстве списков летописи. То, что набег Тимура не докатился до самой Москвы, и город остался невредимым, было приписано защите его богородицею, о чем свидетельствует и заглавие повести: «Повесть преславного чудеса о иконе пречистой Богородицы, еже нарицается Володимерския юже, глаголють, написал Лука Евангелист, ея же принеши от гра-

да Владимира в боголюбивый град Москву в нахождение нечестивого царя Темир-Аксака».

Повесть начинается подробным обозначением времени в торжественном стиле: «Во дни княжения великого князя Василиа Дмитриевича, внука Иванова, правнука Иванова же, праправнука Данила Московского, преправнука Александрова, пращура Ярослава Всеволодича, при началстве и пастырстве пресвященного Киприана, митрополита Киевского и всея Руси, и в 16-е лето пастырства его, в 15-е же лето царства Болшиа Орды Воложскаа царя Тахтамыша, в седмое же лето княжения великого князя Василья Дмитриевича, в 14-е лето по взятии Московском от Тахтамыша царя, бысть заматня велика в Орде: прииде некий князь Темир-Аксак с восточныа страны, от Синиа Орды от Самархийския земли, и много смущения и мятеж воздвиже в Орде и на Руси своим пришествием».

Далее сообщается биография Темир-Аксака. По словам некоторых, был он сначала кузнец, за злонравие хозяин его выгнал, тогда он стал воровать, за что ему переломили ногу. Поправившись, он «прекова себе ногу свою пребитую железом, и таковою нужею храмаше, и того ради прозван бысть Темир-Аксак; Темир бо зовется Татарским языком железо, а Аксак — хромецъ, и тако прозван бысть Темир-Аксак, иже толкуется Железный Хромецъ, яко от вещи и от дел имя приат». Затем идет постепенное его возвышение: от старейшины разбойников до князя и царя: «И многи области и княжения и царства покори под себе» (поименованы). «И поиде с тмочисленными полкы на царя Тохтамыша Большиа Орды, и бысть им в поле чисте бой на месте нарицаемом Ординским, на кочевиице царя Тахтамыша, близ реки Себенчи; и победы и прогна царя Тахтамыша. И толико бысть побито от обою на соймех тех, аки некия великия санныя валы лежаше обох избиенных... И тако превознесесе гордостию окаанный и похули христианскую веру и святыа великия чюдотворцы, наипаче же великого Петра чюдотворца, и возхоте пойти на Русь пленити христианство, яко же Батый царь, за грехи христианския Богу попустившу. Сице и сей, разгордев, мысляше, и прииде в землю Рязанскую и взя Елецъ град и князя Елецкого пойма, и люди плени, а иных избѣ. Слышав же сиа князь великий Василий Дмитриевич и собрав своя воинства многа и поиде с Москвы к Коломне, и ста у великия реки Оки на брезе. Темирю же Аксаку царю сто-

ашу в Рязанстей земле и обапол Дона реки пусто вся сотворившу и стоащу ему тамо 15 дний, и возхоте ити и на Москву и на всю Русскую землю пленити и мечю предати всех». Услышав об этом, великий князь Василий Дмитриевич сообщил в Москву митрополиту «свой помысл, еже бы от града Володимеря во град Москву пренести чудотворную икону иже нарицается Володимерскаа, ея же, глаголють, святой Лука Евангелист написал, и заповедати бы людем пост и покаяние и исповедание к Богу и отцем своим духовным». Помянув библейские примеры спасительности покаяния и божью защиту Царьграда от персого царя Хоздроя, митрополит заповедал людям пост, милостыню, покаяние, воздержание (между прочим — от «щапления», то-есть от щегольства) и молитву об избавлении от Темир-Аксака и послал во Владимир за иконою. У Москвы икону встретили все духовные во главе с митрополитом и вся знать во главе с великокняжеским дядей, Владимиром Андреевичем. Поставив икону в Успенском соборе, «идеже бе гроб Петра митрополита, великого чудотворца и заступника Русьского», пели им молебны. «И тогда показа пречистая богородица великое чудо. В который убо день принесена бысть чудотворная икона... — Темирю же Аксаку тогда стоящу в Рязанской земли обапол Дона реки, и возлеже на одре своем и усну и виде сон страшен зело, яко гору високу велмы и с горы идяху к нему святители, имущи жезлы златы в руках и претяще ему зело; и се паки внезапно виде над святители на воздухе жену в багряных ризах с множеством воинства, претяще ему люте. Он же внезапно воздрогнув и вскочив, возопи гласом велиим, трепеща и трясыйся, глаголя: о, что сие есть? Князи же его и воеводы вопрошаху его о бывшем, хотяще уведати случшееся ему. Он же ничто же можаше поведати им, точью трясашеся и стенияше; и тако едва в себе пришед, и поведати им прилучившееся ему видение и вскоре повеле всю силу свою безчисленную возвратити вспять, и устремися в бег, божим гневом и пречистой Богородицы гоним и молитвами святого чудотворца Петра, заступника Русския земли, бегом и страхом многим отиде в своя». Далее рассказывается о возвращении великого князя, о благодарственном молебне и об установлении праздника.

Начавшись историчной в общем биографией Тимура (впрочем, не без легендарности), сообщив даже такую деталь, как поражение Тохтамыша на Севенче (в 1394 го-

ду?), в дальнейшем повесть предпочла шаблонизированное изложение, почти лишенное признаков реальности. В этой части содержанием является мотив покровительства патрональной святыни, издавна входивший в шаблон воинских повестей, причем это покровительство Владимирской богородицы навсегда приурочилось к Москве, которая, таким образом, осознана как центр «всея Руси».

Среди дальнейших известий летописи о монгольских отношениях, в том отделе событий, который ограничен участием трех связанных между собою персонажей — Тохтамыша, Темир-Аксака и Едигея, — мы встречаемся с двумя воинскими повестями и с замечательными рассуждениями и даже документами, характеризующими дипломатию и практику монголов относительно северо-восточной и Литовской Руси. Под 1398 годом летописец сообщает: «того же лета в радости бывшу царю Тахтамышу Большие Орды, от съпротивных свободшуся и послы своя посылающе по всем странам, имя свое прославляюще и злато и серебро и дары многы емлющу, и Татар отсюду к себе призывающе, Орду свою наплняюще, понеже обит бысть и одолен зело от Темир-Аксака царя в мимошедшая лета, и абие внезапно прииде на него ин некий царь, именем Темир-Кутлуй и бысть им бой велик и сеча зла. И одоле царь Темир-Кутлуй царя Тахтамыша и прогна, и сяде сам на царстве Волжском Болшиха Орды, а Тахтамышь царь побежа к Литовским странам; и сослеса с Витофтом Кестутьевичем, с великим князем Литовским, и Витофт рад ему. Он же со остаточными своими из своей земли к Витофту в Киев поиде, и с царицами своими, и два сына с ним, и пребываше у Витофта в Киеве, питаяся и всю потребу свою исполняя, надеяся от него помощи и тем хотяше приобрести себе царство, его же погуби». Здесь какая-то неясность хронологии. Согласно персидским летописям, Темир-Кутлуй стал золотоордынским ханом в 1391 году, когда Тохтамыш только что был разбит Темир-Аксаком, и (по одному известию) бежал в Литву. С 1391 года по 1394 год Темир-Аксак не выступал против Тохтамыша, но в 1394—1395 году, поразив Тохтамыша несколько раз, выгнал его с Волги. Вот тогда согласно с русской летописью, Тохтамыш и мог бежать в Литву, что, значит, состоялось между 1395 и 1399 годами, то-есть пока престол Золотой Орды занимал Темир-Кутлуй. Возможно, что русский летописец, рассказывая о последнем бег-

стве Тохтамыша в Литву, слил с ним первый случай такого бегства, когда действительно Темир-Кутлуй сменил Тохтамыша на престоле Золотой Орды.

Обращаемся теперь к повестям указанного нами цикла, в которых выступает, наконец, Едигей, единомышленник Темир-Кутлуя, еще до его ханства в Золотой Орде и сотрудник, точнее соправитель этого хана. Первая из этих повестей рассказывает о столкновении Темир-Кутлуя с Витовтом из-за Тохтамыша и о поражении литовско-русских войск на Ворскле в 1399 году. Повесть эта весьма исторична, и ее приемы изложения, например, речи, не являются только риторической формой, и даже сама фразеология последних отражает реальную современность. Итак, под 1399 годом в летописи рассказывается: «Того же лета царь Темир-Кутлуй присла послы своя в великому князю Литовскому Витофту Кестутьевичу, внуку Гедиминову, глаголя сие: выдай ми царя беглаго Тахтамыша, враг бо ми есть, и не могу тръпети, слышав его жива суща и у тебе живуща; пременяет бо ся житие сие: днесь царь, а утре беглец; днесь богат, а утре нищ; днесь имеет други, а утре враги: аз же боюся и своих, не токмо чужих; царь же Тахтамышь чожь ми есть и враг зол, тем же выдай ми его, а что околс него ни есть, то тебе». Витовт на это ответил: «яз царя Тахтамыша не выдам, а со царем Темир-Кутлуем хочу ся видети сам». И поиде Витовт со своими князи и со всеми силами Литовскими, вкупе же с ним и сам царь Тахтамышь с своим двором; и бысть их сила ратна велика зело». Далее не без риторического гиперболизма — И поиде в землю Татарскую на Темир-Кутлуя с великою похвалою и гордостью сие хвалящися глаголя: «поидем пленити землю Татарскую, победим царя Темир-Кутлуя, возмем царство его и разделим богатство и имение его, и посадим во Орде на царство его царя Тахтамыша, и на Кафе, и на Озове, и на Крыму, и на Азтаракани, и на Заяицкой Орде, и на всем примории, и на Казани, и то будет все наше и царь наш, и мы не точию Литовскою землею и Польскою владети имамы и Северю, и Великим Новымгородом, и Псковом, и Немцы, но и всеми великими княжения Русскими, и со всех великих князей Русских учнем дани и оброки имати, а они нам покорятся и служат и волю нашу творят, яко же мы хотим, и повелеваем иму». Витовт дошел до реки Ворсклы, где и стал. «И се противу им царь Темир-

Кутлуй со всею силою Татарскою встречу изыде из-за реки Ворсколы, и тако сретшися с Витофтом в поле чисте, уа рече на Ворсколе, в земли Татарской, и начаша съсылатися межи собою. Глаголаше Витофту царь Темир-Кутлуй: почто еси пошел на меня? Из твоей земли не имал ни градов твоих, ни сел твоих. Глагола Витофт Кестульевич: Бог покорил мне все земли, покорися и ты мне, и буди мне сын, а яз тебе отец и давай ми на всяко лето дани и оброки; аще ли не хощеша тако, да будеши мне раб, а яз Орду твою всю мечю предам». Темир-Кутлуй испугался и послал Витовту челобитье, чтобы тст «в сыны его взял», а дани и оброки «по возможному взимал». Витовт снизошел на это, но захотел еще, чтобы «во всей Орде было на денгах Ординских знамение Витсфтово».

«Отец» в значении сюзерена встречается не раз в пределах данного времени как символ дипломатического этикета; например, в русской летописи под 1409 годом сказано про великого князя Василия Дмитриевича, что «любляше его Едигей и в сына его имаше себе»; или — в послании Тохтамыша 1391 года: «Тимур занимает по отношению ко мне место отца, и права его на меня превышают то, что можно сосчитать и объяснить».

Другой символ сюзеренитета — «знамение» на деньгах — находит себе параллель в распоряжении Тохтамышева сына, овладевшего снова золотоординским ханством. Джелаль-ад-дина, о расправе с Едигеем, бежавшим в 1411 году в Хорезм: «Если Идигу пришлет своего сына... и если он станет чеканить монету и (читать) хутбу на наше имя, то вы не воюйте с ним»...

Темир-Кутлуй испросил себе три дня, чтобы обдумать предложение Витовта о знаменнии его на ординских монетах. В это время к хану пришел князь его Едигей. «Сей убо Едигей князь велики бе во всей Орде, и мужествен, и крепок, и храбр зело, и услыша от царя своего о Витофте, и како ся покори Витофту, и рече ко царю сиде: «О царю, лутче нам смерть прияти, неже сему быти». Едигей сам послал от себя послов в стан Витовта с такой речью: «вправду еси взял волнаго нашего царя Болшиа Орды в сыны себе, понеже ты еси стар, а волный наш царь Великиа Орды Темир-Кутлуй млад есть, но подобает мне над тобою отцем быти, а тебе у меня сыном быти, и дань и оброки на всяко лето мне имати со всего твоего княжения, и во всем твоём

княжении на твоих денгах Литовских моему Ординскому знамени быти». Витовт разгневался и велел готовиться к битве, «и бяше тамо видети страшно обе силы велики снимающиеся на кровопролитие и смерть. И прежде всех поиде с своею силою князь велики Ордински Едигей и съступися с Витофтом, и обоим стреляющимся Татаром и Литве, самострелы и пищальми; но убо в поле чисте пушки и пищали недействени бываху, но аще и недействены, но убо Литва крепко боряхуся, и идяху стрелы, аки дождь силен, и тако начаша премогати Литва князя Едигея Ординского. И потом приспе царь Темир-Кутлуй с великою силою Татарскою и обыдоша их аки кругом, и подстреляша под ними кони, и надолзе зело биющимся, и бысть брань люта и сеча зла зело и паки начаша премогати Татарове. И одоле царь Темир-Кутлуй и победи Витофта и всю силу Литовскую, а Тахтамышь царь, егда виде сиа и прежде всех на бег устремися и мног народ возтръгаше, бегучи, акы и на жатве класы, и много Литовския земли пограбил. И тако Татарове взяша обоз, и гелеги кованыя, утвержденныя с чепми железными, и пушки, и пищали, и самострелы, и богатство многое и великое, златыя и серебряные сосуды поймаша. Витофт же Кестутьевич, виде то зло, на бег обратился, в мале дружине утече; а Татарове вслед их гоняюще, секуще на пятсот верст до града Киева, пролиаша кровь аки воду».

Темир-Кутлуй повоевал много окрестных городов и взял с Киева окуп «и оттоле поиде в свою землю Ординскую, а в земли Литовской бысть тогда скорбь и сетование и плачь мног, и людей оскудение велие».

С самого начала повести уже видно было нерасположение русского летописца к предприятию Витовта, выступление которого он изобразил чертами, обычными для врагов («поиде с великою похвалою и гордостию», «хвляшешся»); не пощадил он красок и для поражения. Все это понятно, если учесть постоянную политическую вражду Литовского князя к Московскому, хотя он и был связан родством с ним, как тесть с зятем.

Вторая повесть взятого нами цикла событий, посвященная нашествию Едигея 1409 года, замечательна меткой характеристикой татарской политики. Еще в 1407 году случился «мятеж велик в Орде, царя Шадибека (преемника Темир-Кутлуя) согнаша, а Булат-Салтана на царстве Ординском посадиша». В 1408 году к великому

князю Московскому отъехал ряд Литовских князей во главе с Брянским князем Свидригайлом Ольгердовичем, на корм которому Василий Дмитриевич отдал Владимир и другие города, «со всеми волостями и пошлинами, и з селы, и с хлебы земельными и с стоячими» — уточняет недовольный этим летописец. «Того же лета месяца Августа приходиша послы Татарския из Орды от царя Булат-Салтана к великому князю Василью Дмитриевичу на Москву. Того же лета князь великий Василий Дмитриевич Московский нача собирати рать, еще же и к Татарскому царю посылаше, прося помощи на Витовта, хотя его землю Литовскую воевати и пленити». Самая повесть начинается сообщением, что зимой 1409 года «Князь Ординский Едигей повелением Булат-Салтана, царя Большаго Орды, прииде ратью на Русскую землю а с ним четьре царевичи, да мнози князи Татарстии (поименовано 9). Сие же слышав, князь великий Василий Дмитриевич печален и скорбен бысть и смущашеся о любви его (ханайли Едигея?) и присвоении к нему. И несть сие дивно о Татарех мыслити, понеже изначала Измаилтяне лукав мир имеют с Русскими князи, наипаче же к великому князю Василию Дмитриевичу, лестно мирующе с ним». Обещаниями мира Татары прикрывают свое «злохитрство» — «и таковым пронырьством Руских князей друг с другом враждуют, и от любви их отлучают и особную рать меж их составляют... «Яко же сей князь Едигей Ординский вяще всех князей Ординских и все царство Ординское един дръжаше и по своей воли царя поставляше, его же хоташе, многу же любовь лукавную имаше и к великому князю Василию Дмитриевичу, и честию высокою обложи его и дары многими почиташе; и еще же надо всеми сими и сына его себе именсваше любимаго, и некая многаа обещавше ему и власть его разширити и възвысити паче всех князей Русских»... Имея тогда «брань» с тестем своим Витовтом «неких ради земских вещей, якоже обычай бе землям», Василий Дмитриевич «обида вся от тестя своего Витовта Кестутьевича великому князю Ординскому Едигею поведи подлинно, хотя от него помощь обрести, понеже любляше его Едигей и в сына его имаше себе». Но обещаясь всячески помогать великому князю Московскому, Едигей в то же время посылал Витовту сказать: «ты мне буди друг; а зятя своего князя Василья Дмитриевича Московского познавай.

яко желателен бе в чюжиа пределы вступатися и не своя восхищати, и се убо и тебе подвизается ратовати и твоя пределы возхищати; блюдися убо от него, понеже и словеса мне многа глаголаше на тебя таковаа и таковаа, и сребра и золота много посылает ко мне и ко царю, чтобы или аз сам или царя увещал со всею Ордою поити ратью на тебя и пленити и жещи землю твою, и чтобы ему засести грады твоя; сие убо он воздвизает нас на вражду к тебе, моя же любовь к тебе не угаснет никогда же, сие же вся моя словеса в себе точию имей и никому же повесть».

Обнадеженные помощью Едигея против Витовта, москвичи «возрадовашася и начаша воевати Литву, имуще рать Татарскую с собою, а Литва воеваше Москвич, и кровь многа проливашеся, а Татарове полоном и именем обогатеша. И Московьстии бояре и воеводы веселяхуся, старцы же старые сего не похвалиша, глаголюще: несть добра душа бояр наших, иже приводят на помощь себе Татар, наимающе их серебром и златом; не таковых ли ради прежде сего Киеву и Чернигову напасти и беды многи прилучишася, имеюще брани межи собою, поднимаше Татар на помощь и воююще брат брата и смерти предающе, и братние пределы восхищающе, а Половцы, рассмотривше Русский наряд и все воинство и крепость князей наших оных, и воеваша всех и соодолеша всем, егда и ныне таковаа хотят быти!» Но не случилось тогда в Москве бояр старых, и во всем советниками великого князя являлись «юнии». Едигей же постоянно ссорил Литовского и Московского великих князей «и Русский наряд разсмотряше, и воинство Русское созираше, и ища себе удобна времени, хотяше воевати Русь». Тут еще Свидригайло Ольгердович хоть и «лях верою», но «муж храбр и крепок на ополчение», предложил Василию Дмитриевичу вместе выступить против Витовта. Летописец опять с неодобрением повторяет, что этому «ляху прищельцу» великий князь «вдаше... мало не половину княжения Московьскаго» и даже «славный град Владимирь» с чудотворной иконой богородицы, которая «знамена сотворяет и поганных устрашает». Вот из-за этого и постигли русских беды многи, «и сам той храбрый князь Свидригайло Ольгердовичь и храброе его воинство смятошася и устрашишася, яко младыя отрочата, во время Едигеева нашествия и на бег уклонишася».

Три уже года, как Василий Дмитриевич и Витовт вели борьбу между собою и разошлись, доведя свои войска до изнеможения, о чем кочевавшие по соседству татары донесли Едигею. Едигей же, «иногда зовыйся отцем великому князю Василию Дмитриевичу, а втайне лукавство свое крыяша, сына именоваше, а ратовати и пленити хотяше», — послал сказать Василию Дмитриевичу, что теперь царь Булат-Султан идет со всей ордой на Витовта, чтобы отомстить за зло, причиненное русской земле. «Сице бо Едигей, лукавствуя, ухищряше, да не сберутся воинства и спону ему створят». В Москве не вполне верили сообщению Едигея, послали к нему некоего вельможу для проверки и пока войска не собирали. Но вот — «по мале ин некто, вскоре пригнав, поведал рать Татарскую, уже близ приходящи». Не успев собрать воинства, Василий Дмитриевич оставил в Москве дядю и братьев, а сам с женой и детьми уехал в Кострому. «И смятесе град, и устремишася людие и начаша бегать, небрегуще о имении, ни о ином ни о чем же, а разбойници и тати и хищники руки своя наполниша граблением. И повелеша посадки зажещи, и бысть мятежь велик, вопиющим и кричащим человеком, а пламень огненный гремаше и на воздух возхожаше, и град ото всех стран Татары обстоим бяше». Но подойти вплоть к стенам Москвы татары не смели «пристроения ради градного и стреляния со града». Едигей разослал войска брать другие города; не воспрепятствовал тому и Свидригайло «с храброю его Литвою», «сломи бо ся оружие их и вся их хитрость воинственная». Но войска, посланные Едигеем за великим князем Василием, почему-то «не дошедше его, возвратишася».

Опустошив окрестности Москвы, Едигей не приступил к самому городу, решив остаться на зиму для его осады. В это время Булат-Султан, угрожаемый каким-то претендентом на его престол, приказал Едигею немедленно возвращаться в Орду, что он и исполнил, взяв с Москвы окуп. Так «град Москва Богом сохранен бысть, молитвами пречистыя его Матери Богородицы и животворивыя иконы ея и великого ради чудотворца Петра, митрополита всея Руси».

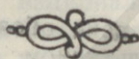
За этой повестью следует в летописи документ-послание Едигея Василию Дмитриевичу. Полное укоров и жалоб, оно начинается словами: «Слышание нам учинилося таково, что Тахтамышевы дети у тебя, и того ради

пришли есмь ратию». Далее указывается на пренебрежение к ордынской власти, чего прежде не было, когда великий князь слушал старейших своих бояр. «Добры нравы и добра дума и добрые дела были ко Орде от Федора (Кошки); добрый был человек, которые добрые дела Ордыньские той тебе возпоминал, и то ся минуло, и ныне у тебя сын его Иван, казначей твой и любовник и старейшина и ты ныне ис того слова и ис того думы не выступаешь. Ино того думою учинилася твоему улусу пакость и христиане изгибли»... Из сопровождающих это послание рассуждений летописца сквозь обычное объяснение бед божьим наказанием за «неправды», видно, что он в какой-то мере признает неправильность Московской политики. При этом он так оговаривает свое нелицеприятие и беспристрастие, как историка: «Сия вся написанаа аще и нелепо кому видится, иже толико от случившихся в нашей земле несладостнаа нам и неуласканнаа (не прикрашенное) изглаголавшим, но възустительнаа (побуждающее) и к пользе обретающаа и возставляющаа на благаа и незабытнаа; мы бо не досажаше, ни поношаше, ни завидаше чти честных (чести почетных лиц), таковаа вчинихом, яко же обретаем начального летословца Киевскаго, иже вся временнобытства земскаа, не обинуяся показуе; но и прьвии наши властодрьжци без гнева повелевающе вся добраа и недобраа прилучившаася написовати, да и прочим по ним образы явлени будут, яко же при Володимере Мономасе, онного великого Селивестра Выдобыжского (т. е. писателя «Повести временных лет») не украшая пишущаго, да аще хочещи, прочти тамо прилежно, да почет почиеш» (прочтя, удовлетворишься)...

В повестях о монголо-татарских нашествиях на Москву главным героем является сама Москва, и не как крепость и столица великокняжения, а как оплот всей Русской земли. Москва — преемница «матери городов Русских», чем и объясняется приурочение московских подвигов к Киеву в былинах о Василье Игнатьевиче. В Москве сосредоточилась общерусская святыня, которая по народному представлению охраняет ее, как Палладиум Трои. Защищает Москву вся ее народная масса; из народной среды появляются воители, если «богатырей» в городе не случилось... Со времен Тохтамыша, соперничавшего даже с Тимуром, на престоле Золотой Орды сидели ханы, еле справлявшиеся с своими волжскими

князьями. Видя частую «замятню» в Орде, московский «улус» стал относиться пренебрежительно к ее требованиям. Пронестекавшие отсюда убытки татары пытались возмещать глубокими набегами, то-есть случайным грабежом и пологом. Эти разорительные набеги врасплох отбивались теперь по иному, не генеральной битвой, а народным сопротивлением. Под угрозой собираемого войска татары уходили, «ником же гоними», удовлетворяясь денежным «окупом». Дело решалось не прямым боем «в поле чисте», не «лютой сечей» при штурме стен, а переговорами, не рыцарством, а выдержкой. Поэтому воинские повести этого времени и не повторяют картинных эпизодов прежнего воинского шаблона.

ГЛАВА VII

ПОВЕСТИ О ВЗЯТИИ ЦАРЬГРАДА ТУРКАМИ В 1453 ГОДУ И О НИКОЛИНЕ ОБРАЗЕ ЗАРАЙСКОМ

Около половины XV века обозначилась на Руси резкая перемена как в культурном, так и в политическом отношении. Москва не только становится во главе феодального союза, она разрушает систему феодального дробления, неуклонно обращает союз в неделимое государство под единой властью. Литературные предания, навыки и образцы Киевского периода и их владимиро-суздальское наследие теряют свою влияние. Новые веяния сказываются в содержании, стиле и даже в языке. Старая византийско-болгарская стихия уступает свое место в нашей литературе новой югославянской; в Россию спасаются литературные сокровища балканских славян, поработанных теперь турками. Возникают новые образцы и для исторического повествования. Так, старый Компильтивный Хронограф в 40-х годах XV века был переработан и дополнен при участии сербского литератора, работавшего в России. Этот литератор, по предположению А. А. Шахматова, Пахомий Серб, использовал и переводные с греческого материалы, и сербские по преимуществу источники, и русскую летопись. Он включил в состав Хронографа художественно изложенную «Летопись Константина Манассии» с «Троянской причей», трактующей гомеровский сюжет, а для югославянской истории—ряд стильно построенных житий правителей и святых югославянских государств. Для русской же истории Пахомий пользовался общерусским летописным сводом первой четверти XV века. Этот новый Хронограф имел в России много дальней-

ших переработок и лег в основу некоторых русских летописей, которые заимствовали не только его содержание (например, Никоновская), но и образы и фразеологию (например, Казанский летописец).

В половине XV века произошло событие мирового значения: турки взяли Константинополь (1453 год). Об этом взятии Царьграда появилась повесть, первостепенная по своим литературным достоинствам. Превышая уровень и кругозор летописного эпизода, эта повесть представляет собою самодовлеющее законченное литературное целое, к созданию которого щедро привлечены наилучшие приемы художественного воздействия. Известная в югославянских и русских списках и отлично ориентированная в византийских реалиях, повесть загадочна по своему национальному происхождению. Одно время ее считали югославянским переводом с греческого, пока не было установлено пользование ею русскими памятниками и пока не было отмечено тождество ее воинской стилистики с боевым шаблоном русских воинских повестей. По нашему мнению, автором ее был русский, хорошо знакомый с территорией, бытом и обстоятельствами события, широко образованный знаток литературы и сам талантливый литератор. Хотя событие совершилось не на русской почве и без непосредственного участия русских людей, но оно глубоко затрагивало культурные интересы Руси, для которой Константинополь изначала был метрополией веры и просвещения. Защитниками Царьграда от турецких полчищ являлись греки и итальянцы, но автор повести относился к ним точно к героям своей родины.

Повесть состоит из двух частей: в первой части рассказываются легенды об основании Царьграда, вторая же часть представляет собою дневник осады. Нет сомнения, что на такое построение повести (история города от возникновения до гибели) повлияли троянские деяния, известные у нас в югославянском и русском переводах. Что же касается формы дневника, то она определена условиями работы автора. В послесловии, сохранившемся при одном списке повести, автор говорит о себе следующее: «Списатель сим аз многогрешный и беззаконный Нестор Искандер (отуреченное имя Александр) измлада взят быв (в плен) и обрезан, много времени пострадах в ратных хождениях, укрываясь семо и онамо, да не умру в оканной сей вере. Так и ныне в сем

великом и страшном деле (т. е. в осаде и взятии Царьграда), ухитряясь овогда болезнью, овогда скрыванием, овогда же совещанием приятелей своих, уловляя время дозрением и испытанием великим, писах каждый день творимая деяния вне града от Турков. И паки, егда попущением божиим внидохом в град, временем испытах и собрах от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных и вкратце изложих и христианом предах, на воспоминание преужасному и предивному изволению божию»...

В первой части повести рассказывается следующее. Задумав построить город во имя свое, великий Константин, император Римский, разослал достойных мужей по Азии, Ливии и Европе выбрать место. Сам цесарь «больше прилежаше мыслью на Троаду, идеже и всемирная победа бысть Грекам на Фряги» (т. е. фригийцы). Но некий голос повелел ему во сне: «В Византии подобает Константину граду создатись». Когда стали там равнять местность для города, выполз змий, его схватил и унес в поднебесье орел; змий одолел орла и они снова пали на землю; люди убили змия и освободили орла. Толкователи дали цесарю такое объяснение: орел — знамение христианства, а змий — знамение басурманства, что змий одолел орла, это знак, что сначала басурмане одолеют христиан, а что христиане змия убили, это знак того, что христиане одолеют басурман, снова возьмут седмолый Царыград и воцарятся в нем. Чудесные знамения при основании городов — мотив нередкий в литературе. Знамение в виде борьбы орла со змием, больше всего напоминающее эпизод из XII песни Илиады, попало в повесть о взятии Царьграда под влиянием переводных повестей о Трое.

Далее идет вторая, обширная часть повести, содержащая рассказ о турецкой осаде Царьграда в продолжение пяти с половиной месяцев и о взятии его 29 мая 1453 года. — В лето 6961 безбожный Магомет, сын Амурата, несмотря на мир с православным цесарем Константином Мануиловичем, нарушив свое обязательство и клятвы, пошел на него войною. Огромное войско, приведенное Магометом по суше и по морю, внезапно обложило город. Султан начал готовиться к нападению, цесарь — к защите. Цесарь то обходил с патриархом церкви для молитвы, то объезжал вокруг города, укрепляя защитников, «да не отпадут надежею. Турки же по вся места бяхуся без опочивания, день и ночь, пре-

меняющиеся, не дающие ни мало опочити градским, но да-ся утруждают, зане уготовляхуся к приступу». На 14-й день турки подкатили много пушек и пищалей и начали «бить город», стреляя и из ручных луков. Горожане не выдержали и, отстреливаясь, запали за стены. «Егда же турки начааху (получили надежду), уже всих людей со стен сбиша, абие вскрычавше все войнство и нападоша на град вкупе со всех стран... и бысть сеча велия и преужасна: от пушечного и пищального стуку и от звуку звонного и от гласа вопли и кричания от обоих людей и от трескоты оружия, яко молния бо блистаху от обоих оружия, также и от плача и рыдания градских людей и жен и детей мняшеся небу и земли совокупитися и обоим колебаться. И не бе слышати друг друга что глаголет: совокупиша бо ся вопли и кричания и плач и рыдания людей и стук дельный (пушечный) и звон колокольный в един звук, и бысть, яко гром велий. И паки от множества огней и стреляния обоих стран дымное курение огустився, покрыло бяше град и войско все, яко не видети друг друга, с кем ся бьет, и от зелейного (порохового) духу многим умерети. И тако сечахуся и маяся на всех стенах, дондеже ночная тьма их раздели»...

Призванные на помощь цесарем североитальянские города не помогли существенно. Только один Зинновьянин (генуезец), князь Зустуня (Юстиниан), прибыл на двух кораблях, привезя с собою 600 «храбрых». Обращенный цесарь поставил его на самое опасное место и, как знаток военного дела, Зустуня успешно стал руководить боем, приобретя себе общую любовь. Турки подкатили к городу две вылитые здесь огромные пушки и сбили верх стены сажень на пять, но Зустуня ночью заделал пролом и подкрепил другою стеною. Утром гурки сбили еще семь зубцов, но от выстрела Зустуня у турецкой пушки расселся «зелейник». Это привело Магомета в ярость, и он громко воскликнул: «ягма, ягма!», то-есть «на разграбление города». Все вышли на стены, кроме патриарха и духовенства, которые остались молиться в церквах. Цесарь без отдыха объезжал город, умоляя стратигов и воинов не ослабевать. Зустуня, «рыща по стенам», тоже ободрял и понуждал людей: «кый язык может исповедати или изрещи тоя беды и страсти: падаху бо трупия обоих стран, яко снопы, с забрал, и кровь их течаше, яко реки по стенам; от вопля же и

кричания людцкаго обоих и от плача и рыдания тради- каго, и от зуку клакольнаго, и от стуку оружья, и от блистанія мяншеса всему граду от основания превра- титися. И наполнишася рвы трупия человека до верху, яко чрез них ходити Турком, аки по степенем и битись: мертвые бо им бяху мост и лестница ко граду. Тако и потоци вси наполнишася и брегы вкрут града трупия, и крови им акы потоком сильным тещи, и пажушине (заливу), Галатцкой сиречь илменю (лиману), всему кро- ваву быти, и облизу рвов по удолиям наполнитись крови».

Город погиб бы, если бы не настала ночь. Патриарх, вельможи и Зустуней уговаривали цесаря удалиться из города, пока не придет ему помощь от братьев. Цесарь отказался: «Како се сотворю и оставлю священство, церкви божия, цесарство и всих людей, и что ми сор- чет вселенная, молю вы, рцете ми! Ни, господин мой, ни! Но да умру зде с вами!»

Турки стали готовить новый приступ, придвинули ту- ры, чтобы обрушить стену, и заваливали ров. Но осаж- денные взорвали все эти машины. Магомет уже решил было отступить морем, но, получив из Царьграда пред- ложение о мире, ответил требованием полного оставле- ния города и продолжал осаду. Перелив рассевшуюся большую пушку, турки двумя выстрелами из нее сдела- ли в стене пролом, но граждане ночью застроили его «баштой». На утро турки выбили стену еще больше и схватились с защитниками: «сечахуся лицом к лицу, ры- кающе, аки дивни звери». Собрав много людей Зусту- ней «в мгновение ока» сбил турок со стены, но сам чуть не погиб от яныченина Амурата. Другой стратиг, Рах- кавей, отбивал полки Амар-бея, «и сечахуся обои люте; Рахкавей же, наступив на камень, удари его мечем по плечю оберучь и рассече его на-двое: силу бе имяше ве- лию в руках». Но затем турки рассекли Рахкавея на ча- сти и прогнали греков в город.

Ночью турки расширили пролом, а на утро взошли было на стену и даже проникли в город. Тогда вызвали с военного совета цесаря. «Исполнин силою», цесарь «вопияще на своих, укрепляя их и, возрыкав яко лев, на- паде на турки со избранными своими пешцы и конники и сечаше их крепко: их же бо достигаше, рассекаше их на-двое, и иных пресекая на-полы, не удержаваше бо ся мечь его ни о чем». Турки всячески пытались его убить, «но убо, яко же речеся: бранныя победы и цесарское

падение божьим промыслом бывает, — оружия бо вся и стрелы суетно падаху и, мимо его летающе, не улучахуть его». К вечеру турки отступили.

21 мая в ночь внезапно «осветися град весь»; сначала думали, что это зажгли его турки, потом увидали, как из купола церкви святой Софии поднялся пламень, который и был принят в «двери небесныя». Патриарх объянил цесарю это знамение, как уход из Софийского храма ангела, которому Бог поручил сохранение святой церкви и города: «значит — милость господа и его щедроты отошли от нас, и господь хочет предать город нашим врагам». Услышав это, цесарь упал в беспамятстве, так что его отливали ароматными водами, но оставить город он отказался.

Упоминание в этом эпизоде прикрепления к патрональному храму Константинополя божественного стража имеет своим источником греческое «Сказание о создании Великия божия церкви святой Софея», известное в славянском переводе.

26 мая Магомет со всеми войсками устремился к пролому в стене. Цесарь, став у пролома, с рыданием кричал воинам: «О братья и друзи, ныне время обрести славу вечную... и сотворити что мужественное на память последним». Он ударил своего коня («фариса»), желая проскакать через пролом до самого Магомета, но его удержали. «Цесарь же, обнажив меч обратися на турки, и якоже кого достигаше, мечем по раму или по ребрам — просекаше их..., стратиги же и воины и вся людие, очютивше своего цесаря, охрабришася вси, и скакаху на турки, аки дивии звери».

На другой день Зустенея был ранен каменным ядром, а затем убит. Турки ворвались в город, но цесарь своими могучими ударами опять прогнал их к пролому, где граждане «закалаху их, аки свиней». Ночь прекратила битву. Магомет уже собрал совет о снятии осады, как вдруг над городом сгустилась тьма, «плачевным образом низпускающе, аки слезы, капли велицы, подобные величеством и взором буйвольному оку, черлены, и терпяху на земли на долг час». Патриарх истолковал цесарю, что «се паки ныне тварь проповедует погибели града сего». Книжники и молны также истолковали Магомету знамение, и он велел готовиться к приступу.

Явление кровавого дождя или росы есть в Илиаде (песни XI и XVI) и заимствовано в повесть из троянских деяний.

29 мая турки устремились к пролому. Греки бились «тяжким и зверообразным рвением», во главе с цесарем, который рассек до седла самого бегилар-бея восточно: «но еще бы горами подвизали, божие изволение не премочи!».

Магомет направил особые отряды «улучить» цесаря. Греки же, «отведоша цесаря, да не все умрет; он же, плача горько, рече им: помните слово, еже рех вам и обет положих: не дейте (не трогайте) мене, да умру zde с вами». Причастившись у патриарха и простившись, он поскакал с оставшимися воинами навстречу «безбожному» к Златым вратам, где и погиб. «И сбытся реченное: Костянтином создася и паки Костянтином и скончася».

На площади у великой церкви святой Софии султан, сойдя с коня, пал лицом на землю, посыпал голову «перстью» благодаря бога, и сказал: «Воистину люди сии быша и преидоша, а ини по них сим подобни не будут». Затем он вошел в великую церковь и объявил всем там бывшим помилование. На пути ко дворцу какой-то серб поднес султану голову цесаря. «Он же облюбызаю и рече: явно тя бог миру уроди, паче же и цесаря, почто тако все погибе. И посла ю к патриарху, да обложит ю златом и серебром и сохранит ю, яко же сам весть».

И вот «беззаконный» Магомет воссел на престоле царства «благороднейша суща всех, иже под солнцем», овладел властителями двух частей вселенной, одолел победителей гордого Артаксеркса и истребил «потребивших Троию предивну с семьюдесятью и четырма крали обороняему».

Заканчивается повесть пророчеством об освобождении Царьграда народом «руски». «Но разумей, окаянный, что если все предсказания Мефодия Патарского и Льва Премудрого о граде сем и знамения сбылись, то и следующие не минуют, но также сбудутся, ибо написано: русий (русоволосый) же род с преждесоздательными Измаилита победят и седмохолмago примут с преждезаконными его и в нем воцарятся и сдержат Седмохолмago русый язык шестый и пятый и насадит в нем зение, и снесат от него мнози во отщепенные святым».

Повесть Нестора-Искандера очень структурна. Ее события распределены по ряду картин, литературно законченных, чем достигается некая строфичность. Трагизм происходящего чувствуется в повествовании непрерывно. Роковой исход подготовлен предсказаниями и

предзнаменованиями, завершенными под конец апокалипсическим пророчеством. К сожалению, краткий наш пересказ не сохраняет стройности изложения и сглаживает тонкие детали, которые поддерживают непрерывность настроения. Повесть Нестора-Искандера вызвала к себе большой интерес. Она была внесена в позднейшую редакцию Пахомиева Хронографа, исполненную в 1533 году. Будучи в составе этого Хронографа, повесть попала вместе с ним к сербам и болгарам, а также вошла в лучшие русские летописи XVI века — Воскресенскую и Никоновскую. Схему и литературные мотивы повести Нестора-Искандера широко использовал автор истории о Казанском царстве.

Под воздействием повести Нестора-Искандера находилась и малоисторичная повесть об иконе Николы Зарайского, именно — собственно воинские эпизоды Батыева нашествия на Рязанскую область. «Рязанская» повесть эта загадочна во многих отношениях. Создалась она не ранее второй половины XV века; события же ее начинаются еще со «второго лета по Калкском побойще». Николин образ — корсунская святыня — идет из Корсуни в Рязань через Прибалтику. Подвергшиеся нашествию Батыя Рязанские князья — Ингоровичи — неведомы генеалогам. Необычно для русской повести об иконе самоубийство матери, выбросившейся из терема с младенцем-сыном. Может быть, это не сплошь сочинительство автора, и здесь оживлены какие-то древние предания Рязанской земли. Повесть интересна и проблемами фольклорного стиля, особенно в героических ее мотивах.

За рассказом о приходе корсунского образа Николы в Рязанские пределы и о построении здесь храма во имя его сообщается о нашествии Батыя. Рязанские князья во главе с великокняжеским сыном Федором Юрьевичем отправились к безбожному царю, чтобы утолить его дарами и молениями великими. Батый принял дары, сбегал не воевать Рязанскую землю, но стал глумиться над посольством и требовать себе у Рязанских князей их дочерей и сестер. Узнав от рязанского вельможи, что у Федора жена красавица и царского рода, Батый потребовал видеть жены его красоту. Федор посмеялся: «не подобно есть нам, христианам, к тебе, нечестивому царю, водить жены своя на блуд, аще преодолееши, то и женами нашими владети начнеши». Батый велел убить

Федора, а тело его выбросить зверям и птицам. Перебиты были и спутники Федора; уцелел только его пестун который сохранил тело князя и поспешил к его супруге Евпраксии с этой печальной вестью. «Услыша таковыя смертоносныя глаголы (Евпраксия), абие ринуся из превысокого терема своего с сыном своим, князем Иваном, на средю земли и заразися до смерти. И оттоле прозвася место то Зараз».

В этой части повести ощущается влияние летописных эпизодов (сохранение тела Андрея Боголюбского и Василька Константиновича) и фольклорных приемов (беседа Федора с Батыем). В дальнейшем изложении соединение таких же элементов пронизано заимствованиями из повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера.

Великий князь Юрий (Георгий) Ингоревич собирается на татар: «И рече братии своей: О господия и братия моя... Лутче нам смертию живота собе купити, за святыя божие церкви и за веру крестьянскую смерть вкусити, нежели в поганой воли быти. Испием чашу смертную за... церкви и за веру... и за отчину отца нашего великого князя Ингоря Святославича!» (Вернее было бы сказать — Глебовича; автор любит преувеличенно архаизировать, не раз восходя для этого к данным «Повести временных лет»).

Напоминая читателю поведение цесаря Константина, Георгий Ингоревич ходит по церквам, где молится иконе Одигитрии, принесенной епископом Евфросином с Афона, Николе и сродникам своим, Борису и Глебу, дает последнее целование жене, благословляется у епископа и выступает против нечестивого царя Батыя. «И бысть сеча зла и ужасна. Много бо бяшася на мног час, и мнози сильнии полки падоша Батыеви. Царь Батый видяше, что господство Рязанское крепко и мужественно бяшеся, и возбоися вельми. Но противу гневу Божию кто постоит! (Подобное восклицание см. у Нестора-Искандера). А Батыеви бо силе велице и тяжце, един бяшеся с тысящею, а два с тьмою (библейское выражение, взятое из повести Нестора-Искандера). И видя князь великий убиение брата своего Давида Ингоревича и иных князей и сродник своих и вскричаша в горести душа своя: О, братия моя милая и дружина ласкова, узорочье и воспитание Резанское! Мужайтесь и крепитесь. Князь Давид, наш брат, наперед нас чашу испил, а мы сея чаши не пьем! И преседоша с коней на

кони и начаша битися прилежно. Удальцы же и резвцы Резанские тако бяшася крепко и нещадно, яко и земли постонати. И многие сильные полки Батыевы смятошася. А князь великий, многие полки своя проезжая, так храбро и мужественно бяшеся, яко всем полком Татарским подивится крепости и мужеству, Резанскому господству. И едва одолеша их сильные полки татарские». Князья, воеводы и удалцы рязанские «купно умроша». Пленен был только Олег Ингорович, которого Батый тщетно старался обратить в свою «прелесть» и за отказ велел его «ножи на части раздробити» (повидимому, здесь влияние подобного же летописного эпизода о Васильке Константиновиче).

Рязань была осаждена и взята, княгини были иссечены в церкви, граждане перебиты. Об этом разорении прослышал некто из вельмож русских, именем Евпатий Коловрат, бывший с князем Ингорем Ингоровичем в Чернигове. С малою дружиною быстро он пригнал в Рязанскую землю, и, увидев ее гибель, «вскрича в горести душа своя и распалися сердцем: бе бо храбр зело». Собрал он 1700 человек дружины, кого только бы сохранил, и погнал вслед безбожному царю Батыю, решив «испить смертную чашу с своими государями равно». Он внезапно напал на стан Батыя в Суздальской земле и начал сечь татар без милости. «И смятоша все полки Татарские. Татарове же сташа, яко пияны, а неистовый Еупатий тако их бяше, яко и мечи притупишася, и емля Татарские мечи, и сечаше их. Татарове мняша, яко мертви восташа. Еупатий, сильные полки проезжая бяше их нещадно и езда по полкам Татарским храбро и мужественно, яко и самому царю побоятися. И едва поймаша в полку Еупатиеве пять человек воинских, изнемогших от великих ран, и приведоша их к Батыю. И царь Батый нача вопрошати: коея веры есте вы и коея земли, и что мне много зла творите? Они же реша: веры крестьянские есме, раби великого князя Юрия Ингоровича Резанского, а от полку Еупатиева Коловрата, посланы от князя Ингваря Ингоровича Резанского тебя, силна царя почтити и честно проводитьи и честь тебе воздати; не подиви, царю, не успевати наливати чашу на великую силу-рать Татарскую (речи фольклорного стиля). Царь же подивися ответу их мудрому. И посла шурина своего Хостоврула на Еупатия, и с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похва-

лился перед царем, хотя Еупатия жива яти. Хостоврул же съехался с Еупатием. Еупатий же, исполин силою, наехав и рассече Хостоврула на-полы до седла (то же и цесарь Константин), и начаша сечи силу татарскую. И многих тут нарочитых бояр Батыевых побил овых на-полы пресекоша, а иных до седла краяша. Татарове возбояшася, видев Еупатия крепка исполина и наводиша на него множество пороков и начаша бити по нем со сточисленных пороков, и едва убиша его (как турки Зустунею в повести Нестора-Искандера), и принесоша тело его пред царя Батыя. Царь Батый посла по мурзы и по князи Ордынские и по санчакбеи (термин, известный лишь из повести Нестора-Искандера), и начаша дивитися храбрости и крепости и мужеству. Они же рекоша царю: мы со многими цари, во многих землях на многих бранях бывали, а таких удальцов и резвцов не видали. ни отци наши возвестиша нам. Сии бо люди крылатии и не имеющие смерти, тако крепко и мужественно, ездя, бьяшася, один с тысящею, а два с тьмою. Ни один от них может съехати жив с побоища. Царь Батый, зря на тело Еупатиево и рече: О, Коловрате Еупатие. Гораздо еси меня поскепал малою своею дружиною, да многих богатырей сильной Орды побил еси, и многие полки падоша. Аще бы у меня такой служил, держал. бых его против сердца своего. И даша тело Еупатиево его дружине останной, которые пойманы на побоище, и веля их царь Батый отпустить, ничем вредити» (ср. эпизод с главою цесаря Константина в повести о взятии Царьграда).

Прибывший из Чернигова Ингорь Ингоревиич, увидав разоренную Рязань и в ней непогребенные тела своих сродников, «жалостно вскричаше, яко труба рати глас подавающе, яко сладкий арган вешаючи, и от великого кричания и воля страшного лежаше на земле яко мертв. и едва отольяша его и носяша по ветру, и едва отходи душа его в нем» (так же приводили в чувство цесаря Константина и Зустунею). Очистив град и похоронив родных, Ингорь отправился на место сечи, где князья и войска рязанские были «побиени, лежаще на земли пuste, на траве ковыле, снегом и льдом померзше, никим же бегомы, точию от зверей телеса их снедаемы и от множества птиц растерзаемы: вси убо купно лежащи мертвы, едину чашу смертную пиша. Видя же сия, князь Ингорь Ингоревиич и вскрича горьким и великим

гласом, яко труба, распаяясь и в перси бия, и ударяясь о землю; слезы же его яко струи течаху, и жалостные словеса приглашае». Трупы разобрали, каждого из князей похоронили в своем городе, князя Федора Георгиевича Ингорь перенес в его область, к чудотворцу Николе Корсунскому (т. е. к Зарайской церкви) и похоронил его вместе с женою Евпраксиею и сыном Иваном Постником, «и поставиша над ними три креста камены: и от сея вины зовется великий чудотворец Николае Заразский, яко ту благоверная княгиня Еупраксия с сыном своим Иваном сама себя зарази».

Еще в XIX веке в Никольской церкви гор. Зарайска стоял образ Николы с votивной надписью царя Василия Шуйского 1608 года на окладе и с привеской португальского золотого того же времени. Против этой церкви действительно находились три камня, два одинаких и один поменьше. Пользуясь данными реалиями и относящимися к ним преданиями, автор повести сложил свой рассказ не без влияния летописных повествований о татарщине, может быть, при участии и устных старин и, несомненно, при помощи повести о взятии Царьграда Нестора-Искандера. Фольклорная стихия ощущается в постоянном названии героев удалцами и резвецами, в образе смертной чаши, полюбившемся автору; в диалоге с Батыем, может быть, в представлении рязанских бойцов восставшими из мертвых, крылатыми. Эпизод о Евпатии Коловрате наиболее близок к былинному стилю.

Фактов опустошения Рязанской области Батыем летопись почему-то почти не сохранила, или они были стерты из-за усобиц Рязанских князей с Москвою и угодливости последних перед татарами при Мамае и позднее. Остались одни предания к тому времени, когда рязанский патриот собрался прославить свою родную землю воспоминанием ее героизма при нашествии дотолее неведомых на Руси врагов. Когда возникла потребность восстановить былое значение Рязани, реабилитировать ее рассказом о былых подвигах, — сказать трудно. То, что рязанские воины называются не богатырями, а удалцами и резвецами, богатырями же именуются только «нарочитые» воины Батыя, как будто свидетельствует не о позднем времени сочинения. Судя по некоторым литературным источникам повести, как то: «Слово о житии и представлении великого князя Дмитрия Ивано-

вича» и «Повесть о взятии Царьграда» Нестора Искандера,— разбираемая нами рязанская повесть была составлена не ранее второй четверти XV века. Что касается существования фольклора о рязанских героях, отношение к нему Евпатия Коловрата поддерживается упоминанием в числе погибших на Калке Добрыни Рязанича Златого Пояса и дошедшей до нас исторической песнью об Авдотье Рязаночке, которая выпросила у турецкого короля Бахмета уведенный им русский полон.

ГЛАВА VIII

ИСТОРИЯ О КАЗАНСКОМ ЦАРСТВЕ

Обширное историческое произведение, известное в научном обиходе под названием «История о Казанском царстве» или «Казанский летописец», — сочинение необычное по структуре. Содержание его определено подлинным заглавием так: «Сказание вкратце (или — Сказание, сиречь история) от начала («с начала») царства Казанского, и о бранех и о победах великих князей Московских со цари Казанскими, и о взятии царства Казани (или «Казанского»), еже ново бысть». Таким образом, предмет повествования являются взаимоотношения Московского государства и Казанского царства на всем протяжении бытия последнего, причем центром событий служит город Казань. Взаимоотношения эти поясняются главными моментами русской истории, начиная с татарского нашествия, и внутренними событиями Казанского царства, преимущественно в виде смен его правителей. Факты располагаются не в механическом порядке летописной схемы, а в тесной связи и причинной зависимости. Сосредоточение всего повествования на истории стольного города Казани, от его начала до взятия, находит себе параллель в повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками. Воздействие повести Нестора-Искандера подтверждается нахождением в Казанской истории многих стилистических особенностей, принадлежащих царьградской повести. В частности, наблюдается сходство в заявлениях о своей судьбе обоих авторов, Нестора-Искандера и составителя Казанской истории: оба были в «Агарянском плену: Искандер у ту-

рок, где и подвергся обрезанию, а наш автор — у черемис и казанцев. Вот, что пишет о себе последний: «Грех ради моих случи ми ся пленену быти варвары и сведену быти в Казань, и даша мя царю Казанскому в дарех: и взял мя царь с любовию к себе служить, в двор свой, постави мя пред лицом стояти. И быв тамо 20 лет (т. е. с 1532-го года), по взятие же Казанское, изыдох из Казани, на имя царево Московское. Царь же мя крести, вере христове причте, и мало земли ми уделом дает, и нача служить ему верно. Мне же живущи в Казани, часто прилежно от царя в веселии пытающи ми премудрейших и честнейших Казанцев — бе бо царь по премногу зная мене и любя мя, — велможи же паче меры брежаху мя — и слышах словом от самого царя изуст многажды и от вельмож его» (ср. у Искандера: «испытах и собрах от достоверных и великих мужей вся творимая деяния во граде противу безверных»).

Автор «Истории о Казанском царстве» — типичный идеолог Московской государственности XVI века, явный противник удельной системы на Руси и сторонник единовластия, установившегося с Ивана III, которому «всеи Руския князи поклонишася служить». Он «един облада скифетры Рускими» и «назвася державны князь великий Московский». Особенно возвеличил автор Ивана Васильевича Грозного, который «венчася Мономаховым венцом», «наречеся царь державы Руския и самодержец великий показася». Для возвеличения царственности Московского государя автор воспользовался популярнейшими в XVI веке памфлетами, именно «Сказанием о князех Владимирских», и сочинениями Ивана Семеновича Пересветова (похвала Ивану Васильевичу Грозному от Махмета великого султана Турского). Подчинение Казанского царства автор приписывает Московскому единовластию, а случавшиеся временами неуспешные воинские действия относит к предательству, лени и своекорыстию воевод, бояр и князей, и в этом его взгляды совпадают со взглядами Пересветова. Из всех воевод неизменным любимцем автора является лишь князь Симеон Микулинский, «памяти незабытний», «красота и похвала Московским воеводам». Главным же героем, мудрости и трудам которого обязано конечное завоевание Казанского царства, выставлен Иван Васильевич Грозный. В оценках борющихся сил автор желает показать беспристрастие и преодолеть установившееся в

книжности отрицательное отношение к «неверным» или — по исконной терминологии летописи — к «поганым». Например, изгнанного из Золотой Орды Улу-Ахмета он выставляет несправедливо обиженным Московским великим князем и заставляет его «возводить очи своя зверины» к «русскому богу» и молить его о суде с обидчиком. По поводу последовавшей победы Улу-Ахмета над русскими автор восклицает: «О блаженное смирение, яко не токмо христианом бог помогает, но и поганым по правде пособствует». Когда Московские воеводы уговаривали Ивана Васильевича отступить от упорно защищавшейся Казани, «един царь Шигалей и князь Симеон (Микулинский) тии самодержца укрепляху». Шигалей оказался вернее русских воевод, «слушаше неленостно, за христиан страдаше весь живот свой до конца. Да никто же мя осудит о сем, яко единовых своих похуляюще, поганых же варвар похваляюще: тако бо есть, яко вси знают и дивятся мужеству его и похваляют»...

«История о Казанском царстве» представляет собою заключительный этап стилистической работы, как она успела сложиться ко второй половине XVI века. Все, что было изыскано беллетристической книжностью, обротовало к этому времени художественный канон, талантливо отраженный «Историей о Казанском царстве». Автор Истории назвал свой труд «красною, сладкою и новою повестью», этим заявлением как бы признал за историческим повествованием право на художественное изложение истории. Художественность, конечно, проявлялась и в предшествующих исторических повестях, но такое осознание ее мы встречаем здесь впервые, если исключить «Слово о полку Игореве», где даже показаны различные виды художественного стиля. Сообщая повествованию красоту и сладость, автор казанской «Истории» указывает, однако, и меру своего художества, именно: он обещает «писанием изъяснити» события и деяния «разумно», то-есть в их связи и причинной зависимости. Автор, следовательно, не уклоняется от историчности и не выступает исключительно как поэт, но иногда он не свободен от поэтического вымысла и незначительный, в сущности, эпизод развивает в целую поэтическую новеллу. Для художественности рассказа автор использовал наиболее выразительные и привлекательные средства предшествовавшего повествования, оригина-

нального русского и переводного. Источниками в этом отношении ему служили: русская летопись, повести о Мамаевом побоище, повесть о взятии Царьграда Нестора-Искандера, Хронограф Пахомия, а в нем особенно летопись Константина Манассии. Из летописи Манассии автор использовал главным образом придворные византийские драмы и интриги, а также значительный подбор образов, эпитетов и метафор, определявших свойства персонажей византийского двора. Кроме воздействия книжных источников, в «Истории о Казанском царстве» ощущается присутствие русской устной поэзии. Не говоря уже об эпитетах устной поэзии, которые здесь рассеяны повсюду, можно предположить даже подражание целым ее картинам. Так, читая живописное изображение победоносного въезда Ивана Васильевича в Москву, невольно вспомнишь старину о Чуриле, как пышно он выезжает из чиста поля в Киев и как женщины заглядываются на его походочку шатливую. «История о Казанском царстве» сама оказалась затем источником устной песни о взятии Казани, отразивши в ней не только образы, но и идеологию, сторонником которой был автор казанской повести.

Далее мы даем пересказ казанской «истории», почти исключительно в объеме ее риторического материала, который и приводим в подлинных цитатах. Самые факты излагаем постольку, поскольку они служат последовательности повествования и обнаруживают своим выбором и расположением искусство автора как историка. Географические и этнографические описания, детали воинской тактики и стратегии пришлось устранить. И в самом риторическом материале опущены повторные образы и развернутые с излишеством картины и лирические излияния. Опущены чудеса и проповеди, лишённые оригинальности. При такой сжатости пересказа оказалось возможным уменьшить объем произведения в 20 раз, сохранив важнейшие черты его стилистического облика.

Автор задумал «писанием изъяснити» всю историю Казани «от начала Казанского царства, и откуда исперва и в какая лета и како быть почася, и о бывших великих победах с великими нашими самодержцы Московскими». Он начинает с утверждения, что от начала Руси «все то Русская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань», и что тамошние жители болгары и им

подвластные черемисы «обои же бяху служаще и дани дающе Русскому царству до Батыя царя». Остановившись на деятельности Ярослава Всеволодовича по устроению разрушенной Батыем великокняжеской столицы, г. Владимира, автор изображает татарское порабощение родины: «И осироте бо тогда и обнища великая наша Русская земля, и отъяся слава и честь ее, не во веки, и поработися богомерзску царю и лукавнейшу всея земли, и предана бысть, яко и Ерусалим в наказание Навходоносору, царю Вавилонскому, яко да тем смиритца. И от того времени обложен и нача первое великий князь Ярослав Всеволодич Владимирский царю Батыю в Золотую Орду дани давати..., изнеможение видя людей своих и конечныя ради погибели земля своея, запустение еще же и злобы цареvy бояся, и властелей его варвар насилie терпети не могуще. По нем же державнии наши Рустии сынове и внуцы его много лет выходы и оброки даваху царем в Великую Орду Златую, и повинующеся им и приимаху от них власти вси, ни по колену, ни по роду, но яко кто хочет, и как которого царь возлюбит. Бысть же злогорькая та и великая власть варварская над Рускою землею от Батыева времени по царство тоя же Златыя Орды царя Ахмата сына Золотого Салтанова и по благоверного и по благочестивого великого князя Ивана Васильевича (III) Московского, иже взя и поработи под себе Великий Новгород». Далее рассказывается о поругании Иваном III басмы Ахмата и «о конечном запустении» Золотой Орды. «И тогда великая наша Руская земля свободися от ярма и покорися бесерменская; и нача обновлятися, яко от зимы и на тихую весну прилагатися и възиде паки на древнее свое величество и доброту и благолепие; яко же при великом князе первые при Владимире преславнем; ей же, премилостивый Христе, даждь расти яко младенцу и величаться и расширится и всюде пребывати в мужестве и совершенно и до славнаго твоего втораго пришествия и до скончания века сего! И восия ныне стольный преславный град Москва, второй Киев...»

Это замечательное введение, суммировавшее исторический процесс жизни Русского государства от древнего его величия до восстановления полной свободы от татарского порабощения и до возглавия всех русских областей Москвою, представляет синтез политических идей, характерных для установившегося в стране еди-

новластия. Автор показал себя здесь не погодным летописцем, а обобщающим историком, талантливым выразителем исторического сознания, как оно сложилось к половине XVI века.

Первое основание «Казанского царства» автор приписывает преемнику Батые, Саину, который пришел в 1272 году из болгарского города Бряхова и облюбовал себе «место на Волге на самой украине Руской, на сей стране Камы реки, концом прилежа к Болгарской земле, другим же концом к Вятке и к Перми. Место пренарочито и красно вельми, и скотопашно и пчелисто, и всякими семены родимо, и овощми преизобильно и рыбно». Рассказывают, что прежде место это было «гнездо змиево»: «живяше ту вгнездився змий велик, страшен, о двояу главу, едину имея змиеву, а другую главу волову». Волхв Саина собрал здесь всех змиев «во едину велику громаду», обложил горючим и сжег, «яко быти от того велику смраду по всей земли той проливающи впредь хотяще быти ото окаянного царя зло содеяние проклятые его веры Срацынския». «Царь же возгради на месте том Казань град, никому же от державных Руси смеюще супротив что рещи... и воцарися во граде, скверны царь.. и распалашеся яко огонь ярости на христианы». Он разогнал всех окрестных русских «тоземцев» и населил область болгарской «черною» из-за Камы и черемисами. Так, вместо древнего болгарского города Бряхова, Казань стала столицей новой орды. Затем (в 1396 году) вся эта область была опустошена князем Юрием Дмитриевичем, и Казань «стояше пуста 40 лет».

В 1430 году из Большой Золотой Орды был изгнан Едигеем, Заяицким князем, царь Улу-Ахмет и, «по полно волочася, яко хищник и разбойник..., приблизися к пределам Руским и посла моление и смирение к великому князю Василию Васильевичу Московскому..., не рабом, но господином и любимым братом себе именуя его, яко да повелит ему невозбранно на пределе своей земля мало время починуту от труда своего... Василий Васильевич, памятуя, что был посажен на великое княжение Улу-Ахметом, отнесся к нему «как сын к отцу» и дал ему в «качeviще Белевские места», «дондеже царь от земля Руския отступит» завоевывать свой золотоординский стол.

Улу-Ахмет стал набирать воинов, сложил себе укреп-

ление изо льда «и, отходя, пленяше иныя земли чужия, аки орел отлетая от гнезда своего далеча пищи себе искати». Великого князя беспокоило подозрение, не готовится ли Улу-Ахмет «воевати Рускую землю», и он потребовал, чтобы царь удалился. Когда тот медлил уйти, клянясь в вечной дружбе, Василий Васильевич «словесем не вере его и обещанию, яко погана, не ят истинно быти, ...забыв сего слова, яко: «покорное слово сокрушает кости, а смиренна сердца и сокрушенна бог не уничижит»». Посланное великим князем войско было разбито, причем видно, что автор считал Улу-Ахмета правым в этой борьбе. Перед боем он заставил Улу-Ахмета молиться в русской церкви: «Боже русский», глаголя, «слышал о тебе, яко милостив еси и праведен, не на лица зриши человеком, но и правды сердца их испытуеши. Виждь ныне скорбь и беду мою и помози ми, и буди нам истинны судия, и суди вправду между мною и великим князем, и обличи вину коегождо из нас: и хошет бо он убить мя неповинно, яко обрете время подобно, ... бывшее слово и обещание наше и клятву с ним солгав и престоупив»... Когда русское войско окружило его ледяной город, он «отвори врата градные и вседе на конь свой, и взя копие и оружие свое в руку, и поскрежета зубы своими, яко дивий свирепы зверь, и грозно восвистав, яко страшны змий великий, ожесточив сердце свое, и воскипе злобою своею» и т. д.

Победив московские войска, Улу-Ахмет «вознесется сердцем и возгордесе умом», «граду же ледяному, от солнца расгаявшу... перелезше Волгу, и засяде пустую Казань», снова заселил ее и обстроил «крепчайше старого». «И начаша сбиратися ко царю мнози варвары от различных стран, ото Златыя Орды и от Астрахани, от Азуева и от Крыма, и нача изнемогати во время то и Великая Орда Золотая и укреплятися вместо Золотой Орды Казань, новая орда, запустевший Саинов юрт, кровию Русскою кипя. Проиде царская слава и честь, и величество з Болшия Орды и старыя матери ордам всем на преокаянную дщерь младую Казань, и паки же возрасте царство аки древо измерше от зимы, и оживе, аки солнну огреевшу весне. От злаго древа, реку же, от Златыя Орды, злая ветвь произыде, Казань, горки плод изнесе, второе зачася от другого царя Ординского».

Далее сообщается о набеге Улу-Ахмета на Москву и о пленении сыном его Мамотяком великого князя

(1445 год), которого затем отпустил за откуп. Но вот на великое княжение сел Иван Васильевич «и вси Русския князи подклонишася ему служити, и един облада скифетры Русскими... и бысть велика власть Русская, и оттоле назвася князь велики Московский». Его воеводы разбили на Свияге казанские полчища и пленили царя Алехана, вместо которого Иван Васильевич «посади на Казани служащего своего Махметемин Иберегимовича, приехавших ис Казани к Москве с братом своим Аблеть служить великому князю». Царь Махметемин взял за себя жену Алехана, «и нача она помале, яко огнь разжитати сухия дрова, яко чернь точити сладкое древо, яко прелукавая змея, научима от вельмож своих царевых, охавившеся о вое, шептати во уши царю день и ночь, да отвергнетца от великого князя»... Царь прельстился коварным советом жены и перебил в Казани всех русских жителей и приехавших на торг купцов, имущество же их и товары разграбил (1505 год). Он поделал себе серебряные и золотые сосуды. «Бесчисла же Казанцы много велми разграбиша по себе и обогатишася, и оттоле не ходити им в овчиях кожах ошившихся: и после убо ходящи в красных ризах, и в зеленых, и в багряных, и в червленых одеявшись, щапствовать пред катунами своими, яко цветцы полския, различно красящеся, друг друга краснее и пестрее». Затем в союзе с ногаями Махметемин напал на Нижний Новгород, но был отбит «огненным стрелянием» литовских пленных, взятых при Ведроше и заточенных в Нижнем. Тут был убит ядром предводитель ногаев (подобно Зустунее), «и возмутишася Нагаи, аки птичья стада, оставше своего вожа и пастыря, бысть межо ими брань велика усобная, и почашася сечи Нагаи с Казанцы по своем господине и, много у града паде обоих стран. Царь же едва устави смятение вой своих и убояся, отступи от града и побеже к Казани»...

Когда Махметемин пошел опустошать область Муром, русские воеводы, поставленные «стерещи прихода царева», «паче себе стережаху»... Преемник Ивана III, Василий Иванович, послал на Казань брата своего Дмитрия Жилку (1508 год). После боев с переменным успехом, русские войска напали внезапно, «аки с небеси» на увеселительный стан под Казанью, где татары и чемемисы проводили свои праздники; те едва успели бежать в город и «аще бы триедины постояли у града вой

Руския, тогда бы взяли град волею, без нужды». Но овладев станом «со многим ядением и со многим питием и со всяким рухлом», войны Русские остались здесь пировать. И царь напал на них из города, когда они уснули, «и поядоша их всех мечем такое множество, аки клас», так что реки «течаста по 3 дня кровию, и сверх людей, аки то мосту, ездити и ходити Казанцом». «За сие преступление царя Казанского порази его бог язвою неисцельною». Царь вспомнил, как был вскормлен и почитен Московским великим князем, раскаялся в своей измене, послал Василию Ивановичу все свои сокровища, молил его о прощении и, умирая, просил прислать на место свое царя или воеводу вернейши себе». Великий князь «умилися, забыл великое побитие христианское в Казани (уже бо не воскресить их) «и дал казанцам на царство царя Шигалея Касимовского. Недовольные верноподданничеством нового царя Москве, казанцы призывали на его место крымского царевича Сапкирея. Они перебили всех сторонников и слуг Шигалея, а его самого выгнали в поле чистое, нагого «во единой ризе, на худе коне». «И отложишася Казанцы от великого князя в свою волю жити с царем с новым».

Только через 11 лет Василий Иванович, занятый делом войной с Польшей, получил возможность ополчиться на Казань (1524 год). Но часть русского войска, плывшая по Волге, была потоплена черемисами, причем утонул весь воинский наряд и казна, «и Волга явился поганым златоструйный Тигр» (стилистическое влияние Хронографа). Сухопутная же русская рать разбила казанское войско, но не могла отбить город из-за потери стенобитного наряда и возвратилась. Лишь через шесть лет тридцать русских воевод осадили Казань (1530 год), и, когда взяли защищавший ее «острог», Сапкирей бежал в Крым.

Приведем некоторые эпизоды, отразившие влияние повести о взятии Царьграда. «В день убо с Русью бяхуся Казанцы, к вечеру брани преставше. Русь убо отхожаху в станы своя опочивати, а Казанцы убо нощию ядаху и запивахуся до пьяна, и спаху сном крепким, не блюдущихся Руси, оставивше токмо страж на вратех остроже». Русские напали на казанского воеводу Аталыка, когда он спал пьяный в шатре. Он «с оторопа вскоре вскочи, во единой срачице, на конь свой, и без пояса, и бос, и хоте во град убежати. И понесе конь его из острога на

поле, к реке к Булаку; аки крылат конь его реку перелете, он же от страха не удержася и спаде с коня своего, остася на сей стране Булака, бос, бегая по траве, а на другой стране конь его бегаяше. И тут, на брезе Агалыка, похвального воеводу Казанского убиша. Аталык же бе храбр и наеждаще на 100 воин и на велик полк бойцев удалых, и возмущаше всеми полки Рускими, а сам невредим отъеждая и догоняя каждо их мечем своим ударяше во главу и растинаше на двое и до седла; не удержашеся мечь его ни в шеломе, ни в пансыре (ср. цесаря Константина), и стреляше дале версты в примету, и убиваше птицу или зверя, или человека; величество его и ширина Обрину подобна, очи же его кровавы, аки зверя человекоядца, и великие, аки буйволы» (ср. в повести Искандера — капли, как око буйвола).

Взяв с казанцев «впредь на три лета выходы и оброки», московские воеводы «не хотяше ни един остатися во граде на брежение» и одаренные казанцами, отправились в Москву вместе с казанским посольством. Здесь казанцы вымолили у великого князя в цари себе «брата Шигалеева меньшого», царевича Геналея, надеясь выгадать время, «дондеже собрашася опочинут, яко звери в ложи своем». Через год они «убиша без вины прекрасного юного царя Геналея Шигалеевича в палате спяща, яко юнца при яслех, яко зверя в теняте готово изыманна; с ним убиша воеводу его Московского, воздержателя царева, и вся воя их, и паки восприяша царя Сапгирея беглеца»...

По кончине великого князя Василия Ивановича «осташася от него 2 сына, яко от красноперого орла два златоперая птенца; первии же сын, ныне нами наречен князь великий Иван, остася отца своего 4 лет 3 месяц, благороден зело, ему же отец его великую власть Руския державы по смерти своей дарова»... Далее автор сообщает о сиротском детстве Ивана Васильевича и о самовластии и насилиях князей и бояр: «неправды умножишася обиды, тадбы и разбои и убийства»... «Возрастшу же, велик разум примishу великому князю Ивану Васильевичу, и восприемник бысть по отце своем во всей Руской державе великаго царства Московского и воцарися на царство»... (1547 год). «И бысть велми мудр, и храбросерд и крепкорук, и силен телом, и легок ногама, аки пардус; подобен по всему деду своему, великому

князю Ивану». «И седе на великом царстве державы своея благоверны царь, самодержец, Иван Васильевич всеа Руси, и вся мятежники старыя избив, владевший царством не по правде до совершенного возраста своего, и многих вельмож устраши, от лихоимания и неправды обрати, и праведен суд судити научи и правяще с ними до конца добре царство свое... кроток и смирен быти нача и праведен в судах и непреклонен, ко всем воинственным своим людем милостив, и многодаровит, и весел сердцем, и сладок речью, и окорадостен»... (сложные эпитеты взяты из Хронографа). «И согляда всю землю свою очима своими, всюде яздыше, виде многи грады Руския старыя запустеша от поганых»... И увидел Иван Васильевич, что наибольшее зло причиняло образовавшееся на украине Русской земли «ново царство Срацинское—Казань, по русскому же языку Котел златое дно», с которым воевали и отец, и дед, и прадед его, «но конечныя споны не могоша сотворити». Хоть и брали они «не единою» Казань, но «держати за собою» это царство не смогли «лукавства ради Казанцов». Но вот в Казани произошло «смятение великое», и Сапкирей лишился престола за покровительство Крымским выходцам. Казанцы снова задумали «оманути царя Московского, еже заложитися за него и Казань ему предати и взяти на царство себе царя Шигалея, уморити его». Несмотря на отговоры советников своих, Иван Васильевич принудил Шигалея сесть царем в Казани. Но там он оказался «не яко царь, но яко пленник изыман, крепко брегом». На его сторону стал только большой князь Чюра Нарсынович, который помог ему бежать, а затем и сам бежал, но был настигнут и убит. Царем стал снова Сапкирей, но через два года умер, «приказав царство меньшей царице своей Нагайнине, сын бо ему от нея родися». За эту измену казанцев Иван Васильевич послал воевать их улусы несколько воевод, в том числе храброго князя Семиона Микулинского. Московские воеводы, опустошая окрестности Казани, чуть не захватили царя, выехавшего на охоту, и, внезапно напав на войско, посланное в погоню, разбили его.

Зимою 1550 года на Казань пошел сам Иван Васильевич. Зима была студеная, а весна столь дождливая, «яко и становищам воинским потонуту». Поэтому, осадив Казань, Иван Васильевич ограничился лишь пушечным боем по ее стенам. «И возвратися на Русь, Казань

скую землю всю почернив и главнею покотив»... Возвращаясь, он подметил между Волгой и Свягой «гору высоко и место стройно и красно и подобно к поставлению града, и возлюбил его в сердца своем, (но) не яви тогда мысли своя воеводам ни единому же». Непрестанно думая о взятии Казани, Иван Васильевич увидел «видение некое во сне, показующе ему место то, где он сам виде, град ту поставити веляше, яко древле царю Костянтину (см. повесть Искандера), на устрашение Казанцом». И послал он туда Касимовского царя Шигалея с 9-ю великими воеводами «с ними же многочисленное войско Руское, твердооружное и все златом испещренно, и хитреца и градоздравца и делателя»... «везущи с собою готовы град на великих лодиях Белозерских, тово же лета, нов, хитр сотворен».

Город Свяжск построили и в нем храмы богородицы и Сергия Радонежского, от коих произошло «много чудес». «Тогда вся горная Черемиса царю и великому князю приложися, пол земля Казанския людей». Чудесные знамения на месте Свяжска, начавшиеся еще до построения города, были истолкованы и волхвами и царицей Казанской, как неминуемое овладение Казанского царства «Руским задержателем». На берегу Камы «был мал градец пуст, его же Русь именует бесовское городище, в нем же живяше бес, мечты творя от мног лет. И то бе еще старых Болгар мольбище жертвенное». Царь (Сапкирей) посылал «вопрошати» этого беса, одолеет ли Казань Московский великий князь. После 10-дневного моления волхвов «отозвася глас от беса»: «Что стужасте о мне? Уже бо вам отныне несть на мя надени, ни помощи ни мало от мене, отхожю бо от вас в пустая места непроходная, прогнан Христовою силою; приходит бо сюда со славою своею, хочет воцаритися в земли сей и просветити святым крещением. И по мале часе явися дым черн велик, изнутри градца, из мечети на воздух идя, смрад зол, из дыма же излете змий велик огнен, и на запад полете»... (Ср. уход цареградской святыни — ангела из церкви Софии).

После смерти Сапкирея «остася царица его молода (Самбек имя ей), и родися от нея царевич един Маминкирей, едином летом от сосцу матери своей, ему же по себе царство приказа». Царице помогали управлять «уланове, князи и мурзы», во главе с Кошаком, царевичем Крымским. Убедившись, что Свяжск настоящий

город, а не «градец мал.. зовом гуляй», царица, «аки лютая львица, неукратно рыкаше, веляше в Казани осаду крепить и вой многих на помощь отсюду збирати». Но согласия между вельможами не было; любовник царицы Кошак бежал, был настигнут русскими и казнен с своею дружиною в Москве. Тогда вельможи убедили царицу снова просить Шигалея: «дабы царем на Казани сел и взял тебя честно женою себе, не гордяся тобою, с любовию, не яко горкую пленницу, но яко царицу любимую и прекрасную». Шигалей согласился, но так как коварная царица дважды пыталась его отравить, «разгневаясь на ню царь и ят царицу к Москве и посла ю, яко прелютую злодеицу, со младым львицем, сыном ея и со всею царскою казною их».

«Изведение» царицы воеводою князем Серебряным, присланным от Ивана Васильевича, принадлежит к живописнейшим эпизодам повести. Для изображения ее отчаяния, плачей и причитаний использованы образы искандеровой повести о взятии Царьграда и жития Дмитрия Донского.

Сев на царство, Шигалей безбоязненно и «борзо» управлял им, «служба и спомогая самодержцу своему». И задумали казанцы убить его за строгость: «аще сие надолзе будет от царя нашего, то по единому всех нас до остатка пригубит, мудрых Казанцев, аки бездушных, распуцит аки волк овца, придавит аки мышей горностаи, приест аки куры лисица, и не оставит нас ни единого жива быти в Казани, по научению самодержца своего». Шигалей узнал о заговоре и перебил заговорщиков. Но некий князь Чапкун Казанский, перебежчик в Москву, полюбившийся Ивану Васильевичу, изменил ему и, отпросившись опять в Казань, подучил здесь мятежников идти в Свияжск к воеводам с ложным доносом на Шигалея, «яко хочет измену царь вборзе сотворити». Воеводы донесли Ивану Васильевичу. Царь и великий князь «понегодовав о том в уме своем на Казанского царя Шигалея, дивися, что новое се явися в нем на старость его: несть было в юности его; и отписа ему з грозою, да оставя царство, выедет ис Казани, с воеводою и со всею силою своею, не оставив своего ни мала черна пороха в Казани; скоро будет в Москве, всю скажет о себе всю истину; аще так будет помыслил, то казнь примет о деле сем».

Шигалей не испугался гнева Ивана Васильевича, «на-

деяся на милость Божию и на бессмертную свою правду». Он дал казанцам прощальный пир и попросил их прозодить до Свияжска. Здесь он велел их всех пере- хватать, и, заковав «большия вельмож», отослал их в Москву. Обрадованные успехом, воеводы стали пировать с царем «и позакоснеша мало, и прозабывшися в пьянстве и не поскориша того дни въехати в Казань с силою своею».

Узнав о пленении своих в Свияжске, казанцы с Чап- куном во главе затворились в городе и, впустив отряд «воеводских юнош», посланный из Свияжска, замучили их. Когда на следующий день к Казани подошли воево- ды, их не пустили, и они принуждены были вернуться в Свияжск. «Казанцы же вскоре, того же лета, приве- доша к себе из Ногайския земля царя, именем Едегера Касаевича».

В Москве Шигалей оправдался перед Иваном Василье- вичем и посоветовал ему «подвигнутися» самому на Ка- зань: «аще не пойдеши сам и обленишися, то известно буди, господине мой, воеводами твоими без тебя не взята будет Казань, Казанския бо люди есть худыя, а в ратном деле зело свирепы и жестоки, яко сам их зна- ешь, ныне же наипаче пременятся живот свой на смерть и ведают воевод твоих слабых и мягкосердых и не по- винуются им». Идти на Казань самому убеждали царя все приближенные. «И востав с престола своего (Иван Васильевич) поклонился им на все страны до земля и рече: велми угоден и ми бысть совет ваш, любимии мои думцы, и познах, яко будет на пользу всем и мне». Далее описывается собирание войска, смотр его в Моск- ве перед дворцом, прощание с царицей, ее причет, мо- лебное хождение по соборам, предсказание победы ми- трополитом Макарием.

Послав предварительно запасы и стенобитный наряд по Каме и Волге, Иван Васильевич в июне 1552 года выступил с конницею из Москвы: «яко высокопарнии орли полетевше». В это время случился набег Крымско- го царя Девлет-Кирея под Тулу, но его отогнали. Под Муромом Иван Васильевич разрядил собиравшиеся полки, а всего, считая с лодейной ратью, было их около 500 тысяч при 90 воеводах; «яко же о приходе Вави- лонского царя ко Ерусалиму пророчествова Иеремия: и от яждения бо, рече, громов колесниц его, и от ступа- ния слонов его потрясися земля — сиче бысть zde».

После тяжкого похода по пустынной и безводной степи, войска отдохнули в Свияжске, при переправе через Волгу разбили Казанского царя Едигера, «и облегоша воя Руская Казань, и бе видети многия силы, яко море волнующееся около Казани или внешняя великая вода по лугом разлися». На второй день Иван Васильевич послал под стены Казани послов сказать царю и всем казанским людям, чтобы они приложились к Московскому царству, за что получают «льготу велику» жить по своей воле, по своему обычаю и вере; или чтобы ушли, куда хотят, оставив град свой и страну, в противном случае град будет взят «на щит». Царь Едигер склонялся было к покорности, но не мог убедить в том казанцев, возмущаемых Чапкуном, и предложение русских было отвергнуто. Вещие сны своего царя и Сеита волхвы истолковали, как неминуемое одоление казанцев Московским царем. Князь Симеон Микулинский привел всю окольную черемису к покорности, разорив все их остроги. Когда же ногайцы отказались придти на помощь, казанцы «престаша битися с Русью, выезжая из града, и затворишася во граде и седоша в осаде, надеюшася на крепость града своего и на многия своя кормля и запас». Задержав в городе иноземных купцов, казанцы приставили турчан и армян к пушкам, «ведаху тех огненному бою гораздых... принужаху их битися с Русью; онем же не хотящим и отрицающимся, аки неумеющим дела того, и приковываху их железы к пушкам, и с омнаженными мечи стояху над главами их»... Но те «худо бяху и не улучаху, аки неумеючи». Вместо своих убитых или бежавших воинов, казанцы «прибираху высокорастлыя жены и девицы сильныя, и теми число наполняху, и учаху их копейному бою и стрельбе и битися со стены, и воскладаху на них пансыря и доспехи; они же яко юноша бяхуса дерзостно, но страшиво естество женское, и мякко сердце их к кровавым ранам и нетерпеливо, аще и варварско». Иван Васильевич, «гнева многа наполнися» и велел несколько тысяч пленных черемисов предать казни перед стенами города «на устрашение Казанцом».

Далее описываются стенобитные действия русских и приступы, преимущественно в образах Искандеровой повести, например: «И от пушечного и от пищального громадения и от многооружного крежета и звяцания и от плача, рыдания, градцких людей, жен и детей, и от

великого кричания и вопля и свистания, и обои вои ржания и топота конского, яко великий гром и страшен звук (звук) далече на Руских пределах, за 300 верст слышася. И не бе ту слышати лзе, что друг за другом глаголет, и дымный мрак зелный возхожаше вверх и покрывающе град и Руская воя вся, и ношь яко ясны дни просвещашеся ото огня, и невидима быша тма нощная, и день летни яко темная ношь осенняя бываше от дымного воскурения и мрака». «Но яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижно, ни откуду же, от сильного биения пушечного шатався, позыбаяся».

Воеводы стали уговаривать Ивана Васильевича снять осаду: «яко уже лето переходит и есень и зима приближается, а путь нам с тобою на Русь итти далеко есть и тяжек, а Казанцы ни мало делом послабляют, но зело крепче стоят и паче готовятся, а запас кормовой твой и наш весь по Волге потонул, разбившим людяим от ветра». Но Иван Васильевич отверг этот совет (приблизительно словами кесаря у Искандера): «да умру с вами, zde на чужой земле, а к Москве с поношением и со стыдом не возвращуся». «Един убо царь Шигалей и князь Симеон тии самодержца укрепляху втаи наедине никоже потачити воеводам, смущающим его и обленявающимся служить». Похваляя здесь Шигалея и Симеона Микулинского, автор характеризует последнего: «превеликий воевода князь Симеон вся превзыде воеводы и полкозначальники храбростию, твердостию ума своего; мудрых ради советов его любим бе царю и великому князю; всем показася красота и похвала Московским воеводам, старым же и новым воем Руским доблоратен воевода, победами многими сияй: мнози Руси вои и противни ратници и видяху его издалеча, егда на брани в полцех снемшихся, аки огненна всего яздыща на коне своем, и мечь и конь его аки пламен метаются на страны и сецаючи противных, и творяше улицы, и коня его мети, аки змия крылата, летаючи выше знамян»... «В седьмое же лето по взятии Казанском мужоственне воевав на Ливонские Немцы, и смертную язву оттуда на вые своей принесе, и скончася на Мосье... Скращу же речь... жалость бо ми душевная и сладкая любви его ко мне глаголати о нем и до смерти моя понужает».

К Ивану Васильевичу пришли некие «Фрязи» (иноземцы) и взялись низложить град до основания — «наше

есть дело сие». Они устроили 4 башни для стрельбы в город сверху и тайно повели подкопы. Святые Николай и Сергей показали чудесами близкое падение города. За три дня до взятия его жены казанские и красные девицы, готовясь к смерти, «от пещер своих излазящи и облачахуся в трисветлая своя одеяния золотая, красующи и показующися Руским воем. И аще бо им мощно птацею или зверем метнувшися со стены летети и к ним бежати! Но несть лъзе! И от утра даже и до вечера, по 3 дни, по стенам града хожашу, плачуще и гласом умильно рыдающе, с родом своим и со знаемыми продающихся, и видением наслаждахуся света сего сияния конечне».

Неудача повторных предложений казанцам покориться привела Ивана Васильевича в ярость; велев готовить-ся к приступу, он отобрал для этого «юнош свирепосердых и крепкооружных полк велик» и приказал остальным войскам отойти от стен, а «хитрецом во глубокия рвы, в подкопныя, под крепкия стены Казанския бочки со огненным зелием подкачивати». На другой день Иван Васильевич распорядился «до зори» служить заутреню и молебен, и на «солнечном восходе» литургию; вместе с ним все войны исповедались и причастились «и приготовишася чисти к подвигу смертному приступити». Объехав войска и укрепив их речью, Иван Васильевич повелел «во рвех глубоких зажигати свирепое зелие огненное». Видя отход русских от стен, казанцы сочли его за конечное отступление, «радоватися и веселитися почаша, лики творяще, и прелестныя песни поюще, плещуще руками, и скачущи, и пляшущи, играющи в гусли своя, и в прегудница ударяющи, и грохотание велико творяще, и поносы, и смех и укоризны велики дающе руским людям воем, и погаными свиноядцы называюще их...» «И егда зажжено бысть огненное зелье в ровех, священнику же чтушу на молебне святое евангелие и конец того возгласившу: «и будет едино стадо и един пастырь»... в той час абие возгреме земля... и потрясется место все, идеже стояше град, и позабыхуся стены градныя, и вмаде весь град не паде от основания. И вышел ис под градных пещер и сойдеся во едино место, и возвысися пламень до облак шумящ и клокочущи, аки некия великия реки, силный прах, яко и Руским воем смятитися от страха и далечь от града бежати, и прорва крепкия стены

градная прясло едино, а в другом же месте, от Булака саженой с десяток, и тайник подня, и понесе на высоту великое древие, на высоту с людьми, яко сено и прах ветром... Видевше же се воеводы великого полка... наполнишася духа храбра, и вострубиша воя их в ратные трубы и в сурны во многия и удариша в накры, весть подаючи и протчим полком всем, да готовятся скоро. Царь же князь великий... аки пардус ярости наполнив-ся бранная, и всед на избранный свой конь с мечем своим и скача вопиаше воеводам, мечем маша: что долго стоите бездельны, се приспе время потружатиcя мал час и обрести вечную славу,— и хоте в ярости дерзнути с воеводами сам итти к приступу в велицем полце и собою дати храбрости начало всем, но удержаша воеводы нудма и воли ему не даша, да не грех кой случится»...

Далее подробно описывается вторжение русских на стены, в проломы и в ворота. «И потопташа Казанцов Русь и вогнаша их в улицы града, биюще и сецаху Казанцов, не зело много им не успевающим скакати по всем местом граду, всюду врат и проломов бреши и битися со всеми не могущим, яко уже полон град Руси, аки мышца насыпано»... Изображается смятение и отчаяние казанцев: «где есть ныне сокрыемся от злыя Руси. Приидоша бо к нам гости немилыя и наливают нам пити горькую чашу смертную, ею же мы иногда часто черпахом им, от нихже ныне сами тая же горькия пития смертныя неволею испиваем». Считая виновником своей гибели Чапкуна, как упорного противника соглашения с Москвой, казанцы убили его, каялись, заявляли о сзоей покорности Московскому царю и молили о пощаде. Иван Васильевич сжалился, но невозможно было унять воинов от избиения. Три тысячи конных казанцев прорвались за Казань реку «и хотяше пробитися сквозе Руских полков, убежати в Нагай, и скочиша, аки зверие в осоку, и ту их окружи Руская сила, и осыпаша их аки пчела, не дадуше прозрети, и многих вой Руских убиша, и сами ту же умроша, храбрыя, похвально на земле своей».

Образно и гиперболически описывается опустошение Казани, расхищение сокровищ и плен. Некий «княжий отрок», ворвавшись с воинами грабить мечеть цареву, полную драгоценностями, нашел там среди «череев», князей и красавиц самого казанского царя, переряжен-

ного в «худые ризы» и приготовившегося бежать ночью. Приближенные царя помешали воинам убить его, согласно запрещению «самодержда». Иван Васильевич велел провести его на коне по всем полкам и затем «бреши во ослабе и в покое велицем». Когда Рязанский воевода сообщил царю Ивану подсчет побитых казанских людей (боле 190 000), тот «позыбав главою своею и рече: воистину сии людие, буи и немудри, крепщи быша и силни, и самовольне умроша, не покоришася воли моей» (ср. речь Магомета у Искандера).

Далее описывается въезд Ивана Васильевича в город, осмотр, освящение и устройство его, поставление в Казани архиепископа, уведомление Москвы о победе и торжество там, возвращение Ивана Васильевича и встреча его у Москвы: «Он же посреде народа тихо путем прохаждаше на царстем коне своем со многим величанием, на обе страны поклоняшеся народом, да вси людие наслаждаются видяще и велелепотныя славы, сияюща на нем; бяше бо оболчен во весь царский сан, яко в светлый день воскресения Христова, в латная и в серебряная одежда и в златый венец на главе его с великим жемчюгом и с камением драгим украшен, и царская порфира о плещу его, и ничто же ино видети и у ногу его разве злата и сребра и жемчюга и камения драгоценного»... Послы и купцы от далеких стран, присутствовавшие при въезде, «дивляхуся, глаголюще, яко несть мы видали ни в коих же царствах, ни в своих, ни в чужих, ни на коем же царе, ни на короле таковыя красоты и силы и славы великия. Ови же народи Московсти, возлезше на высокия храмины и на забрала и на полатныя покровы, и оттуду зряху царя своего, ови же далече наперед заскакаша, и от оных от высот неких лежащеся смотряху, да всяко возмогут его видети; девица же чертожныя и жены княжи и боярския, им же нелзе есть в такая позорища великая, человеческого ради срама, из домов своих изходити и из храмин излазити,—полезне есть где сидяху и живяху, яко птицы брегомы в клетцах,—они же совершенно приницающе из верей, из оконц своих, и в малыя скважины, глядаху и наслажахуся многого того видения чюдного, доброты и славы блещаяся».

Затем следует встреча царя митрополитом Макарием и царицей, пир, прием и крещение Казанского царя, выделение ему области и женитьба на боярышне, переда-

ча вдовы Санкирея в жены Шингалею, крещение ее сына, обзор трудов Ивана Васильевича по завоеванию Казанского царства и похвала ему. «Сице бе той цар-князь великий и много при себе память и похвал сотвори достойно: грады новы созда и ветхия обнови, церкви пречюдныя и прекрасныя воздвиге и монастыря обще-жительныя иночествующим устрои; и от юны версты че любляше никакия потехи царския, ловления песья, ни звериныя борьбы, ни гусельного звяцания, ни прегудниц скрипения, ни мусийского гласа, ни пискания прилетного, ни скомрахов видимых; и бесовская плясания и всяко смехотворения от себя отрыну, и глумлен-ники отогна, и вконец сих возненавиде; токмо всегда о воинственном попечении упражняшеся и поучение о бранех творяще, и почиташе добре конники и храбрыя оружники, и о сих с воеводами прилежаше, и сим во вся дни живота своего с мудрыми советники своими поучашеся и подвизашеся, како бы очистити землю свою от поганных нашествия и от частаго пленения их: к сему же тщашеся и покушашеся всяку неправду, и нечестие и кривосудство, и посулы, и резоимание, и разбой, и тадбы изо всея земля своея извести».

«История о Казанском царстве», содержательная и безусловно художественная, отразилась и в устной поэзии. Есть иностранное известие, что Иван Грозный любил на пирах слушать песню о взятии Казани. Песня с таким сюжетом дошла и до нас. Старейший ее список сохранился в так называемом «сборнике Кириши Данилова» 1768 года. Несмотря на своеобразную перелицовку события, имеются признаки, свидетельствующие о зависимости этой песни от княжной «Истории о Казанском царстве». Сюда можно отнести три основных момента песенной композиции: вещий сон Казанской цар-ицы, пороховой подкоп под город и апофеоз Московско-го царя. Казанская царица рассказывает мужу, царю Симеону, виденный ею сон:

«Как от силнова Московского царства
Кабы сизой орлишша стреленулся,
Кабы грозная туча подымалась,
Что на наше веть царство наплывала».

Симеоном был назван во крещении Казанский царь Едигер уже после взятия Казани. Проречений и проро-ческих снов об овладении Казанского царства Москвою

в «Истории» дано несколько. Например, когда Сапкирей вернулся из набега на Русь с большой добычей и устроил пир, «а царице его болюй, Сиберке, на одре слежащи и люте болезнующи недугом неким, и царь весел прииде к ней в ложницу, радость ей поведавая, русского плена и богатства неизчетного привезения к нему; она же, мало молчав, аки новая Сивилда, Южная царица, со воздыханием глаголя, ствечаше ему: не радуйся, о царю, сия бо радость и веселие не на долго время будет нам, но по твой живот, и оставшимся плачь и в сетование нескончаемое обратитца, и за тое неповинную кровь христьянскую своею кровью отольют, и зверие и пси поядят телеса их, и неродившимся и умершим до того отраднейши будет и блажащей царие в Казани уже по тебе не будут, вера бо наша во граде сем искоренится и вера будет святая в нем, и обладан будет Руским задержателем. Царь же замолчав и разгневався на ню, вон от нея из ложницы изыде». И еще: «В первую же ночь, егда к Казани прииде царь и великий князь и град obleже, виде сон страшен сам про себя Казанский царь: легче ми с печалию мало уснути, яко изыде с востока месяц мал, темен, худ и мрачен, и ста над Казанию, другой же месяц, аки от запада изыде, зело пресветел и велик велми, и пришед над градом же ста выше темного месяца. Темный же месяц перед светлым побеговал и потрясашеся, великий же месяц долго стояв и, яко крылат, полете от места своего, и догнав, и удари собою темного месяца, и аки поглотив в себе и прият, и той в нем просветися, великий же месяц, светлый, испусти ис себе, аки звезды огненные искры до полу небеси и во град и созже вся люди Казанския, и паки ста над градом великий месяц, и боле возрасте, и паче первого сияше неизреченным светом, аки солнце. В ту же ночь Сеит Казанский сон же виде, яко стекошася мнози стада великия многообразных зверей и люте рыкающе, льове же и пардуси, и медведи, и волцы, и рыси, и наполнишася ими лугове и поля вся Казанския; против же их истекоша из града невеликий стада, единошерстии зверие и волцы и естися и битися падша со многоразличными теми зверьми, и в час един вси стекше из града от лютых тех зверей изядены быша». Волхвы истолковали оба сна: «темный месяц, худый, ты еси, царю; а светлый месяц — Московский царь, князь великий, от него же ят будеши и в плен

сведен, а многообразие зверие — языцы толкуются мнози, Руская сила; а единошерстии волцы, то есть Казанцы единовѣрны, и стражут за свое царство едиными главами своими и подвизаются нелестно собою за ся; а еже изядоша серых пестрые зверие, то одолеют ныне Руская Казанцов».

В песне нет собственно толкования царицына сна, а прямо и непосредственно идет ополчение Грозного:

«А из силнова Московскаго царства
Подымался великий князь Московский,
А Иван сударь Васильевич, Прозритель
Со теми ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками,
Подходили под Казанское царство
За пятнадцать верст,
Становились они подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку, под Казанку»...

(Означеніе мест в песне тоже не говорит ли о книжном источнике. Прозаизмом является и «за 15 верст»).

«С черным порохом бочки закатали.
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство».

Далее следует зажжение свечей: зажигательной — в подкопе и поверочной — на поле; вторая сгорела ранее первой —

«Воспалился тут великий князь Московский,
Князь Иван сударь Васильевич, Прозритель,
И зачел кананеров тут казнити,
Что началась от кананеров измена».

Молодой канонер разъяснил:

«Что на ветре свеча горит скорей,
А в земле — то свеча идет тишея,
Позадумался князь Московский,
Он и стал те то речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути»...

В «Истории о Казанском царстве» есть также мотив измены. Неожиданно к Ивану Васильевичу под Казань пришли служить фряги (иноземцы) и обещались «скоро и малыми деньми» «ото основания низложити град». Сделав для «огненных стрелыцов» четыре башни выше городовых стен, они другому делу касаются, его же

прежде того никто же на Руси видал, и почаша нощию тайно копати глубокия рвы под Казань город, с восточныя страны, под глубокую ону стремину ото Арского поля, с приезде к Казани, и неведущим Казанцем дела сего, от наших вой никому же, токмо воевода и делатели, иже кои дело сие делаху; но и ти укреплены со истинною никому же дела того поведати изменных для наших лесцов, да не сведавше Казанцы и того устрегутся. Ис тех же един бе некто от приставник дела того, воин полку царева, Калужеского рода, именем Юрьи Булгаков, лют сы и неправеден, яко в отечестве своем сожитствующих ему сосед насилствоваше..., его же за злонравие не любляше самодержец многажды смиряше; сей же беззаконны за нелюбие то гневашеся на господина своего и царя, и хоте, аки неверный злое прелатейство сотворити: и написав грамоту на стреле и пусти ю в Казань ко царю, да град и люди своя крепити и сам не страшится, сказа ему и места подкопные... Казанцы же паче о сем укрепишася, и искаху в том месте подкопов, не обретоша».

Равно, как в «Истории», песня показывает разрушительное действие взрыва. Далее — встреча казанской царицы Ивана Васильевича, устремившегося ко двору:

«Что царица Елена догадалась.
Она сыпала соли на ковригу.
Она с радостью Московского князя встречала.
А таво ли Ивана-сударь Васильевича Прозрителя;
И за то он царицу пожаловал
И привел в крещеную веру,
В монастырь царицу постригли».

В «Истории» есть несколько упоминаний о крещении казанских пленниц в Москве: так, крещена была жена улана Кошак, любовника царицы Самбеки, затем сама Самбека «добром нужна бысть крещение прияти и не крестися». Царя Симеона Иван Васильевич ослепил за гордость (в «Истории» — помиловал).

«Он и взял с него царскую корону
И снял царскую перфиду,
Он царский костыль в руки принял.
И в то время князь воцарился
И насел на Московское царство:
Что тогда де Москва основалася,
И с тех пор великая слава».

Этот песенный апофеоз Грозного в основе зависел от рассказа «Истории» о принятии им царского титула (за

пять лет до взятия Казани), и от сообщения об инсигниях царской власти, посланных византийским цесарем Константином еще Владимиру Мономаху, о чем «История» повествует при изображении совета Ивана Васильевича с вельможами перед походом на Казань (Константин послал Мономаху «самы свой царский венец, и багряницу, и скиферт»... Это взято в «Истории» из «Сказания о князех Владимирских»).

Взятие Казани послужило сюжетом и для татарских песен. Три таких текста были изданы в русском переводе В. Ф. Миллером. В одной из этих песен порицается роль хана Шыгали, которого подкупил Иван Русский, и тот налил воды в порох. В другой рассказывается, как Иван Русский, не одолев в бою под Казанью, построил крепость на Свияжской горе, но сначала принужден был удалиться и лишь затем выпросил у его величества Едигера дозволение поселиться здесь. Третья повествует о том, что некий Чура, убивший много русских, зашел в Казань, где жители упросили его изрубить Ивана Русского. Чура вошел в палату к Ивану и отрезал ему голову, когда тот ужинал: «Ивановы слуги пришли, чтобы взять посуду, а голова оказалась в чашке». Чура-Шора — батыр, былины о котором широко известны у тюркских народов (например, у казахов и киргизов); в одной из этих былин Шора выставлен, между прочим, как освободитель родного города «Казана» от враждебного тюркского племени. Здесь, очевидно, разумелся город Казан, существовавший некогда в Семиречье. После взятия русскими Казани на Волге семиреченский город был подменен Казанью, и Шора был сделан освободителем ее от русского царя. Так создавалась другая былина о Шоре-батыре, представляющая трансформацию первой. Наконец, последний вид сюжета отразился на татарской песне о Чуре, изданной в переводе В. Ф. Миллером.

Чура поминается и в «Истории о Казанском царстве», но не как противник русских, а как их союзник. Еще у Карамзина упомянуто, что некий Чура из Крыма в Казанском ханстве был убит на войне в 1546 году. Карамзин взял это сообщение из русского летописца, скорее всего именно из «Истории о Казанском царстве». В этой «Истории» рассказывается следующее. По изгнании из Казани царя Сапкирея, казанские вельможи выпросили у Ивана Грозного в цари себе Шигалея, сме-

щенного с престола Сапгиреем. Получив Шигалея, казанские вельможи держали его в качестве пленника, намереваясь убить его как неизменного сторонника Москвы. «Но царская смерть не бывает без ведома бо- жия, ни проста человека, ни коегождо (влияние пове- сти Искандера). И вложи бог милосердие, верного его ради страдания за христьяны, в сердце большого князя Чюре Нарыковича (в былинах тюрков Шора — сын На- рикбая), властеля Казанского — власть надо всеми Ка- занцы — и пожелел о нем сердцем и душою своею, и припаде ко царю верною правдою неместною, добру помощь дая ему советом своим, и печаль от него отреа- вая, и время подобно избежанию его сказуя, избавляя царя от неповинныя смерти, обличил же и сказует ему велмож Московских, по именом, доброхотующих ему, и к Казани вести о зле и добре подающих ему, дары от них велики взимаше, и дасть ему грамоты и веры для за печатми. Казанцы же неотложно того дни — сего дни хотяше царя убить, но побеждаше их смирение его, и маня им Чюра, царя убить, день ото дни отлагаше».

В один из праздников «Срацынского обычая» царь Шигалей позвал к себе на обед всех вельмож казан- ских, воинов и купцов, устроил пир и всем жителям. Когда все перепились, Шигалей одних убил, других за- ковал в цепи. «Чюра же проводи царя из Казани до Волги и спусти его убежати, и норови ему, и рече Чю- ра: аз вместо тебя умру в Казани и моя буди глава в твоея место главы; ты же мною да избавлен буди и не забуди мене, егда будеши прежде мене на Москве, пред самодержцем станеши: воспомяни мя ему о себе. И исповедав Чюра всю свою мысль царю: яко да и аз буду готов бежати ис Казани, к Москве же на имя самодержцовой; аще не убегну, то убьен буду от Казан- цов за испущение твое. И совет ему дав Чюра, да ждет его царь на некоем месте знаеме, день ему наре- че... Разгневался князь Чюра на Казанцов о царе Шига- лее, что леств сотвориша, не по совету его взяша бо царя на вере и роте велице, и восхотеша его убить, зки некоего злодея и худа человека, бога не убоаяшася, брань бо конечную и кровопролитие зачаша с Москов- ским самодержцом, на отмщение себе и чадом своим». Бросив все, царь Шигалей с русским воеводою побежа- ли на стругах к Русским украинам, к Василию граду.

«От страха смертного царь же забы пождати друга своего верного, Чюру Нарыковича, на месте уреченном, избавившаго от смерти». На утро казанские князи и мурзы явились во дворец, но не нашли там ни царя, ни его приближенных, увидели только иссеченную стражу. Погнались было за царем, но безнадежно. Ссорились между собою и бились. «Гневахуся все на Чюру, яко унимаше их убити царя, и роптаху и зубы скрежчуще. Они же почиташа Чюру за храбрость его и за высокоумие его во всем граде. Чюра же по времени собрався с женамч своими и з детми — с ним же бе 500 служащих раб его, во оружиях одеянны, всех ратник с ним 1000 и присталых к нему..., аки в села своя поеха проклажатиcя ис Казани, и побежа к Москве, спуcтя по царю 10 дней, и догнав места реченного, и не обрете царя, ждущаго его. И торко ему бысть в тот час. А Казанцы же, уведав бегание Чюры, и гнавше за ним и догнавши. Он же обстрожаcя на месте крепче, чаяcя отбитися от них, и бившеся с ними долго. И убиша храброго своего воеводу Чюру Нарыковича и с сыном его, и со всеми отроки его, яко прелататаи еcть Казани, доброхота царева; токмо жены его живы с рабынями ея в Казань возвратишася. И несть болши сея любви ничтоже, аще кто за друга душу свою положит или за господина».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

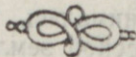
Разбором «Истории о Казанском царстве» мы заканчиваем обзор исторических «воинских» повестей. Казанская «История» действительно может служить конечным пределом в развитии их беллетристического стиля. Она соединила в своих изображениях художественные особенности, постепенно вырабатывавшиеся в течение пяти-шести веков русского повествования. Правда, казанская «История» воспользовалась не всем богатством накопленных художественных мотивов и образов. Многие из них, вместе с изменением форм политической жизни, вариировались, и, если вошли в «Историю», то в позднейшем уже оформлении. Но как бы то ни было, казанская «История» представляет собою итог, суммирующий особенности стиля, развивавшегося преимущественно в недрах русской летописи. В этом отношении «История» стоит на параллели летописного свода, известного под названием «Никоновского», который собрал в себе все приемы предшествующего летописания. Никоновским сводом русская летопись как бы заканчивает развитие своей структуры, идущей от прошлого, равно как «История о взятии Казани» завершает стиль предшествующей исторической беллетристики. Все это совпало с укреплением Московского единовластия, с порой наивысшего напряжения политики Ивана Грозного.

За весь избранный нами период русской жизни наиболее художественное изображение было посвящено повествованию о воинских подвигах. Героизм был излюбленной темой русской средневековой литературы, причем воинская борьба привлекала особое внимание ее писателей не как приключение только, интересное своим драматизмом, а понималась как беззаветный труд во благо и на славу Русской земли. Для всех изображе-

ний воинские повести выработали картины, полные разительных образов, создали прекрасный памятник русской воинской славы «в память предыдущим родам». Воинская мощь нашей родины, художественно запечатленная уже в том далеком прошлом, развиваясь неудержимо, развернулась ныне, в дни Великой Отечественной войны с немецкими варварами, в таких размерах и с такой красотой подвига, что героическая тема наших дней станет темой всей мировой литературы.

В конце XVI века закончила свое развитие характерная стилистическая традиция воинских повестей; тогда же завершила цикл своего развития и летопись, как род книжности, среди других памятников посвященный преимущественно истории русского государства. В XVII веке мы уже не видим летописных сводов, изготовлявшихся в среде строителей русской государственности, в княжеских и митрополичьих канцеляриях, наконец в правительственных учреждениях Ивана Грозного. Монументальный род летописной книжности, объединявший историческое повествование, уступил место разнообразным литературным формам, не имевшим структурной связи между собою. Стиль воинских повестей, веками сложившийся в некий общий канон, благодаря объединению их в общем русле летописи, потерял теперь свою обязательность, но все же вошел некоторыми своими элементами и в новое оформление исторической беллетристики. Однако стилистическая схема старой воинской повести и в этом отражении оказалась недолговечной. Просуществовав еще около полустолетия в сюжетах народных восстаний и крестьянских войн конца XVI — начала XVII века, она почти совсем вышла из средневекового литературного обихода с половины XVII столетия.

Потрясающие события на рубеже XVI и XVII веков — смена правящей династии, самозванщина, глубокая иноземная интервенция, бурные народные движения — дали обильный материал для героической тематики и породили массу исторических произведений. Включение этих произведений в один очерк с предшествующими обесцветили бы их своеобразие, почему мы и решили посвятить им следующую отдельную книгу.

ЛИТЕРАТУРА

К главе I

Повесть временных лет. Издание: Акад. А. А. Шахматов, Повесть временных лет, т. 1, П., 1916. Исследования: 1. Акад. М. И. Сухомлинов, О преданиях в древней русской летописи. Сборник Отдел. русск. яз. и словесн. Ак. Наук, т. 85, СПб., 1908.—2. Н. И. Костомаров, Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказаниях и обычаях. Собр. соч., т. XIII, кн. 5.—3. И. Хрущов, О древнерусских исторических повестях и сказаниях, Киев, 1878.

К главе II

Слово о полку Игореве. Издание и исследование: Акад. А. С. Орлов, Слово о полку Игореве, М.—Л., 1938. Библиография: Слово о полку Игореве. Библиография изданий, переводов и исследований, сост. В. П. Адрианова-Перетц, М.—Л., 1940.

К главе III

Повести о татарском нашествии. Тексты: Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, изд. Археогр. комиссией, т. II, изд. 2, СПб., 1908.—2. Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей, изд. Археогр. комиссии, т. I, Л., 1926.

К главе IV

Повесть об Александре Невском. Издание: Памятники древней письменности, XXXVI. СПб., 1882 и XXXIV. СПб., 1892. Исследования: 1. Н. И. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, М., 1915.—2. Б. Мансикка, Житие Александра Невского, СПб., 1913.

Слово о погибели Русской земли. Издание: Х. Лопарев. Памятники древней письменности, 1898.

Повести о Довмонте. Издание и исследование: Н. И. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития, М., 1915.

Псковская первая летопись. Издание: Полное собрание русских летописей т. IV, СПб., 1848.

К главе V

Повести о Куликовской битве. Издание и исследование: С. К. Шамбинаго, Повести о Мамаевом побоище. Сборник. Отдел. русск. яз. и словесн., Акад. Наук, т. 81, № 7. СПб., 1906.

К главе VI

Повести о татарских нашествиях на Москву. Издание: Полное собрание русских летописей, т. VI, стр. 98—109, 124—128; т. VIII, стр. 42—48, 65—68.

К главе VII

Повесть о взятии Царьграда. Издание: арх. Леонид. Повесть о Царьграде Нестора Искандера. Памятники древней письменности, 1886. Исследование: Г. П. Бельчиков, К вопросу о составе исторической повести о взятии Царьграда. Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Л., 1934.

Повесть о Николе Зарайском. Издание: И. И. Срезневский, Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXIX, СПб., 1867.

К главе VIII

История о Казанском царстве. Издание: Полное собрание русских летописей, т. XIX. Исследование: Г. З. Кунцевич, История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905.

Общие исследования и обзоры: 1. Акад. А. С. Орлов, Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.), М., 1902.—2. Акад. А. С. Орлов, Курс лекций по древнерусской литературе, изд. 2, 1939.—3. История русской литературы под общей ред. В. А. Десницкого, т. I, ч. 1, под ред. акад. А. С. Орлова и В. П. Адриановой-Перетц, М., 1941.—4. История русской литературы, т. I (литература XI—начала XIII века), Институт литературы Акад. Наук СССР, М.—Л., 1941.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Введение	3
Глава I. Военские повести Начальной летописи	6
Глава II. «Слово о полку Игореве» как произведение дружинной поэзии	26
Глава III. Военские повести о татарском нашествии	40
Глава IV. Повесть об Александре Ярославиче Невском и повесть о Довмонте Тимофее	53
Глава V. Повести о Куликовской битве	67
Глава VI. Повести о татарских нашествиях на Москву	79
Глава VII. Повести о взятии Царьграда турками в 1453 году и о Николине образе Зарайском	100
Глава VIII. История о Казанском царстве . .	113
Заключение	139
Литература	141

36
33
2

*Печатается по постановлению Редакционно-
издательского совета АН СССР
за № 2103*

Л60529. Подписано к печати 2/X 1944 г. печ.
л. 9. Уч. изд. л. 9. Тираж 5000. Цена 6 р.
Закая № 649

Типография „Красный печатник“, Москва,
ул. 25 Октября, д. 5.

5